

**Власть истории –
История власти**

Том 10. Часть 7. (№57)

**The Power Of History
– The History Of Power**

Volume 10. Issue 7. (№57)

Свидетельство о регистрации средств массовой информации

ПИ № ФС77-61481

от 24 апреля 2015 г.

Эл № ФС77-61482

от 24 апреля 2015 г.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Власть истории – история власти» обязательна.

Рукописи рецензируются.

Журнал входит в Перечень ВАК (№ 694)

Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад в поддержку проекта.

ISSN 2415-7015

8 номеров в год

Е-mail: etnosocium@mail.ru

Сайт: <http://etnosocium.ru/vi>

Язык: русский, английский.

Зам. гл. ред. С.В. Рыбаков

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60x90/16. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 11,625

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «Этносоциум»

Отпечатано в типографии Международного издательского центра «Этносоциум»,

105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Москва 2024

Certificate of registration of mass media

ПИ № ФС77-61481

Founded in April 24, 2015

ЭЛ № ФС77-61482

Founded in April 24, 2015

The journal is ready to cooperate with authors from Russia and far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the scientific society.

“The Power Of History” aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free access to all publications, unless the contract with the author presupposes other conditions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

The journal is included in the list of HAC (№ 694)

**We express our gratitude
of the outstanding scientists and public figures, who made
a financial contribution to the project.**

ISSN 2415-7015

8 issues per year

E-mail: etnosocium@mail.ru

Website: <http://etnosocium.ru/english/The-Power-Of-History-vi-iv>

Languages: Russian, English

Deputy Chief Editor: Rybakov S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x90

Copies: 500

The original layout was prepared by the International Publishing Center «Ethnosocium»

Printed in the printing house of the International Publishing Center «Ethnosocium»

105066, Moscow, Spartakovskaya st., 19, building 3.

Moscow 2024

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Зам. Главного Редактора, руководитель проекта:

Рыбаков С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой национальных и федеративных отношений Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Долженко А.Н., доктор филологических наук. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков. Московская Академия Следственного комитета Российской Федерации.

Ненарокова М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ РУДН, ведущий научный сотрудник, отдел Классических литератур Запада и сравнительного литературоведения. Институт мировой литературы имени А.М. Горького (ИМЛИ) РАН. Переводчик.

Нагорнова Е.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Никашина Н.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Клименко Д.А., кандидат филологических наук, специалист по Италии.

Мурашко С.Ф., кандидат психологических наук, профессор кафедры русского и иностранных языков. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Ивакин Г.А., доктор исторических наук, профессор, эксперт. Заместитель директора ФГБНУ «Психологический институт РАО».

Наумова Г.Р., доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ).

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ковалева Н.А., доктор филологических наук, доцент. Профессор кафедры русского языка и литературы Института иностранных языков Нанкинского университета (КНР).

Летуновский П.В., кандидат исторических наук, доктор политических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Варсонофьев В.В., кандидат политических наук, военный эксперт.

Чапкин С.В., почетный академик, президент «Академии экологии и права».

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Игнатов И.С., кандидат политических наук, старший советник юстиции.

Вражнова М.Н., доктор педагогических наук, профессор, МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Курбонзода Хонали, доктор исторических наук, Ректор Республиканского института повышения квалификации и переподготовки работников сферы образования, Республика Таджикистан, г. Душанбе.

Платонова Н.М., доктор исторических наук. Доцент кафедры «Теория и история государства и права» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточный государственный университет путей сообщения» (г. Хабаровск).

EDITORIAL BOARD

Deputy. Chief Editor and Project Manager:

Rybakov S.V., Doctor of historical sciences, professor of the history of Russian Ural Federal University.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of National and Federal Relations of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Dolgenko A.N., Doctor of Philology. Head of the Department of Russian and Foreign Languages at the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Nenarokova M.R., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, RUDN University, Leading Researcher, Department of Classical Literature of the West and Comparative Literature. Institute of World Literature RAN. Interpreter/Translator.

Nagornova E.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages at the Institute of Foreign Languages of the Peoples' Friendship University of Russia.

Nikashina N.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Klimenko D.A., Candidate of Philology, specialist in Italy.

Murashko S.F., Candidate of Psychological Sciences, Professor of the Department of Russian and Foreign Languages. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Ivakin G.A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Expert. Deputy Director of the Federal State Budgetary Scientific

Institution “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”.

Naumova G.R., Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councillor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kovaleva N.A., Doctor of Philology, Associate Professor. Professor of the Department of Russian Language and Literature of the Institute of Foreign Languages of Nanjing University (PRC).

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the A.M. Vassilevsky Soviet Union.

Varsonofiev V.V., Candidate of Political Science, Military expert.

Chapkin S.V., Honorary Academician, President of the “Academy of Ecology and Law”.

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor.

Ignatov I.S., Candidate of Political Sciences, senior advisor of justice.

Vrajnova M.N., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Road Construction University (MADI).

Honali Kurbonzoda, Doctor of Historical Sciences, Rector of the «National Institute of professional development and training of educators».

Platonova N.M., Doctor of Historical Sciences. Associate Professor of the Department “Theory and History of State and Law” of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Far Eastern State University of Communications” (Khabarovsk).

Содержание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ЛИНГВИСТИКА

Долженко А.Н., Косырева М.С., Лыткина О.И.

Имплицитное выражение каузальности в русском языке.....12

Мурашко С.Ф., Рудакова С.В., Косырева М.С. Использование
суггестивного метода в преподавании английского языка.....20

Анзина Т.И., Стрижова Е.В. Языковая подготовка
специалистов таможенного дела – активизация возможностей.....29

Баталов А.А., Серегина М.К. Ted Talks как база исследования
вербальной лингвистической специфики ораторского мастерства.....37

Вышегородцева М.С. Влияние социальных сетей на молодежь.....45

Иванова А.П. Речевая культура
как ключевая компетенция экскурсоводов (гидов).....50

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Гольцов А.Н. Проблема имперской

интеграции во взаимоотношения Великобритании
и доминионов в первые десятилетия XX века.....58

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Острова и государственные

границы: история, культура, столкновение цивилизаций.....70

Пузанов В.Д. Формирование Сибирского корпуса в 50-е гг. XVIII в...79

Рыжаков Д.Г., Средняк К.В., Зайцева Е.А.	
Государственные и политические преступления в дореволюционной России: к вопросу о понятиях (по материалам российской историографии конца XIX – начала XXI вв.)...89	
Хэ И Политическая жизнь России в эпоху культурного кризиса (конец XIX – начало XX века).....97	
Берестенникова Е.А. Кооперативное развитие в Дальневосточной Республике (1920-1922 гг.).....105	
Дудько А.Д. Зарубежная историография общественно-политического развития западной беларуси в составе Польши (1921-1939 гг.): научно-культурные и университетские центры зарубежного белорусоведения.....115	
Зубов А.Ю. Психологический портрет офицера Российского Императорского флота в период Русско-японской войны 1904-1905 гг.....123	
Курылев С.А. «Большой скачок»? Трансформация питания населения в 1900-1930-е гг.....132	
Ли Цзэлинь Русская журналистика эпохи декабристского движения.....143	
Муков М.И. Опыт сохранения родного языка в абазинской диаспоре Турции.....150	
Гелаева З.А. Притеречье – зона чечено-русских добрососедских отношений в XVIII-XIX вв.....161	
Аннотации 171	
Авторы 182	

Content

PHILOLOGICAL SCIENCES, LINGUISTICS

<i>Dolgenko A.N., Kosyreva M.S., Lytkina O.I.</i> Implicit expression of causality in Russian.....	12
<i>Murashko S.F., Rudakova S.V., Kosyreva M.S.</i> Use of the suggestive method in teaching English.....	20
<i>Anzina T.I., Strizhova E.V.</i> Language training for customs specialists – enhancing capabilities.....	29
<i>Batalov A.A., Seregina M.K.</i> Ted Talks as a base for the study of the verbal linguistic specificity of public speaking.....	37
<i>Vyshegorodtseva M.S.</i> The impact of social media on young people.....	45
<i>Ivanova A.P.</i> Speech culture as a key competence of guides (guides).....	50

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND GENERAL HISTORY

<i>Goltsov A.N.</i> The problem of imperial integration in the relations between Great Britain and dominions in the first decades of the 20th century.....	58
--	----

ACTUAL QUESTIONS OF HISTORICAL SCIENCES

<i>Ryabova E.L., Ternovaya L.O.</i> Islands and state borders: history, culture, clash of civilizations.....	70
<i>Puzanov V.D.</i> Formation of the Siberian corps in the 50s XVIII century...	79

Ryzhakov D.G., Srednyak K.V., Zaitseva E.A.	
State and political crimes in pre-revolutionary Russia: on the issue of concepts (according to the materials of the Russian historiography of late 19th - early 21th centuries).....	89
He Yi Political life of Russia in the epoch of cultural crisis (late 19th - early 20th century).....	97
Berestennikova E.A. Cooperative development in the Far Eastern Republic (1920-1922).....	105
Dudzko A.D. Foreign historiography of the issue of western Belarus development within Poland (1921-1939): scientific, cultural and university centres of foreign Belarusian studies.....	115
Zubov A.Yu. Psychological portrait of an officer of the Russian Imperial Navy during the Russo-Japanese War of 1904-1905.....	123
Kurylev S.A. “The big leap?” Transformation of the population’s nutrition in 1900-1930s.....	132
Li Zelin Russian journalism of the Decembrist movement era.....	143
Mukov M.I. Experience of preserving the native language in the Abaza diaspora in Turkey.....	150
Gelaeva Z.A. Priterechye is a zone of Chechen-Russian good-neighborly relations in the 18th-19th centuries....	161
Abstracts	177
Authors	184

Филологические науки, лингвистика

Philological sciences, linguistics

Долгенко А.Н.

Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, доктор филологических наук, доцент. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

Косырева М.С.

Доктор филологических наук, доцент. Новосибирский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии.

Лыткина О.И.

Кандидат филологических наук, доцент. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

Имплицитное выражение каузальности в русском языке*

Аннотация. Определение каузативных связей свойственно человеческому сознанию, поэтому неудивительно, что язык как продукт человеческого разума отражает эти связи. Каузативные связи в языке могут выражаться не только эксплицитно, т.е. вербально, но и имплицитно, когда значение казуальности осложнено некаузальными семантическими отношениями: пояснительными, избирательными, условными и др. В связи с этим представляется важным описание маркеров имплицитного выражения каузальности, позволяющих понять реальное намерение субъекта.

Ключевые слова: русская грамматика, каузальность, маркеры имплицитной каузальности.

Dolgenko A.N.

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor. Head of the Department of Russian and Foreign Languages, A.Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

---

* © Долгенко А.Н., Косырева М.С., Лыткина О.И., 2024.

Kosyreva M.S.

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor. Order of Zhukov Novosibirsk Military National Guard Troops Institute.

Lytkina O.I.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. A.Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Implicit expression of causality in Russian

Abstract. Determination of causative relations is peculiar to human consciousness, so it is not surprising that language as a product of human mind reflects these relations. Causative relations in language can be expressed not only explicitly, i.e. verbally, but also implicitly, when the meaning of causality is complicated by non-causal semantic relations: expository, selective, conditional, etc. The definition of causality in the Russian language is not only explicit, i.e. verbal, but also implicit, when the meaning of causality is complicated by non-causal semantic relations. In this connection, it seems important to describe the markers of implicit expression of causality, which allow us to understand the real intention of the subject.

Key words: Russian grammar, causality, markers of implicit causality.

Неослабевающее внимание гуманитарных наук к явлению каузальности свидетельствует о перманентной актуальности категории причинности для разных отраслей познания человека и в полной мере соответствует антропологическому развороту современной научной парадигмы. Содержание понятия «каузальность» в науке определяется достаточно широко и указывает на факторы, причины, доказательства, результаты, прямые или косвенные свидетельства, стимулы [Ляпон, 1985, с. 333]. В филологической традиции начиная с XIX в. причинность описывалась как синтаксическое значение, позже нечто противопоставленное другим синтаксическим значениям. В академической «Грамматике русского языка» утверждается: «Значение причины семантически конкретизируется как необходимая причина, фактор (предопределенного конца), который заставляет что-то появиться, фактор, который сопровождает (сопутствует появлению), основа, подтверждение, доказательство, аргумент, прямое или косвенное доказательство, предлог, мотив» [Русская грамматика 1980, т. 2, с. 678]. При этом особый интерес представляет неявное выражение причинности, имеющее особое значение для экспертно-лингвистической идентификации намерения (резона, мотива), выраженного имплицитно.

Каузальность так или иначе выражается в любом тексте. Это лексико-грамматическое отношение тесно связано с временными, атрибутивными и другими отношениями, и в русском языке существует множество различных способов выражения причинности. С точки зрения грамматической структуры, в простых предложениях это может быть выражено с помощью предлогов, наречий и независимых фраз: в сложноподчиненных предложениях подчиненные клаузы связаны со всей или частью главной клаузы с помощью союзов. В «Грамматике русского языка» описывается значение причин, которое выражается препозитивными сочетаниями и независимыми словосочетаниями. Причинные клаузы делятся на две основные группы в зависимости от значения предложения: конструкции, выражающие чистые причинные отношения, и конструкции, выражающие нечистые причинные отношения. В чистых причинных предложениях подчиненная клауза сообщает о непосредственной истинной причине того, о чем говорится в главной клаузе. В нечисто каузативных предложениях обстоятельства, на которые указывают подчиненные предложения, являются лишь внешними предлогами или косвенными доказательствами, на основании которых делаются выводы о том, что говорится в основном предложении. При этом союзы, выражающие отношение причин, функционально делятся на две группы: к первой относятся «функционально не однозначные, неспециализированные союзы, т.е. союзы, указывающие на самые общие причины и те, которые, помимо контекста, не могут однозначно выделить характер отношения причин»; ко второй – «функционально однозначные союзы, т.е. союзы, специализированные на представлении определенной причины (чистой или нечистой), и причины и нечистые причины» [Русская грамматика 1980, т. 2, с. 582]. Соответственно, причинные предложения делятся на:

1) причинные предложения с многозначными соединительными союзами, например: *потому что, так как, раз, ведь* и т.д.;

2) причинные предложения с однозначными соединительными союзами, например: *оттого что, из-за того что, для того что, благодаря тому что, для того, благодаря тому что, и в результате того что, по причине того что, в связи с тем что* и т.д., где последнее является сопряжением с письменным словом и служебным вопросом.

В причинных предложениях с классом многозначных союзов семантика может выражать как чистое, так и нечистое причинное значение. В таких предложениях критерий разделения чистых и нечистых причинных значений основан на сочетании союза с материализованным словом. Как правило, основным типом значения, выражаемого союзом «потому что», является чисто причинное значение. Союз «потому что» с модальными словами (*явно, вероятно* и т. д.) выражает не чисто каузальное значение. Например:

Мы пошли в продуктовый магазин, потому что нам понадобились сметана, яйца и молоко.

Явно, он влюблен, потому что стал еще доверчивее, прежнего.

Следует обратить внимание на то, что в предложениях с соединительными союзами сами соединительные союзы могут играть роль модального глагола причинных отношений. Способность соединительных союзов к дифференциации в большинстве случаев ограничена их собственной семантикой. Однозначные соединительные союзы имеют собственное значение: одни обозначают чисто причинное значение (*из-за того что, оттого что* и т. д.), другие – не чисто причинное (*тем более что* и т. д.). Например:

Оттого, что облака почти касались верхушек берез, на земле было тихо и тепло (чисто каузальный смысл).

До смерти не хочу обращаться к врачам, тем более что редко кто не спросит: «Как у вас сердце?» (не чисто каузальный смысл).

При имплицитном выражении причинно-следственных отношений значение причины в предложении осложняется другими некаузальными семантическими отношениями: пояснительными, избирательными, условными, например:

Прошёл дождь, потому что асфальт мокрый. (аргументативные отношения)

На кухне очень холодно: ведь там всю ночь было открыто окно. (объяснительное отношение)

Всю дорогу он бежал, а не то опоздал бы на электричку. (условные отношения)

Рассмотрим их несколько подробнее.

1. Выражение аргументации.

При имплицитном выражении каузальности говорящий не только называет реальную причину, но и указывает на нее как на аргумент и делает логическое умозаключение, которое обычно выражается в субъектно-объектном сложном предложении с союзами «потому что, так как». Например:

У него, наверное, болит нога, потому что он прихрамывает.

Сравним предложения:

Преподаватель заболел, потому что простудился. / Преподаватель, наверное, заболел, потому что занятия отменили.

Первое предложение выражает чисто причинно-следственную связь, второе – логическую инференцию. Между подчиненным и главным предложением устанавливается отношение умозаключения (главное предложение содержит вывод логического анализа рассуждения «Преподаватель, наверное, заболел», подчиненное – аргумент для этого вывода «Потому что занятия отменили»). Иными словами, в предложениях с логическим выводом подчиненная клауза содержит результат того, что утверждает главная

клауза, а главная клауза содержит фактическую причину того, что утверждает подчиненная клауза.

Поскольку умозаключение имеет определенное значение в этом типе предложения, в нем часто используется лексика степени определенности вывода. Чтобы выразить уверенность и неуверенность в достоверности высказанного вывода, в главной клаузе используются модальные оценочные средства и фразы. Если необходимо указать на уверенность говорящего в достоверности вывода, используются слова «явно», «безусловно», например:

Явно недавно прошел дождь, потому что асфальт мокрый.

Если необходимо указать на то, что говорящий не уверен в достоверности вывода, используются слова типа «наверное», «вероятно», «по-видимому», «кажется», «может быть», «должно быть», «скорее всего», например:

Наверное, недавно прошел дождь, потому что асфальт мокрый.

2. Выражение причинных отношений со значением выбора.

При выражении значения выбора, когда говорящий указывает на нежелательный для себя результат, используются слова «то», «иначе», «в противном случае», «в ином случае», например:

Закрой окно, а то замерзнешь.

В селективных предложениях выражается как причина, так и условие. В случае селективной связи, если действие совершается в соответствии с тем, что указано в главной клаузе, подчиненная клауза содержит результат, которого можно избежать. Например:

Они вылетели на совещание самолетом, иначе они опоздали бы на конференцию. = Они вылетели на конференцию самолетом, потому что, если бы они этого не сделали, они опоздали бы на конференцию.

Для выражения значения выбора в разговорном языке обычно используется союз «а то», в письменном языке часто употребляется «иначе», «в противном случае», «в ином случае». В предложениях с выборочным значением соответствующий союз может использоваться отдельно или в сочетании с каузативным союзом, например:

Надо закончить строительство гостиницы в срок, потому что в противном случае придется платить большую неустойку.

Союз «а то» не может использоваться с каузативной связью, например:

Надень пальто, а то простудишься.

3. Выражения с пояснительным, дополнительным значением причинных отношений.

Чтобы выразить причинно-следственную связь с пояснительным, дополнительным значением, используется предложение с частицей «ведь». Слово «ведь» относится к группе интенсификаторов (усилительные частицы), которые усиливают значение или тон слова или целого предложения и

одновременно усиливают выразительность речи. «Ведь» усиливает смысл и интонацию предложения в утвердительном, отрицательном, вопросительном, восклицательном и других смыслах. Частица усиливает значение причины в предложении, например:

Он занимается спортом. Ведь спорт – это здоровье.

Частица «ведь» соединяет два независимых предложения с одинаковым смысловым ограничением причины. Если необходимо выразить дополнительную информацию, то в конце предложения, содержащего главную информацию, ставят точку или запятую. Например:

Польский язык похож на русский, ведь эти два языка принадлежат к одной языковой группе.

Предложения с частицей «ведь» указывают на дополнительную информацию, а предложение, содержащее основную информацию, всегда следует за главным предложением. Например:

Зря вы боитесь. Ведь вас никто не обидит.

Сложные предложения с союзом «раз» используются для выражения причинно-обусловленного значения, преимущественно в разговорной речи. Подчиненное предложение с союзом «раз» может находиться в любой позиции по отношению к основному предложению (до, после, в основном предложении). Например:

Раз обещал, он все сделает. / Он, раз обещал, все сделает. / Он все сделает, раз обещал.

Чтобы усилить ощущение причины, подчиненная клаузула должна идти после главной клаузулы. Например:

Продолжим разговор, раз вы пришли.

Чтобы подчеркнуть значение результата, подчиненная клаузула должна стоять перед главной клаузулой. Например:

Раз вы пришли, продолжим разговор.

Еще один косвенный способ выражения причинных отношений – контекстуальные причинные отношения.

4. Выражение контекстуальных причинных отношений.

У контекстуальных причинных отношений нет собственных средств выражения. Чтобы выразить контекстуальную причинность, необходимо использовать другие, некаузальные средства. Например:

Когда его нет, мне неспокойно.

Без тебя мне скучно.

Контекстуальные причинно-следственные связи могут выражаться сослагательными глаголами и сослагательными глагольными фразами. Например:

Заболев, Андрей остался дома.

Он может быть выражен формой глаголов и формой глагольных слово-

сочетаний. Например:

Хорошо подготовленный к экзаменам, он сдал сессию на отлично.

Выражение причинной семантики в сослагательном наклонении и морфосинтаксических глагольных конструкциях обычно неоднозначно. В предложениях причинная семантика пересекается с другими некаузальными отношениями. Эти отношения формируются на семантическом уровне. Предлоги со значением времени, места, признака, предмета, способа поведения и т.д. также могут использоваться для выражения контекстуальных причинных отношений, которые являются причинными отношениями в широком смысле.

Некоторые слова содержат в своей семантической структуре одновременно прямую и косвенную причинность и могут использоваться только для выражения прямой или косвенной причинности, не подвергаясь субъективному восприятию людей. Особого внимания в данном отношении заслуживает предлог «из-за». Обычно он обозначает косвенную причинность.

Разберем пример:

Иван умер из-за удара по голове.

Здесь «удар» не является прямой причиной «умер», но «из-за удара по голове» является важным условием, косвенной причиной «умер». Смерть Ивана была вызвана ударом по голове, который мог вызвать и другие болезни, и именно «другие болезни» были непосредственной причиной «смерти». Эта косвенная причинность лексикализована в семантической структуре предлога «из-за» и не зависит от субъективного восприятия. Семантическая структура предлога «из-за» содержит промежуточное переходное звено, которое является неопределенностью в цепи причинности и может быть причиной любого события. И эта неопределенность является непосредственной причиной «смерти». Однако эта «неопределенность» обычно не конкретизируется в языковых выражениях, а имеет имплицитную форму.

Причина события или явления может быть выражена словами, обозначающими нечто конкретное (например: *из-за книг, из-за матери, из-за поезда* и т.п.), что также является имплицитным выражением причинного отношения. При выражении причины события только в терминах чего-то конкретного, понимание слушателем информации во многом зависит от его базы знаний и способности догадываться (сообразительности). Например:

Я задержался из-за книг. = Я задержался из-за того, что относил книги в библиотеку.

Если мы изменим приведенный выше пример на вариант «Иван умер из-за остановки сердца», то он не будет иметь косвенного экспрессивного

отношения, потому что между «Иван умер» и «остановкой сердца» существует физическая корреляция, а «остановка сердца» является прямой причиной «Иван умер».

Подводя итог, отметим, что выбор в пользу имплицитного выражения каузальности (косвенной причинности) зависит от глубины анализа реальной ситуации и определяется как индивидуальными субъективными факторами, так и ролью конкретной языковой и лексической семантики. Поскольку семантическая репрезентация данной ситуации может существовать в нескольких языковых формах, выбор слов говорящим может нести некоторый субъективный дополнительный смысл. Таким образом, с учетом описанных маркеров имплицитного выражения каузальности возможно идентифицировать реальное намерение субъекта на уровне причинности, прямо им не выраженное. Это может иметь решающее значение для идентификации коммуникативной интенции и оценки наличия или отсутствия умысла.

Библиографический список:

1. Книга о грамматике: для преподавателей русского языка как иностранного / Под редакцией А.В. Величко. – СПб.: Златоуст, 2018. 750 с.
2. Краткая русская грамматика / Белоусов В.Н., Ковтунова И.И., Кручинина И.Н. и др.; Под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. – М.: 2002. 726 с.
3. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текста (к типологии внутритекстовых отношений). – М.: МГУ, 1986. 199 с.
4. Русская грамматика: В 2 т. – М.: Наука, 1980.

Reference

1. Book on grammar: for teachers of Russian as a foreign language / Edited by A.V. Velichko. – St. Petersburg: Zlatoust, 2018. 750 p.
2. Brief Russian grammar / Belousov V.N., Kovtunova I.I., Kruchinina I.N. et al.; Edited by N.Yu. Shvedova and V.V. Lopatin. – Moscow: 2002. 726 p.
3. Lyapon M.V. Semantic structure of a complex sentence and text (towards the typology of intra-textual relations). – Moscow: Moscow State University, 1986. 199 p.
4. Russian grammar: In 2 volumes. – Moscow: Nauka, 1980.

Мурашко С.Ф.

Кандидат психологических наук, профессор, доцент. Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Рудакова С.В.

Кандидат психологических наук, доцент. Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Косырева М.С.

Доктор филологических наук, доцент. Новосибирский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии.

Использование суггестивного метода в преподавании английского языка*

Аннотация. Суггестивный метод (обучение с помощью внушения) дал новый импульс развитию методики обучения иностранному языку. Он исходил из того, что поскольку люди склонны к внушению, то позитивные внушения могут привести психику человека в расслабленное, а разум в активное состояние. Хорошее физическое и психическое состояние может позволить обучающимся в полной мере раскрыть свой потенциал и повысить эффективность изучения иностранного языка.

Ключевые слова: суггестопедия, суггестивный метод обучения, методы обучения иностранному языку.

Murashko S.F.

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee.

Rudakova S.V.

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Docent. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee.

Kosyreva M.S.

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor. Order of Zhukov Novosibirsk Military National Guard Troops Institute.

Use of the suggestive method in teaching English

Abstract. The method of teaching by suggestion was proposed by psychotherapist G. Lozanov in the 1960s. It gave a new idea for the development of foreign language teaching. Suggestive method indicates that people are prone to suggestion, and positive suggestion can bring a person into a relaxed and the mind into an active state. A good physical and mental condition can enable learners to reach their full potential and enhance the effectiveness of foreign language learning.

Key words: suggestopedia, suggestive teaching method, methods of teaching foreign languages.

В середине 1960-х годов болгарским педагогом и психологом Георгием Лозановым был разработан метод суггестопедии, используемый для ускоренного обучения иностранным языкам. Г. Лозанов использовал музыку, слова, действия, окружающую обстановку и другие средства, чтобы установить бессознательную психологическую установку (мысли, желания, аффекты, потребности, чувства), которая предопределяет поведение человека и создает во время занятий расслабленную и счастливую атмосферу. Это влияет на восприятие, память, воображение, мышление, эмоции, волю и др., способствует высокой мотивации и стимулирует развитие личного потенциала, исходя из того факта, что обучающийся является целостной личностью. В процессе обучения преподаватель стремится организовать различные бессознательные факторы внушения, чтобы полностью раскрыть бессознательный психологический потенциал обучающихся, чтобы немного улучшить эффект обучения.

У.Д. Банкрофт считает, что суггестия – это использование психологических, физиологических и других знаний для стимулирования подсознания обучающихся и развития их восприятия и потенциала, что способствует преодолению обучающимися напряжения в обучении, а также корректровке процесса обучения. Ученые считают, что суггестивное обучение влияет на мысли и поведение обучающихся посредством языка, действий и т.д. при условии отсутствия конфронтации, и, как следствие, обучающиеся могут бессознательно принять определенную точку зрения или мнение человека, применяющего суггестивный метод. Применяя методы позитивной психологии, педагог стремится создать непринужденную учебную среду, чтобы способствовать бессознательному механизму обучения, развить учебный потенциал учащихся и всесторонне улучшить их способность к обучению. Не удивительно, что суггестивный метод активно и успешно применяется в преподавании иностранных языков.

Будучи клиническим психологом и психиатром, Г. Лозанов использо-

вал суггестивность для управления телами людей. Он успешно применял суггестивность в хирургии, позволяя пациентам переносить операции без боли и без анестезии. В практике клинических медицинских исследований он обнаружил, что некоторые методы, используемые для лечения пациентов, могут использоваться для тренировки и улучшения памяти у здоровых людей и повышения эффективности обучения. Эту идею Лозанов представил в ЮНЕСКО в качестве исследовательского отчета, а затем в своей книге, опубликованной в 1971 г. В этом же году в Болгарии состоялся Первый международный семинар по суггестивному обучению. В 1976 году в Лос-Анджелесе прошла научная конференция по суггестивному методу обучения. После этого суггестивный метод обучения был успешно опробован во многих странах. В 1978 году монография Г. Лозанова, опубликованная в 1971 году, была переведена на английский язык, а в 1984 году на французский. Методика получила международное признание и начала распространяться по всему миру.

В своей книге Г. Лозанов даёт несколько характеристик суггестивности: *прямота, большое количество, высокая скорость, точность и экономичность*, при этом Г. Лозанов важное значение придает техники. Он также считает необходимым устранить все препятствия, потому что техника напрямую связана с эффектом обучения с использованием внушающих подсказок. На формирование научных взглядов Г. Лозанова повлияло образование в СССР, поэтому его труды были довольно быстро признаны в Советском Союзе и странах Восточной Европы, в то время как в западных странах научный характер его теории суггестивного обучения и эффективность этого метода были отвергнуты. И только после публикации книги «Психологическое открытие за железным занавесом» Шейлы Остранд и других ученых в 1970 году западные страны начали обращать внимание на суггестивную теорию и технологии обучения.

После признания западными странами суггестивной теории Г. Лозанов продолжал продвигать и изучать свои достижения, что способствовало преобразованию результатов, полученных в лаборатории, в методы обучения, которые можно было внедрять в обычных классах. Благодаря внедрению суггестивного метода обучения постоянно улучшались качество и приемлемость проводимых экспериментов. Для демонстрации эффективности суггестивной методики Лозанов и его последователи выбрали 6 классов иностранных языков (4 класса французского и 2 класса английского), после изучения первой партии из 1000 слов экспериментаторы случайным образом выбрали 100 слов для теста. Уровень запоминания во всех классах достиг 92,9% - 99,7%. Позже для эксперимента были отобраны испытуемые в возрасте 22–60 лет, уровень запоминания в этих группах достигал 98,08%. Улучшение результатов экспериментов Г. Лозанова не прошло незамеченным в запад-

ных развитых страны, которые постепенно приняли его идеи обучения. Следует также отметить, что с использованием суггестивного метода обучения стали появляться новые методы обучения. Особенно популярным с внедрением мультимедийных технологий стал метод сверхбыстрого обучения.

В то время как западные страны начали принимать теорию и практику суггестивного обучения, на политическом поле и в экономике Болгарии стали возникать проблемы, и многие талантливые педагоги и ученые, занимающиеся исследованиями в области суггестивного обучения, переехали в западные страны. Со временем исследовательский центр теории и практики суггестивного обучения переместился в Германию, Австрию и другие развитые страны. В 1998 году профессор Лозанов и его последователи основали международный центр курсов и исследований по подготовке учителей в Австрии. Для того, чтобы заниматься суггестивным обучением и по-настоящему овладеть технологией суггестивного метода, нужно пройти два этапа обучения по 160–240 учебных часов. С продвижением и применением суггестивной педагогики и методов в западных развитых странах, были получены новые методы и технологии обучения, а теория системы суггестивного обучения постоянно обогащалась [8].

После того как суггестия стала оформляться в качестве новой теории обучения, были сформулированы три тесно взаимосвязанных и независимых принципа:

- принцип счастья без напряжения;
- принцип единства сознания и бессознательного;
- принцип взаимодействия суггестивных средств.

Принцип счастья без напряжения.

В ходе психологических исследований Дж. Хармер обнаружил, что положительные эмоции, такие как легкость, жизнерадостность, оптимизм и уверенность в себе, могут усиливать интеллектуальную деятельность, в то время как отрицательные эмоции, такие как нервозность, беспокойство, пессимизм и депрессия, могут подавлять развитие интеллекта. Таким образом, внушаемость заключается в создании непринужденной и веселой атмосферы в классе, чтобы стимулировать положительные эмоции учащихся, помогать им обрести уверенность в себе и позволять им активно учиться.

Принцип единства сознания и бессознательного.

Традиционная концепция обучения фокусируется только на сознательном обучении учащихся. То есть здесь главным образом акцентируется внимание на механической памяти учащихся и доминирующей позиции преподавателя. Внушаемость захватывает подсознание учащихся и становится основным объектом исследования. Учащиеся могут иметь богатые ассоциации, часто неустойчивые эмоции и высоко сконцентрированное мышление в состоянии расслабленности. Поэтому только когда сознание и

бессознательное объединены, память, понимание и воображение учащихся могут быть полностью развиты, и бессознательный потенциал также может получить дальнейшее развитие.

Принцип взаимодействия суггестивных средств.

Преподаватели могут поддерживать хорошую коммуникацию с учащимися и поощрять к формированию уверенности в себе, используя средства внушения, принимая во внимание фактическое состояние учащихся. Этот процесс может помочь учащимся научиться уважать своих преподавателей. Установление взаимного уважения, взаимного доверия между преподавателями и учащимися, развитие гармоничных межличностных отношений поможет физическому и психическому здоровью учащихся, повысит эффективность обучения, а также поможет преподавателям понять ценность своего труда. В этом принципе особое внимание уделяется инициативе преподавателей: именно преподаватели обычно дают свои предложения, в то время как приемлемость предложений для учащихся зависит от различных факторов, таких как возраст, стаж, статус и личность.

Преподавателям необходимо создать ситуацию, в которой учащиеся наиболее восприимчивы к суггестии, и давать учебные материалы таким образом, чтобы они могли максимально побудить учащихся принять и запомнить предложенный материал. Поэтому преподавателям нужно создать такой стиль оформления класса, который соответствует эстетике учащихся на разных этапах. Например, учащимся начальной школы больше подходит обстановка класса с яркими цветами и теплой атмосферой, в то время как первокурсникам института больше подходит обстановка аудитории с простыми цветами и простой планировкой, но это, несомненно, создает комфортную и непринужденную среду обучения для учащихся. Кроме того, можно попробовать изменить традиционное расположение посадочных мест, попробовать новые варианты рассадки, например, рассадка по группам и расстановка мест по кругу. На занятиях по английскому языку, где основное внимание уделяется устному общению, такие варианты рассадки более удобны для проведения бесед и дискуссий.

Суггестопедия позволяет студентам максимально усваивать учебные материалы. В реализации этого метода обучения важную роль играет музыка. Например, при изучении темы «Дружба» преподаватели могут сначала предложить знакомые учащимся английские песни о дружбе, такие как «Thank You For Being A Friend», «Count On Me», чтобы учащиеся могли снять напряжение, вызванное занятием, и помочь им предвосхитить содержание занятия. Поэтому включение музыки в процесс обучения может не только вызвать у учащихся интерес к обучению, но и создать благоприятную атмосферу для запоминания и понимания материала занятия. В то же время это неизбежно будет способствовать психологическому воздей-

ствию на учащихся, на их отношение к занятию, мотивацию и т.д.

Отношения между преподавателем и учащимися, основанные на взаимном уважении и доверии, в значительной степени культивируются с помощью невербальной коммуникации. Кинесика относится к средствам положительного влияния невербального поведения преподавателя (выражение глаз, жесты, мимика) на эмоциональное состояние учащихся, приобретение ими знаний и овладение необходимыми навыками. Например, на занятии по английскому языку, когда учащиеся пересказывают общую идею статьи на беглом английском языке, преподаватель одобрительно кивает головой, что может заставить учеников почувствовать себя счастливыми, более заинтересованными в изучении английского языка, быть согласными с методами обучения преподавателя, что, конечно, способствует установлению гармоничных отношений между преподавателем и учащимся. Преподаватели создают гармоничную, неформальную и поддерживающую среду для учащихся с помощью своего дружелюбного поведения, чтобы учащиеся чувствовали себя комфортно и естественно, говоря на английском языке на занятии.

Так называемый авторитет преподавателя не означает, что преподаватель всегда со строгим и серьезным выражением лица стоит перед учащимися, не смеется, строго относится к словам и поступкам учащихся и не позволяет им возражать. Завоевание авторитета требует от преподавателей глубоких профессиональных и широких знаний, а также умения использовать художественные средства для хорошего решения вопросов учащихся, быть доступными и дружелюбными к учащимся и уметь устанавливать хорошие отношения учитель–ученик. Учебный материал, предлагаемый преподавателем, означает, что источник информации, предоставляемой учащимся, является авторитетным, потому что люди склонны легче всего запоминать информацию людей, пользующихся авторитетом. Такие источники информации могут усилить внушающий эффект памяти и являются ролевыми моделями для учащихся.

Весьма перспективны суггестивные методики в геронтогике. Многие пожилые люди считают, что им трудно овладеть иностранным языком, им не хватает уверенности в себе и гибкости в обучении. Изучая английский язык, люди могут играть различные роли в процессе обучения, как дети, полностью интегрироваться в представление и устранять напряженные отрицательные эмоции. Ребячество – это способность считать себя ребенком, использовать такие детские характеристики, как спонтанность, уверенность в себе и сильное любопытство, устранять факторы вмешательства взрослых и игнорировать негативную оценку, избавляться от оков традиционных идей и учиться так же легко, как ребенок, особенно при изучении языка. Пассивность сознания и внутренняя раскрепощенность облегчают обучение, и эффект обучения учащихся также значительно увеличивается.

Ни на одном языке в мире не говорят в одной тональности, и английский не является исключением. В процессе преподавания в аудитории, если преподаватель говорит монотонно, не использует интонационное богатство, это приводит учащихся к слуховой усталости, и, естественно, эффективность обучения становится низкой. Изменение высоты голоса, логическое ударение – наиболее значительные средства его выразительности, а смысловое ударение подчеркивает информацию и усиливает содержание речи. В обучении, если преподаватель использует художественную интонацию и музыку, он создает атмосферу, которая способствует лучшему пониманию суггестивных подсказок, регулирует психологическое состояние учащихся, что положительно влияет на их память – она становится лучше и продолжительнее. Ритм – это чередование звуковых, речевых, двигательных элементов, происходящее с определённой последовательностью, частотой и скоростью протекания. Ритм – это чередование звуковых, двигательных и т. п. элементов, происходящее с определенной последовательностью, частотой. Он может привести мозг в состояние наилучшего контроля и координации. Как только слова или фразы появляются в форме соответствующих пауз, интонация может достичь наилучшего эффекта. Сочетание различных интонационных конструкций и ритмов может также заставить память учащихся достичь наилучшего состояния.

Преподаватель должен создать хорошую среду обучения. Стимул окружающей среды или обстановки означает, что преподаватели должны создать хорошую среду обучения: аккуратно обставленный класс, мягкий свет, а атмосфера обучения расслабленная и приятная, чтобы ученики не испытывали психологического давления. Преподаватели не должны быть бесстрастными в процессе обучения. Они должны умело комбинировать подаваемый материал, свои слова и выражения, интонацию и отношение к преподаванию с содержанием преподавания. Преподаватели должны быть достойными и порядочными, чтобы студенты чувствовали себя полными жизненной силы и страстью. Такая среда обучения может привлечь непреднамеренное внимание студентов, тем самым стимулируя их мотивацию и интерес к обучению.

Проблемы, с которыми придется столкнуться

Р.Л. Олрайт и некоторые другие ученые в своих исследованиях обнаружили, что многие преподаватели английского языка, которые привыкли к традиционным методам обучения в течение многих лет, не понимают новых эффективных методов обучения, разработанных в наше время, не говоря уже о том, чтобы сознательно применять эти методы обучения на практике. Суггестопедия предъявляет высокие требования к условиям, таким как красивая обстановка, отличное оборудование и хорошо подготовленные учителя. Но традиционный метод обучения экономит время и

усилия, из-за чего многие методисты и преподаватели не желают тратить время и свои усилия на изменение статус-кво. Поэтому внедрение и продвижение суггестивного метода обучения ограничены. Кроме того, с точки зрения учащихся, они давно привыкли к «инерции», сформированной пассивным принятием, что заставляет их нервничать, чувствовать себя потерянными или даже нежелающими внедрять этот метод. Суггестопедия уделяет внимание участию учащихся, это может привести к тому, что некоторые преподаватели будут уделять слишком много внимания форме и пренебрегать развитием прочных базовых языковых знаний учащихся.

Для того чтобы в полной мере использовать суггестивные методы обучения, преподаватели должны сами стараться развивать свои способности во всех аспектах, например преподаватели должны уметь бегло разговаривать на хорошем английском языке в аудитории, чтобы создать языковую среду, чего некоторые преподаватели английского языка в настоящее время не могут сделать. Также преподаватели должны использовать на занятиях музыку, пение, чтение, хореографию или мультимедийные технологии с учетом возраста и когнитивных характеристик обучающихся для того, чтобы сделать учебный процесс более живым и ярким. Преподаватели должны развивать в себе способность к наблюдениям, что поможет им изучать психологические характеристики учащихся. Понимание психологии учащихся помогает преподавателю справляться с чрезвычайными ситуациями. Преподавателю также нужно помочь учащимся постепенно сформировать независимую, активную и творческую личность.

Следует особо отметить, что мы не являемся сторонниками абсолютизации суггестопедии. Качественное обучение должно базироваться на сочетании традиционных методов обучения и суггестопедии. Например, традиционное обучение грамматике не исключает использование методов суггестии, т.к. учащиеся могут получить знания по грамматике с помощью традиционных методов обучения, а затем использовать специально подготовленные для суггестивного метода учебные материалы по английскому языку. Фонетика и другие знания трансформируются в навыки слушания, говорения, чтения и письма в различных видах деятельности. Неотложной задачей для преподавателей является улучшения качества собственной подготовки правопедения занятий с использованием суггестивного метода. Этому способствует интеллект, характер, уровень знаний, темперамент, творческая атмосфера, окружающая обстановка, использование правильно подобранного музыкального сопровождения и множество новых видов деятельности в соответствии с содержанием обучения.

При формировании учебных групп преподаватели должны обращать внимание на разумное соотношение между отличниками и временно отстающими учениками и определять соответствующие критерии оценки в

соответствии с темой и задачей каждого учебного модуля обучения, чтобы максимально обеспечить эффективность учебной деятельности. Давая положительные психологические подсказки, создавая благоприятную учебную среду для своих учеников, преподаватель тем самым способствует бессознательному механизму обучения учащихся, помогает им развить их учебный потенциал и всесторонне улучшить их способность к обучению образом.

Теория суггестивного обучения находится в процессе постоянного совершенствования. Как эффективно реализовать суггестивность в преподавании иностранного языка и как решить различные проблемы, возникающие при реализации суггестивности, необходимо постоянно проверять на практике. Преподаватель иностранных языков может сознательно менять свои методы обучения, активно применять суггестивность и сочетать другие эффективные методы обучения, постоянно практиковать и развивать у студентов способность к самостоятельному, активному и творческому обучению.

Библиографический список:

1. Introduction to Research in Education (8th ed). Belmont, CA: Wadsworth.
2. Harmer J. The Practice of English Language Teaching (3rd Ed.). Cambridge: Longman. 2007.
3. Венканна К. и Глорри Н. «Использование суггестопедии как инновационной стратегии для развития эффективных способностей к пониманию прочитанного на английском языке на уровне ESL. 2015.
4. Грабе У. и Столлер Л. Преподавание и исследование чтения (2-е издание). Лондон и Нью-Йорк: Рутледж. 2013.
5. Лозанов Г. Суггестопедия-десуггестология коммуникативного метода обучения. Международный центр десуггестологии. Вена: Международный центр десуггестологии. 2005.
6. Родригес М.Б.А. Суггестопедия: Использование и обзор техники и шагов для применения в классе EFL. Куэнка: Унивесидад Де Куэнка. 2011.
7. Сетиянингсих А. Использование техники трех фаз для улучшения участия и понимания прочитанного в повествовательном тексте. ELT Журнал. 2013. № 2 (2).
8. Харисмавати Р. Метод суггестопедии в преподавании и обучении Процесс. Jurnal Mahasiswa Teknologi Pendidikan, 2014. № 2 (1).

Reference

1. Introduction to Research in Education (8th ed). Belmont, CA: Wadsworth.
2. Harmer J. The Practice of English Language Teaching (3rd Ed.). Cambridge: Longman. 2007.
3. Venkanna K. and Glorri N. "Using Suggestopedia as an Innovative Strategy for Developing Effective Reading Comprehension Abilities in English at the ESL Level. 2015.
4. Grabe W. and Stoller L. Reading Teaching and Research (2nd ed.). London and New York: Routledge. 2013.
5. Lozanov G. Suggestopedia-desuggestology of the communicative teaching method. International Centre for Desuggestology. Vienna: International Centre for Desuggestology. 2005.
6. Rodriguez M.B.A. Suggestopedia: Use and Review of the Technique and Steps for Application in the EFL Classroom. Cuenca: Unmvesidad De Cuenca. 2011.
7. Setyaningsih A. Using Three Phases Technique to Improve Reading Participation and Comprehension in Narrative Text. ELT Journal. 2013. № 2 (2).
8. Harismawati R. Suggestopedia Method in Teaching and Learning Process. Jurnal Mahasiswa Teknologi Pendidikan, 2014. № 2 (1).

Анзина Т.И.

Кандидат педагогических наук, доцент. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Стрижова Е.В.

Старший преподаватель, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Языковая подготовка специалистов таможенного дела – активизация возможностей*

Аннотация. В статье речь идет о создании концептуально нового словаря для обучающихся таможенному делу в условиях интенсивного курса второго иностранного языка для профессиональных целей. Рассмотрены явления полной и частичной эквивалентности таможенных терминов на английском, немецком и французском языках, которые легли в основу словарной классификации данного электронного мультилингвального терминологического словаря в таможенной сфере.

Ключевые слова: второй иностранный язык для профессиональных целей, таможенные термины, полная и частичная эквивалентность, мультилингвальный терминологический словарь.

Anzina T.I.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor. Plekhanov Russian University of Economics.

Strizhova E.V.

Senior lecturer of Plekhanov Russian University of Economics.

Language training for customs specialists – enhancing capabilities

Abstract. The article deals with the creation of a conceptually new dictionary for customs students in an intensive course of a second foreign language for professional purposes. The phenomena of full and partial equivalence of customs terms in English, German and French, which formed the basis for the dictionary classification of this electronic mul-

---

* © Анзина Т.И., Стрижова Е.В., 2024.

tilingual terminology dictionary in the customs sphere, are considered.

Key words: a second foreign language for professional purposes, customs terms, full and partial equivalence, multilingual terminology dictionary.

Сейчас в мире идёт активное формирование многополярной системы. Многополярный мир важен, потому что он способствует укреплению доверия между государствами, основанному на силе закона, положениях устава ООН и принципах международного права. Это обеспечивает мирное сосуществование, равноправное сотрудничество и стабильность в международном сообществе. Об этом заявил президент России В.В. Путин на открытии VII Восточного экономического форума: «Модель однополярного мира устарела, на ее смену приходит новый миропорядок, основанный на принципах справедливости и равноправия»¹. Также президент подчеркнул, что создание многополярного мира является исторически необходимым и неизбежным².

Таким образом, в условиях построения нового многополярного мира современная экономика и международные отношения требуют установления новых правил при непосредственном участии квалифицированных специалистов, том числе и специалистов в сфере таможенного дела, так как их ответственная и важная работа формирует имидж страны. Имея непосредственные контакты с гражданами разных государств, таможенники обязаны владеть иностранными языками.

Исторически английский язык доминировал в международной торговле и судоходстве в 19 веке. Глобализация и развитие международной торговли в последние 30 лет способствовали дальнейшему распространению английского языка в сфере таможенного дела. К тому же, таможенные системы и программное обеспечение разработаны на английском языке.

В настоящее время существуют международные правила оформления таможенной документации. Основные документы: товарно-транспортная накладная, счет-фактура и спецификация ввозимых товаров выполнены на трёх языках: английском, немецком и французском. Это не случайно, так как Германия и Франция – крупнейшие экономики мира и основные участники международной торговли. Немецкий язык является официальным языком Европейского Союза. Французский язык – официальный язык многих международных организаций, включая Всемирную таможен-

---

1 Путин В.В. Речь на открытии VII экономического форума. Газета «Ведомости», 29 августа 2022 г.

2 Путин В.В. Речь на пленарной сессии в рамках международной олимпиады по финансовой безопасности. РИА Новости, 4 октября 2023 г.

ную организацию (ВТО). Французская лексика часто используется в таможенной документации и коммуникации с представителями стран Африки и других франкоязычных регионов. В таких случаях договора о поставках и сопутствующая им деловая переписка ведутся либо на английском, либо на языке страны-экспортера, особенно когда речь идет о специфических местных товарах или процедурах.

Случается, что непосредственно на таможне возникают вопросы, требующие решения на месте, и зачастую, иностранный представитель вынужден прибегать к английскому языку, что не всегда приводит к полному взаимопониманию и к правильному решению профессиональной задачи. Лингвистам известно, что в ситуации общения лиц разных языковых культур на третьем иностранном языке имеется больше трудностей, чем если бы один из собеседников говорил на родном языке. Поэтому участники внешнеэкономической деятельности, которые владеют таможенной лексикой на нескольких языках, имеют конкурентное преимущество на международном рынке. Вероятно, что востребованность специалистов, владеющих не одним, а двумя и даже тремя иностранными языками будет расти в связи с формированием новых торгово-экономических отношений в условиях нового многополярного мира.

В связи с этим, в высших учебных заведениях на факультетах, где специфика будущей профессии предполагает международные контакты, в дополнение к английскому языку вводятся дисциплины «Иностранный язык второй» и «Иностранный язык второй профессионального общения».

Так, в РЭУ им. Г.В. Плеханова учебный план по направлению подготовки «Таможенное дело» предусматривает освоение второго иностранного языка, необходимого для ведения поликультурного и профессионального диалога с зарубежными партнерами³. ФГОС ВО данного направления формулирует следующие требования к результатам обучения второму иностранному языку: умение составлять, редактировать и переводить различные академические и профессиональные тексты, анализировать информацию на иностранном языке, принимать участие в общении на иностранном языке⁴. Чтобы в достаточно короткие сроки обучить студентов второму иностранному языку для профессиональных целей⁵, целесообразно в учебном процессе опираться на знания у обучающихся первого, английского языка. В то же время, студенты, владеющие английским как первым ино-

---

3 Учебные планы РЭУ по направлению подготовки «Таможенное дело». Сайт РЭУ им. Г.В. Плеханова.

4 ФГОС ВО по специальности 38.05.02 «Таможенное дело».

5 Крупченко А.К. Целевая методология иноязычной профессиональной коммуникации: профессиональная лингводиактика // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2022. № 4 (85). С. 6-12.

странным языком, могут столкнуться со многими сложностями при овладении вторым иностранным языком профессионального общения по специальности «Таможенное дело»: немецким или французским. К ним относятся как культурные, так и лингвистические различия.

С этой целью была изучена таможенная документация, произведен сопоставительный анализ терминологической базы таможенных терминов на английском, немецком и французском языках, исследовано понятие эквивалентности терминов.

В научной литературе «эквивалентность» трактуется следующим образом: по мнению В. С. Виноградова, под эквивалентностью следует понимать «сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе»⁶. Я.И. Рецкер считает, что эквивалентом является равнозначное соответствие, которое не зависит от контекста⁷. В данном случае речь идет о **полной** эквивалентности, и интернациональная лексика тому пример:

- международный – international (англ.), (нем.), (фр.);
- транспорт – transport (англ.) – der Transport (нем.) – le transport (фр.);
- декларация – declaration (англ.) – die Deklaration (нем.) – une déclaration (фр.);
- тариф – tariff (англ.) – der Zolltarif (нем.) – le tarif (фр.);
- гарантия – guarantee (англ.) – die Garantie (нем.) – une garantie (фр.);
- инспектор – inspector (англ.) – der Inspektor (нем.) – un inspecteur (фр.);
- экспорт – export (англ.) – der Export (нем.);
- импорт – import (англ.) – der Import (нем.).

Полными эквивалентами являются термины, идентичные терминам на русском языке. Например, многие таможенные термины имеют как немецкое происхождение:

- аусвайс – der Ausweis – удостоверение личности, документ;
- бандероль – die Banderole – ярлык с акцизной печатью об уплате пошлины;

– брутто – Brutto – вес товара с упаковкой;

– валюта – die Valuta – денежная единица,

так и французское:

– экспертиза – une expertise – исследование, проводимое компетентным лицом;

– прокурор – un procureur – главный судебный представитель обвинения;

6 Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Изд-во института общего и среднего образования РАО, 2001. 224 с. С. 18.

7 Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. 3-е изд., стереотип. – М.: «Р.Валент». 2007. 244 с. С. 13-15.

– контрабанда – une contrebände – незаконный перевоз товара;
 – конфискация – une confiscation- принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства всего или части имущества, являющегося собственностью лица.

К полным эквивалентам относятся термины, имеющие аналоги в английском языке, например:

- legislation (англ.) – législation (фр.) – законодательство;
- prohibition (англ.) – prohibition (фр.) – запрет;
- respect (англ.) – respect (фр.) – соблюдение;
- smuggling (англ.) – der Schmuggel (нем.) – контрабанда.

Существуют полные эквивалентные словосочетания, так называемые «кальки», например:

- *protection of economic interests* (англ.) – *la protection des intérêts économiques* (фр.) – защита экономических интересов;
- *quantitative restrictions* (англ.) – *les restrictions quantitatives* (фр.) – количественные ограничения;
- *free on board* (англ.) – *frei an Bord* (нем.) – транспортировка F.O.B.;
- *customs duties* (англ.) – *die Zollgebühren* (нем.) – таможенные пошлины;
- *border control* – *die Grenzkontrolle* – пограничный контроль;
- *packing list* (англ.) – *die Verpackungsliste* (нем.) – упаковочный лист.

Говоря о **частичной** эквивалентности или её отсутствии, обратимся к определениям «неполноэквивалентных» и «безэквивалентных» слов, обладающих «отличием от соответствующих им слов в другом языке. Такие слова различаются тем, что они отражают специфику национальной культуры определенного народа»⁸. «Безэквивалентная» лексика по мнению В.Н. Комиссарова – «это такие лексические единицы одного языка, которые не имеют регулярных соответствий в другом языке»⁹. Л.С. Бархударов считает, что термин «безэквивалентная лексика» означает, что в словарном составе другого языка отсутствует соответствие какой-либо лексической единице¹⁰. Но стоит отметить, что данное понятие не следует понимать в смысле невозможности передачи такого рода лексики.

Примером **частичной** эквивалентности в английском и французском языках могут служить термины, имеющие общие корни как результат заимствования, например:

- *form* (англ.) – *das Formular* (нем.) – *un formulaire* (фр.) – формуляр;

8 *Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Индрик. 2005. 1040 с. С.79.

9 *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа. 1990. 253 с. С.147.

10 *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Международные отношения. 1975. 240 с. С.121.

- license (англ.) – die Lizenz (нем.) – *une licence* (фр.) – лицензия;
- import (англ.) – *l'importation* (фр.) – импорт;
- value (англ.) – *la valeur* (фр.) – стоимость, ценность.

Словосочетания таможенной терминологии могут быть частично эквивалентны при наличии в них одной или нескольких общих лексем, например:

- *harmonized System Code* (англ.) – *Harmonisiertes System* (нем.) – *le système harmonisé* (фр.) – Международная система кодирования товаров;
- *description of goods* (англ.) – *la description des marchandises* (фр.) – описание товаров;
- *customs controls* (англ.) – *die Zollkontrolle* (нем.) – *le contrôle douanier* (фр.) – таможенный контроль;
- *lodging of declaration* (англ.) – *le dépôt de la déclaration* (фр.) – представление декларации;
- *Free trade zone* (англ.) – *die Freihandelszone* (нем.) – *la zone de libre-échange* (фр.) – зона свободной торговли.

В частично эквивалентных таможенных клише присутствуют лексемы с общими корнями, например:

- *vegetable products* (англ.) – *les produits du règne végétal* (фр.) – растительная продукция;
- *world market price* (англ.) – *le prix du marché mondial* (фр.) – цена мирового рынка;
- *customs union* (англ.) – *die Zollunion* (нем.) – таможенный союз;
- *customs privilege* (англ.) – *die Zollbegünstigung* (нем.) – таможенная льгота;
- *customs procedure* (англ.) – *das Zollverfahren* (нем.) – таможенная процедура.

Исследование показало наличие достаточно большой доли эквивалентности в таможенной терминологии и доказало целесообразность использовать русский и английский языки при обучении второму (немецкому и французскому) иностранному языку для профессиональных целей. В связи с этим была разработана модель мультилингвального профессионального словаря таможенной лексики, основанного на принципах эквивалентности.

С помощью мультилингвального словаря, разработанного на принципах эквивалентности, студентам легче осваивать таможенную профессиональную лексику на втором иностранном языке, что делает обучение более эффективным и интенсивным так как:

- английский, немецкий и французский языки имеют много заимствований и схожих терминов, что облегчает запоминание и понимание;
- сравнивая термины на разных языках, студенты могут лучше понять

Рисунок 1. Модель мультилингвального профессионального словаря таможенной лексики.

их значение и контекст использования;

- изучение терминологии на нескольких языках помогает студентам понять, как различные страны подходят к таможенному регулированию, что расширяет их профессиональные знания;

- сравнение терминов развивает аналитические навыки, позволяя студентам лучше разбираться в сложных концепциях и адаптироваться к различным системам;

- знание терминов на нескольких языках полезно для работы в международной среде, где необходимо взаимодействовать с представителями разных стран;

- понимание полной и частичной эквивалентности помогает таможенным органам разрабатывать четкие и последовательные правила перевода таможенной документации.

Таможенное законодательство постоянно меняется, что приводит к появлению новых терминов и определений. Специалисты должны быть в курсе этих изменений и понимать их эквиваленты в других языках, чтобы правильно применять и интерпретировать таможенную документацию. Кроме того, технологические достижения, такие как электронная таможня и автоматизированные системы обработки данных, привели к появлению новых терминов и концепций в таможенной сфере. Таким образом, изучение современной эквивалентности в таможенной терминологии является неотъемлемой частью обучения специалистов таможенного дела, поскольку оно обеспечивает им необходимые знания и навыки для эффективного выполнения своих обязанностей в условиях многополярного мира и тех-

нологического прогресса. В целом, изучение современной эквивалентности в таможенной терминологии является новой и актуальной областью исследований, которая имеет важное значение при обучении специалистов таможенного дела.

Библиографический список:

1. Путин В.В. Речь на открытии VII экономического форума. Газета «Ведомости», 29 августа 2022 г. // URL: <https://news.mail.ru/politics/52820613/>
2. Путин В.В. Речь на пленарной сессии в рамках международной олимпиады по финансовой безопасности. РИА Новости, 4 октября 2023 г. // URL: <https://ria.ru/20231004/mir-1900474385.html>
3. Учебные планы РЭУ по направлению подготовки «Таможенное дело». Сайт РЭУ им. Г.В. Плеханова. // URL: <https://рэу.рф>
4. ФГОС ВО по специальности 38.05.02 «Таможенное дело». // URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-38-05-02-tamozhennoe-delo>
5. Крупченко А.К. Целевая методология иноязычной профессиональной коммуникации: профессиональная лингводидактика // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2022. № 4 (85). С. 6-12.
6. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Изд-во института общего и среднего образования РАО. 2001. 224 с.
7. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. 3-е изд., стереотип. – М.: «Р.Валент». 2007. 244 с.
8. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Индрик. 2005. 1040 с.
9. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа. 1990. 253 с.
10. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Международные отношения. 1975. 240 с.

Reference

1. Putin V.V. Speech at the opening of the VII Economic Forum. Vedomosti newspaper, August 29, 2022 // URL: <https://news.mail.ru/politics/52820613/>
2. Putin V.V. Speech at the plenary session within the framework of the international Olympiad on financial security. RIA Novosti, October 4, 2023 // URL: <https://ria.ru/20231004/mir-1900474385.html>
3. Plekhanov Russian University of Economics curricula in the field of training “Customs”. Plekhanov Russian University of Economics website. // URL: <https://pecy.pf>
4. Federal State Educational Standard of Higher Education in the specialty 38.05.02 “Customs”. // URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-38-05-02-tamozhennoe-delo>
5. Krupchenko A.K. Targeted methodology of foreign language professional communication: professional linguistics // Municipal education: innovations and experiment. 2022. No. 4 (85). P. 6-12.
6. Vinogradov V.S. Introduction to Translation Studies (General and Lexical Issues). – Moscow: Publishing House of the Institute of General and Secondary Education, Russian Academy of Education. 2001. 224 p.
7. Retsker Ya.I. Translation Theory and Translation Practice. Essays on the Linguistic Theory of Translation. 3rd ed., stereotype. – Moscow: “R.Valent”. 2007. 244 p.
8. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Linguistic and Cultural Studies in Teaching Russian as a Foreign Language. Ed. by Yu.S. Stepanov. – Moscow: Indrik. 2005. 1040 p.
9. Komissarov V.N. Translation Theory (Linguistic Aspects). – Moscow: Higher School. 1990. 253 p.
10. Barkhudarov L.S. Language and Translation (General and Private Issues) translation theories). – М.: International Relations. 1975. 240 p.

Баталов А.А.

Кандидат филологических наук, старший преподаватель, Институт иностранных языков, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Серегина М.К.

Магистрант. Институт иностранных языков, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Ted Talks как база исследования вербальной лингвистической специфики ораторского мастерства*

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей речевого поведения спикеров англоязычных научно-популярных конференций фонда TED в контексте лингвистики. Рассматриваются экспрессивный языковой потенциал на лексико-грамматическом уровне и распространенные вербальные модели репрезентации авторского мнения в корреляции с такими экстралингвистическими признаками как речевой портрет адресанта сообщения и его коммуникативными целями как оратора. Основным направлением исследования является выявление типичных речевых лингвистических особенностей TED Talks как жанра публичных выступлений.

Ключевые слова: речевое поведение, экспрессивный языковой потенциал, вербальная модель, речевой портрет, оратор, коммуникативная цель, публичное выступление.

Batalov A.A.

PhD, Assistant Professor. Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Seregina M.K.

Master's Degree Student. Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Ted Talks as a base for the study of the verbal linguistic specificity of public speaking

---

Abstract. The article is devoted to the study of speech behaviour of speakers of popular science conferences in English of the TED Foundation from the point of view of linguistics. The main points under research are expressive linguistic potential at the lexical and grammatical levels and common verbal models of representation of the author's opinion in correlation with such extra-linguistic features as the speech portrait of the speaker and his communicative goals. The main focus of the research is to detect the typical speech linguistic features of TED Talks as a genre of public speaking.

Key words: speech behavior, expressive language potential, verbal model, speech portrait, speaker, communicative goals, public speaking.

Введение

На современном этапе развития цивилизации, коммуникация выступает в роли сложного опосредованного цифровыми технологиями феномена, в связи с чем вербальный процесс обмена информацией становится актуальным предметом исследований научного сообщества.

Вербальное взаимодействие людей становится более комплексным процессом, в рамках которого для успешного взаимодействия необходимо изучение моделей речевого поведения и других особенностей ораторского мастерства с целью наиболее эффективного и быстрого достижения поставленных коммуникативных целей.

В эпоху развитых технологий общение людей всё чаще сопровождается виртуальными источниками когнитивной информации, в числе которых видеофрагменты в сети Интернет. Научно-популярные конференции фонда TED становятся базой многочисленных исследований в качестве актуального синхронического языкового материала для ряда областей научного знания.

Лингвистические особенности публичных выступлений TED Talks вызывает интерес у ученых ввиду новизны интернет-конференций для смежных исследований лингвистики и ораторского мастерства. На основании результатов лингвистических работ специалисты области риторики описывают типичные языковые тенденции, особенности речи, влияющие на успешный процесс передачи коммуникативного сообщения.

Научно-популярные конференции TED являются объектом исследования, а вариативность языковых особенностей авторских выступлений, использованных с целью достижения поставленных коммуникативных целей, – предмет изучения. В рамках лингвистического исследования анализируются TED Talks с целью описания типичных речевых моделей поведения для успешного публичного взаимодействия.

Цель исследования

Целью исследования является выявление и описание распространен-

ных способов достижения поставленных коммуникативных целей посредством экспрессивного языкового потенциала на грамматическом и лексическом уровнях языка, а также – в корреляции с рядом экстралингвистических факторов.

Смежное изучение специфики речи ораторов TED Talks с точки зрения лингвистики и ораторского мастерства обеспечивает фактологическую базу для синхронического описания тенденций риторики в публичных выступлениях начала XXI века.

Методология

В ходе научной работы применяются *методы* сопоставления теоретических и эмпирических данных, описания – при изучении авторских выступлений и конкретных примеров способов достижения коммуникативных целей, анализ полученных данных и выявление лингвистических тенденций ораторского мастерства на примере научно-популярных конференций TED.

Теоретическая база исследования

Развитие инновационных технологий стимулирует процессы цифровизации и популяризации виртуальных источников информации, возрастает интерес к Интернет-ресурсам, и увеличивается количество пользователей сети. Учеными выделяется такой феномен как «интернет-опосредованная коммуникация» [7], представляющий интерес для комплексного изучения ввиду сложности и неоднородности акта взаимодействия между коммуникантами виртуальной сети, особенностей формы интернет-коммуникации, феномена виртуальной языковой личности [7].

Изучение коммуникативных процессов в опосредованной среде подразумевает описание возможных моделей реализации данного процесса, а также целей. Например, с точки зрения американского ученого Г. Ласуэлла, основная модель коммуникации в виртуальной среде носит линейный характер (*кто? что говорил? кому? по какому каналу? с каким эффектом?*) [3] и функционально выполняет такие задачи как наблюдение за средой, обеспечение гармоничного взаимодействия его частей и передача социального, культурного наследия и опыта [7]. Создание коммуникативной модели, в которой первоочередную роль играет язык, принадлежит Р. Якобсону, в ней учитывается прежде всего воздействие, оказанное на реципиента [5], «под контекстом коммуникации понимается непосредственно дискурс» [С. 195, 7].

Влияние цифрового пространства на сознание человека становится неоспоримым фактом с точки зрения современных исследователей. Цифровая среда буквально модифицирует человеческое восприятие и оказывает прямое воздействие как на его поведенческие особенности, так и на способы трансляции социальных практик [4]. Цифровизация неизбежно транс-

формирует модели общения, поскольку восприятие как реального коммуникативного сообщения, так и опосредованного сетью, является разными комплексными процессами. Принимая во внимание данный фактор, идея исследования наиболее успешных каналов и способов передачи виртуального сообщения вызывает интерес современных исследователей.

Виртуальная публичная коммуникация носит разнородный характер и включает в себя ряд типов взаимодействия: на форумах, в частных мессенджерах, в формате аудио, видео и т.п. Рассматривая научную виртуальную среду, следует отметить, что научно-популярные конференции в формате коротких видео обретают всё большую популярность ввиду своей рентабельности использования и наглядности восприятия сложной научной информации. Дискурс в данном формате обладает функцией результата публичного обсуждения, который опирается на ряд источников, но в лаконичном виде транслируется в массы [6].

Примером подобного формата публичного взаимодействия становятся конференции фонда TED. TED Talks представляют собой авторские выступления на научно-популярные темы. Ораторы со всего мира имеют возможность выступить перед аудиторией с монологическим высказыванием на интересующую их тематику. Данное взаимодействие представляет собой публичную устную подготовленную речь, обладающую рядом особенностей.

Лингвистическая специфика речи TED Talks заключается в использовании экспрессивного языкового потенциала языка на разных уровнях, прежде всего – на лексическом и грамматическом, с целью обеспечения наиболее устойчивого контакта со слушателями и выбора наиболее убедительного и эффективного способа вербализации коммуникативного сообщения. Вводные конструкции, повелительные предложения, определенные местоименные и глагольные формы, диалогизм, синтаксические конструкции, фигуры речи и др. входят в число распространённых способов передачи когнитивных данных в данном формате [8].

Анализ TED конференций представляет собой материал не только для лингвистических исследований, но также и для постановки и отработки ораторского мастерства. Ораторское искусство – комплексный подход к передаче информации широким массам, где спикер несет прямую ответственность за содержание и способы воздействия на сознание слушателей [2].

Для успешной реализации ораторских способностей на практике, необходимы не только теоретические знания, но и изучение наглядных примеров использования специфики риторики на конкретных примерах, такими выступают видеоконференции фонда TED.

Полученные данные

Лингвистическая специфика речи ораторов – комплекс средств выразительности разных языковых уровней, используемый для реализации

коммуникативной интенции говорящего. Коммуникативная интенция представляет собой импульс, саму суть коммуникативного сообщения, ориентирует вектор ведения коммуникативного процесса [10].

В ходе исследования ряда видеофрагментов научно-популярных конференций TED Talks были выявлены распространенные лингвистические особенности речи ораторов.

Результаты демонстрируют наиболее популярные среди профессиональных спикеров способы вербализации точки зрения в корреляции с коммуникативными целями. В качестве примеров приведены частные случаи наиболее распространённых способов реализации ораторского искусства в рамках авторских выступлений.

Now to begin with, the play received exactly the attention I expected from exactly the people I expected [9].

Наречие *now* в сочетании с глаголом в инфинитиве *to begin with* выполняет фатическую функцию установления контакта с адресантами коммуникативного сообщения, которое намеревается передать оратор. Лексический повтор синтагмы *I expected* и наречия *exactly* подчёркивает значимость проделанной спикером работы, поскольку объяснение предмета речи выстраивается в цикличной форме *the play received exactly the attention I expected from exactly the people I expected*.

But if you're a high school teacher in Queensland or a massage therapist in Massachusetts, why would you spend your nights and weekends desperately trying to debunk Earth science research? [9]

Вариативное употребление форм местоимения *you* транслирует направленность речи на аудиторию, желание говорящего обратиться к слушателям в форме диалога, чтобы заострить внимание на приведенном примере в рамках выступления TED.

Используются географические названия *Queensland* и *Massachusetts*, актуализирующие приводимую спикером информацию. В данном случае выполняется фатическая функция, привлекается внимание к аргументативной базе путем конкретизации предмета речи. Преувеличение идеи, выраженной синтагмой *spend your nights and weekends*, за счёт использования множественного числа существительных *nights* и *weekends* аффективно маркирует всё высказывание, построенное в вопросительной форме, в свою очередь нацеленное на создание эффекта диалогизма.

Remember how we used to clap for them? You know, we've been talking a lot about AI robots, but this work is also unlikely to be automated [11].

Вводная конструкция *you know* и повтор личного местоимения *we*, обобщающего образ спикера и слушателей, способствуют установлению контакта с аудиторией и удержанию устойчивого внимания на предмете речи. Данный эффект дополняется вопросно-ответной формой изложения

материала, имитируя диалог с залом.

So, the wages that are set by the market are low [11].

Реализация фатической функции осуществляется посредством использования союза *so* в начале предложения, которое вводит аргумент *the wages that are set by the market are low*. Существительное *the market*, обозначающее абстрактное понятие, олицетворяется и осуществляет действие *that are set by the market*. Таким образом, социальный концепт *the market* аффективно окрашен и привлекает интерес аудитории к предмету речи.

I want to talk about my mentor.

I want to talk about the day that I got a phone call saying that he had died.

And I want to talk about the moments later in the same phone call that I'd heard that he'd actually taken his own life [12].

Повтор синтаксически однородных конструкций в трех последовательно идущих предложениях, включающих лексический повтор синтагмы *I want to talk about*, акцентирует внимание слушателей к содержанию примера. Поясняющие придаточные, начинающиеся с фразы *my mentor, the day, the moments* и вводимые после конструкции *I want to talk about*, выстроены в порядке восходящей градации по степени значимости для спикера.

Beautiful wife, my cousin. Three beautiful children. Why would someone like that take their own life? Why would they? Makes no sense to me [12].

Употребление номинативных предложений *beautiful wife, my cousin* и *three beautiful children* придает динамику реплике, сосредотачивает внимание реципиентов коммуникативного сообщения на последующих риторических вопросах *why would someone like that take their own life?* и *why would they?*, к которым следует комментарий оратора *makes no sense to me*.

Используемый прием диалогизма создает атмосферу беседы оратора с залом, произведенный эффект располагает к себе аудитории, так образом, реализуются не только коммуникативную, но и фатическую функции.

Заключение

В XXI веке в эпоху расцвета инновационных технологий виртуальное общение с каждым днем сильнее интегрируется в нашу жизнь. Опосредованная коммуникация в сети Интернет становится более сложным перманентно развивающимся феноменом, вызывающим интерес исследователей разных сфер научного знания.

Публичное взаимодействие в виртуальном пространстве в формате интернет-конференций представлено в устной форме, подразумевает владение базовыми званиями ораторского мастерства с целью выбора продуктивного способа вербализации коммуникативного сообщения, которое должно оказать влияние на адресанта сообщения, быть понятным и лаконичным.

Лингвистическая специфика речи ораторов научно-популярных конференций в формате TED Talks позволяет проследить наиболее распространенные и эффективные модели общения, выявить и описать способы реализации авторского мнения на конкретных примерах, являются базой для обучения ораторскому мастерству.

Среди наиболее часто используемых средств выражения критической оценки на лексическом уровне: такие средства выразительности как метафоры, гиперболы, сравнения, также прямое и переносное значение слов, лексика разных регистров языка, лексические повторы, диалогизм в построении речи, риторические вопросы; на грамматическом уровне: синтаксические конструкции, глагольные и местоименные формы, номинативные, нераспространенные и повелительные предложения, вводные слова и конструкции.

Таким образом, представляется возможным говорить о том, что TED Talks являются эффективной и важной базой для изучения и тренировки ораторского мастерства, поскольку данный формат виртуальной публичной коммуникации отражает лингвистические особенности речи профессиональных ораторов, демонстрируют языковые тенденции английского языка в синхроническом исследовании.

Библиографический список:

1. Кучер И.Н. Лингвистические характеристики речевого поведения // *European science*. 2019. № 2 (44). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-karakteristiki-rechevogo-povedeniya> (Дата обращения: 07.09.2024).
2. Ильина М.С. Особенности ораторского искусства // *Экономика и социум*. 2016. № 2 (21). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-oratorskogo-iskusstva> (Дата обращения: 07.09.2024).
3. Кривонос А.Д., Киуру К.В. Парадигматика современной системы массовых коммуникаций в модели Г. Лассуэлла // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2022. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradigmatika-sovremennoy-sistemy-massovyh-kommunikatsiy-v-modeli-g-lassuella> (Дата обращения: 07.09.2024).
4. Дыдров А.А., Пеннер Р.В. Построение дискурса о цифровом как феномене информационной современности // *Социум и власть*. 2022. № 3 (93). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postroenie-diskursa-otsifrovom-kak-fenomene-informatsionnoy-sovremennosti> (Дата обращения: 07.09.2024).
5. Обухов К.Н. Проблема удержания смысла в ситуации речевой коммуникации в концепции Р. Якобсона // *Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика»*. 2010. № 2. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-uderzhaniya-smysla-v-situatsii-rechevoy-kommunikatsii-v-kontseptsii-r-yakobsona> (Дата обращения: 07.09.2024).
6. Кривонос А.Д. Публичная среда и публичные коммуникации в эпоху интернета // *Верхневолжский филологический вестник*. 2016. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnaya-sreda-i-publichnye-kommunikatsii-v-epoxy-interneta> (Дата обращения: 07.09.2024).
7. Алексеенко И.С., Гукосьянц О.Ю. Специфика интернет-опосредованной коммуникации и феномен виртуальной языковой личности // *Политическая лингвистика*. 2014. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-internet-oposredovannoy-kommunikatsii-i-fenomen-virtualnoy-yazykovoy-lichnosti> (Дата обращения: 07.09.2024).
8. Балакина И.А., Мунарова О.Д. Языковые особенности публичной речи на платформе «Ted Talks» // *Вестник Шадринского государственного педагогического университета*. 2020. № 4 (48). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-osobennosti-publichnoy-rechi-na-platfome-ted-talks> (Дата обращения: 07.09.2024).
9. Finnigan D. David Finnigan: A controversial play — and what it taught me about the psychology of climate | TED Talk // URL: https://www.ted.com/talks/david_finnigan_a_controversial_play_and_what_it_taught_me_about_the_psychology_of_climate/transcript?subtitle=en (Дата обращения: 07.09.2024).

10. Rimscaia I. Parameters of evaluation as a linguistic category in the English language // *Studia Universitatis Moldaviae (Seria Științe Umanistice)*. 2011. № 4 (44). P. 111-114.
11. Ton Z. Zeynep Ton: The case for good jobs — and why they're good for business too | TED Talk // URL: https://www.ted.com/talks/zeynep_ton_the_case_for_good_jobs_and_why_they_re_good_for_business_too/transcript?utm_source=homepage_featured&utm_content=5&utm_term=video-title&subtitle=en (Дата обращения: 07.09.2024).
12. Worland G. Gus Worland: Is someone you love suffering in silence? Here's what to do | TED Talk // URL: https://www.ted.com/talks/gus_worland_is_someone_you_love_suffering_in_silence_here_s_what_to_do?vwo=featured (Дата обращения: 07.09.2024).

Reference

1. Kucher I.N. Linguistic characteristics of speech behavior // *European science*. 2019. № 2 (44). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-harakteristiki-rechevogo-povedeniya> (09.07.2024).
2. Ilyina M.S. Features of oratory // *Economy and Society*. 2016. № 2 (21). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-oratorskogo-iskusstva> (09.07.2024).
3. Krivonosov A.D., Kiuru K.V. Paradigmatics of the modern system of mass communications in the model of G. Lasswell // *Issues of the theory and practice of journalism*. 2022. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradigmatika-sovremennoy-sistemy-massovyh-kommunikatsiy-v-modeli-g-lassuella> (09.07.2024).
4. Dydrov AA, Penner RV Construction of a discourse on digital as a phenomenon of information modernity // *Society and power*. 2022. № 3 (93). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postroenie-diskursa-o-tsifrovom-kak-fenomene-informatsionnoy-sovremennosti> (09.07.2024).
5. Obukhov KN. The Problem of Retaining Meaning in a Situation of Speech Communication in the Concept of R. Jakobson // *Bulletin of Udmurt University. Series "Philosophy. Psychology. Pedagogy"*. 2010. № 2. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-uderzhaniya-smysla-v-situatsii-rechevoy-kommunikatsii-v-kontseptsii-r-yakobsona> (09.07.2024).
6. Krivonosov A.D. Public Environment and Public Communications in the Internet Age // *Upper Volga Philological Bulletin*. 2016. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnaya-sreda-i-publichnye-kommunikatsii-v-epohu-interneta> (09.07.2024).
7. Alekseenko I.S., Gukosyants O.Yu. Specificity of Internet-mediated communication and the phenomenon of virtual linguistic personality // *Political linguistics*. 2014. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-internet-oposredovannoy-kommunikatsii-i-fenomen-virtualnoy-yazykovoy-lichnosti> (09.07.2024).
8. Balakina I.A., Munarova O.D. Linguistic Features of Public Speech on the Ted Talks Platform // *Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical University*. 2020. № 4 (48). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-osobennosti-publichnoy-rechi-na-platforme-ted-talks> (09.07.2024).
9. Finnigan D. David Finnigan: A controversial play — and what it taught me about the psychology of climate | TED Talk // URL: https://www.ted.com/talks/david_finnigan_a_controversial_play_and_what_it_taught_me_about_the_psychology_of_climate/transcript?subtitle=en (07.09.2024).
10. Rimscaia I. Parameters of evaluation as a linguistic category in the English language // *Studia Universitatis Moldaviae (Seria Științe Umanistice)*. 2011. № 4 (44). P. 111-114.
11. Ton Z. Zeynep Ton: The case for good jobs — and why they're good for business too | TED Talk // URL: https://www.ted.com/talks/zeynep_ton_the_case_for_good_jobs_and_why_they_re_good_for_business_too/transcript?utm_source=homepage_featured&utm_content=5&utm_term=video-title&subtitle=en (07.09.2024).
12. Worland G. Gus Worland: Is someone you love suffering in silence? Here's what to do | TED Talk // URL: https://www.ted.com/talks/gus_worland_is_someone_you_love_suffering_in_silence_here_s_what_to_do?vwo=featured (07.09.2024).

Вышегородцева М.С.

Магистр. Российский государственный социальный университет.

Влияние социальных сетей на молодежь*

Аннотация. В современном мире социальные сети играют важную роль в жизни молодежи, обеспечивая связи, обмен информацией и ресурсами, а также новые возможности для общения и самовыражения. Однако, они также оказывают негативное влияние на молодежь, включая зависимость, негативное влияние на самооценку и формирование неправильных ценностей. В данной статье исследуется влияние социальных сетей на формирование общественного мнения по социальному вопросу феминизма.

Ключевые слова: молодежь, социальные сети, эмоциональное состояние, положительное и отрицательное воздействие, феминизм.

Yshhegorodtseva M.S.

Master. Russian State Social University.

The impact of social media on young people

Abstract. In modern world, social networks play an important role in the lives of young people, providing connections, the exchange of information and resources, as well as new opportunities for communication and self-expression. However, they also have a negative impact on young people, including addiction, negative effects on self-esteem and the formation of incorrect values. This article examines the influence of social networks on the formation of public opinion on the social issue of feminism.

Key words: youth, social networks, emotional state, positive and negative impact, feminism.

В современном мире социальные сети играют значительную роль в жизни молодежи. С их помощью создается много связей, обмена информацией и ресурсами, появляются новые возможности для общения и самовыражения. Однако, наряду с положительными сторонами, социальные сети оказывают и негативное влияние на молодежь. Существует опасность, что постоянное присутствие в виртуальном мире может привести к зависимости,

---

* © Вышегородцева М.С., 2024.

негативному влиянию на самооценку и формированию неправильных ценностей. Таким образом, данная проблема становится актуальной в наши дни и требует большего внимания и решения.

Целью исследования проблемы влияния социальных сетей на молодежь является выявление и понимание того, как использование различных платформ влияет на поведение, мышление и эмоциональное состояние молодого поколения, а также созданию более осознанного и ответственного подхода к их использованию, который будет способствовать развитию и благополучию молодого поколения.

Социальные сети позволяют молодежи поддерживать общение с друзьями и родственниками на далеком расстоянии друг от друга, что может способствовать укреплению отношений. Однако, с другой стороны, уменьшение «живого» общения может привести к ухудшению эмоционального состояния молодежи. Постоянное присутствие в социальных сетях может привести к зависимости и отрыву от реальной жизни. Молодежь проводит много времени в виртуальном мире, упуская возможность настоящего общения и взаимодействия с окружающими людьми. Это может привести к чувству одиночества и изоляции, а также к ухудшению психического здоровья.

Также социальные сети стали местом для распространения негативных комментариев, оскорблений и троллинга. Молодые люди, особенно подростки, часто становятся жертвами онлайн-буллинга, что может привести к понижению самооценки и ухудшению эмоционального состояния.

Кроме того, молодежь часто сталкивается с фильтрованным и идеализированным представлением жизни других людей в социальных сетях, что может вызвать чувство недостаточности и зависти. Они начинают сравнивать свою жизнь с жизнью других, которая кажется им более успешной и интересной, что может привести к негативным эмоциям, таким как разочарование, неудовлетворенность и депрессия.

В данной статье автор рассмотрит влияние социальных сетей на формирование общественного мнения по социальному вопросу феминизма.

Термин «феминизм» был введен французским философом Шарлем Фурье в начале XIX века, хотя его корни уходят глубже в историю. Изначально он обозначал совокупность черт, присущих женщине, но со временем приобрел современное значение, связанное с борьбой за права и равенство полов.

Феминизм — это социальное движение, направленное на достижение равенства прав и возможностей для женщин и мужчин. Социальная пропаганда феминизма в социальных сетях имеет свои особенности и специфику. Она основана на принципах активного информационного воздействия на аудиторию, использовании эмоционального контента и создании сообществ с общими ценностями.

Одной из основных задач социальной пропаганды феминизма является привлечение внимания к проблемам гендерного неравенства и дискриминации. С помощью социальных сетей феминисты могут эффективно распространять информацию о нарушениях прав женщин, организовывать акции и митинги, а также привлекать новых сторонников к своему движению.

Однако, следует отметить, что социальная пропаганда феминизма в сети Интернет часто сталкивается с критикой и сопротивлением. Некоторые пользователи считают, что феминисты искажают факты и преувеличивают проблемы, связанные с гендерным неравенством. Однако, именно благодаря социальной пропаганде феминизма удалось добиться значительных изменений в общественном сознании и законодательстве.

Получение женщинами избирательных прав: одно из ключевых достижений феминизма, которое стало возможным благодаря активной борьбе и пропаганде.

Возможность ухода в декрет и сохранение рабочего места: феминистки добились признания права женщин на отпуск по беременности и родам, а также возможности вернуться на работу после него без потери занимаемой должности.

Равные права в браке: феминизм способствовал изменению законодательства, направленного на обеспечение равных прав и обязанностей супругов в браке, включая раздел имущества и воспитание детей.

Возможность занимать руководящие должности: благодаря феминистскому движению, женщины получили доступ к высшим должностям в государственных и частных структурах, что ранее было ограничено.

Права на физическую неприкосновенность: пропаганда феминизма способствовала признанию права женщин на защиту от насилия, включая домашнее насилие и сексуальные домогательства.

Уменьшение количества запрещенных профессий для женщин: в результате усилий феминисток, список профессий, запрещенных для женщин, был значительно сокращен, предоставляя больше возможностей для самореализации.

Однако, стоит отметить, что социальная пропаганда феминизма оказала как положительное, так и отрицательное влияние на молодежь. Среди негативных аспектов можно выделить следующие:

Размытие гендерных ролей: социальная пропаганда феминизма может привести к размытию традиционных гендерных ролей, что вызывает у молодежи неопределенность в понимании своей идентичности и места в обществе.

Снижение уважения к мужчинам: в некоторых случаях, феминистская пропаганда может способствовать формированию негативного об-

раза мужчин, что приводит к снижению уважения и понимания между полами.

Усиление давления на молодых женщин: социальная пропаганда феминизма может усилить давление на молодых женщин, требуя от них соответствия определенным стандартам успешности и независимости, что может вызвать чувство неудовлетворенности и стресса.

Искажение представлений о романтических отношениях: в некоторых случаях, феминистская пропаганда может исказить представления о романтических отношениях, подчеркивая важность независимости и самостоятельности, что может затруднить построение здоровых и гармоничных отношений.

Формирование стереотипов: социальная пропаганда феминизма может способствовать формированию стереотипов о мужчинах и женщинах, что ограничивает возможности для личного роста и развития.

Телеграмм-канал «Феминизм: наглядно» является одним из популярных информационных ресурсов, посвященных пропаганде и продвижению идей феминизма. В своей работе канал акцентирует внимание на проблемах гендерного неравенства, дискриминации женщин и насилия в отношении них.

Основными ключевыми словами, которые используются в контексте пропаганды на канале, являются: равноправие, эмансипация, борьба за права женщин, сексизм, патриархат, солидарность, воспитание гендерного сознания и другие.

Подкрепляя свои тезисы, автор статьи обратился к материалам популярного Telegram-канала «Феминизм: наглядно».

«Феминизм: наглядно» стремится привлечь внимание широкой аудитории к проблемам, с которыми сталкиваются женщины в современном обществе, и поднять обсуждение важных вопросов, связанных с гендерным равенством. Канал активно освещает и анализирует события, касающиеся прав женщин, и предоставляет информацию о различных инициативах и акциях, направленных на улучшение положения женщин в обществе.

Одним из важных аспектов работы канала является образовательная деятельность и просветительская работа, направленная на формирование гендерного сознания и борьбу с стереотипами, связанными с ролями и обязанностями мужчин и женщин в обществе.

В целом, телеграмм-канал «Феминизм: наглядно» играет значительную роль в пропаганде и продвижении идей феминизма, способствуя повышению осведомленности общественности о проблемах гендерного неравенства и поддерживая борьбу за равноправие и справедливость для всех граждан, независимо от их пола.

Социальные сети имеют как положительное, так и отрицательное вли-

ание на молодежь. Для создания баланса необходимы как вмешательство образовательных учреждений и правительственных структур, так и осознанное поведение и саморегуляция самих пользователей.

Библиографический список:

1. Васильева М.Н., Бутенко Н.А. Мотивы использования виртуальных социальных сетей подростками // Инновационная наука. 2016. № 6-3. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivy-ispolzovaniya-virtualnyh-sotsialnyh-setey-podrostkami> (Дата обращения: 09.09.2024).
2. Колесниченко М.Б., Колупаева В.В. Социальные аспекты интернет-зависимости молодежи // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-aspekty-internet-zavisimosti-molodezhi> (Дата обращения: 09.09.2024).
3. Романова Т.Е. Влияние социальных сетей на молодежь // Культура. Духовность. Общество. 2014. № 11. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sotsialnyh-setey-na-molodezh> (Дата обращения: 09.09.2024).
4. Чельшева И.В. Социальные сети и современная молодежь: проблемы взаимодействия / И.В. Чельшева. — Текст: электронный // XIX Международная конференция «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования»: сборник материалов конференции. — Екатеринбург, УрФУ, 2016. С. 1258-1266.
5. Шадинова Г.А., Жолдыкхожаев В. Влияние социальных сетей на формирование молодежной жизни // Теория и практика современной науки. 2019. № 5 (47). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sotsialnyh-setey-na-formirovanie-molodezhnoy-zhizni> (Дата обращения: 09.09.2024).
6. Телеграмм-канал «Феминизм: наглядно» // URL: https://t.me/feminism_visually_official
7. Афанасьева А. Look At Media проведет ребрендинг.

Reference

1. Vasilyeva M.N., Butenko N.A. Motives for using virtual social networks by adolescents // Innovative science. 2016. № 6-3. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivy-ispolzovaniya-virtualnyh-sotsialnyh-setey-podrostkami> (09.09.2024).
2. Kolesnichenko M.B., Kolupaeva V.V. Social aspects of youth Internet addiction // Bulletin of PNRPU. Social and economic sciences. 2017. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-aspekty-internet-zavisimosti-molodezhi> (09.09.2024).
3. Romanova T.E. The influence of social networks on youth // Culture. Spirituality. Society. 2014. № 11. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sotsialnyh-setey-na-molodezh> (09.09.2024).
4. Chelysheva I.V. Social networks and modern youth: problems of interaction / I.V. Chelysheva. — Text: electronic // XIX International Conference “Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Experience of Empirical Research”: conference proceedings. — Ekaterinburg, UrFU, 2016. P. 1258-1266.
5. Shadinova G.A., Zholdykhzhaev V. The Impact of Social Networks on the Formation of Youth Life // Theory and Practice of Modern Science. 2019. № 5 (47). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sotsialnyh-setey-na-formirovanie-molodezhnoy-zhizni> (09.09.2024).
6. Telegram channel “Feminism: Visually” // URL: https://t.me/feminism_visually_official
7. Afanasyeva A. Look At Media will conduct a rebranding.

Иванова А.П.

Ассистент. Институт языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации. ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», Якутск.

Речевая культура как ключевая компетенция экскурсоводов (гидов)*

Аннотация. В статье исследуется важность развития навыков культуры речи у экскурсоводов(гидов). Цель статьи состоит в исследовании и обсуждении роли и значимости культуры речи для профессиональной деятельности экскурсовода. В статье рассматриваются основные аспекты культуры речи, такие как языковые навыки, ораторское мастерство, умение адаптироваться к аудитории и эффективно передавать информацию. Анализируется влияние культуры речи на качество и восприятие экскурсий, а также предлагаются рекомендации и практические советы по развитию этой компетенции у экскурсоводов. В статье рассматриваются основные аспекты культуры речи, такие как грамматическая правильность, лексическое разнообразие, понятность и ясность высказываний, адекватность использования речевых средств в различных ситуациях. Также подчеркивается важность умения адаптировать свою речь под разные аудитории и культурные особенности туристов.

Предлагаются ряд рекомендаций и практических упражнений по развитию культуры речи у экскурсоводов, включая тренировки произношения, расширение словарного запаса, изучение стилистических особенностей языка и развитие навыков межкультурной коммуникации.

В заключение, в статье подчеркивается, что развитие культуры речи является неотъемлемым аспектом профессиональной подготовки экскурсоводов, обеспечивая им эффективное взаимодействие с туристами, повышение качества предоставляемых услуг и создание положительного имиджа как для самих экскурсоводов, так и для туристической индустрии в целом.

Ключевые слова: экскурсовод, устная речь, письменная речь, грамотность, логичность, синтаксические конструкции, лингвистический анализ текста, контрольный и индивидуальный тексты экскурсий, культура речи, экскурсионная аудитория.

Ivanova A.P.

Assistant. Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the North-East of the Russian Federation. Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "North-Eastern Federal University named after M.K. Amosov", Yakutsk.

---

* © Иванова А.П., 2024.

Speech culture as a key competence of guides (guides)

Abstract. The article examines the importance of developing the skills of speech culture among guides (guides). The purpose of the article is to study and discuss the role and significance of speech culture for the professional activity of a guide. The article discusses the main aspects of speech culture, such as language skills, oratorical skills, the ability to adapt to the audience and effectively transmit information. The influence of speech culture on the quality and perception of excursions is analyzed, and also offers recommendations and practical advice on the development of this competence among guides. The article examines the main aspects of speech culture, such as grammatical correctness, lexical diversity, intelligibility and clarity of statements, adequacy of the use of speech means in various situations. The importance of the ability to adapt one's speech to different audiences and cultural characteristics of tourists is also emphasized.

A number of recommendations and practical exercises for the development of speech culture among guides are offered, including pronunciation training, vocabulary expansion, study of stylistic features of the language and the development of intercultural communication skills.

In conclusion, the article emphasizes that the development of the culture of speech is an integral aspect of the professional training of guides, providing them with effective interaction with tourists, improving the quality of services provided and creating a positive image both for the guides themselves and for the tourism industry as a whole.

Key words: guide, oral speech, written speech, literacy, logic, syntactic constructions, linguistic analysis of the text, control and individual texts of excursions, culture of speech, excursion audience.

Цель статьи «Речевая культура как ключевая компетенция экскурсовода» состоит в исследовании и обсуждении роли и значимости культуры речи для профессиональной деятельности экскурсовода. В статье рассматриваются основные аспекты культуры речи, такие как языковые навыки, ораторское мастерство, умение адаптироваться к аудитории и эффективно передавать информацию. Анализируется влияние культуры речи на качество и восприятие экскурсий, а также предлагают рекомендации и практические советы по развитию этой компетенции у экскурсоводов.

Предмет исследования - это роль и значимость культуры речи для профессиональной деятельности экскурсоводов. В статье исследуются языковые навыки, ораторское мастерство, установление контакта с аудиторией и эффективная передача информации в профессиональной деятельности экскурсоводов.

Кафедра «Социально-культурный сервис и туризма» - это академическое подразделение Института языков и культуры народов Северо-Востока СВФУ РФ им. М.К. Аммосова, специализирующееся на изучении и обучении в области туризма. Кроме проведения традиционных занятий лек-

ционного типа, практик, кафедра предлагает различные курсы: такие как он-лайн курсы по дисциплинам, курсы повышения квалификации и курсы переподготовки специалистов. На кафедре проводятся исследования в области туризма, проводятся различные мероприятия (встречи с интересными людьми, экспедиции, сплавы и др.). Для предоставления студентам практического опыта кафедра тесно сотрудничает с туристическими организациями. Студенты, которые получают образование по направлению 43.03.02 Туризм, обязаны уметь проводить экскурсии.

Деятельность экскурсовода в современном мире имеет важное значение для развития и формирования в воспитании и передаче культурного и духовного наследия. Социальный заказ подготовки к специальности экскурсовод (гид) предъявляет высокие требования к владению культурой речи, владению языком, требованиями к общей культуре.

Данную задачу кафедра реализует по дисциплинам «Экскурсоведение», «Методика проведения экскурсии», проведением курсов повышения квалификации, курсов переподготовки «Экскурсовод(гид)».

Владение языком, культурой речи является наиболее важным требованием к специальности экскурсовода. Овладение культурой речи как одним из показателей освоения комплексом профессиональных навыков экскурсовода(гида) является важным фактором подготовки выпускника. Поэтому при обучении по дисциплине «Экскурсоведение», подготовке проведения экскурсии студентами по направлению «Туризм» важное внимание уделяется умению говорить для аудитории, умению коммуницировать со своими слушателями, улавливать эмоциональное состояние экскурсантов.

Организация работы над экскурсией начинается с изучения объекта рассказа экскурсовода. При этом важно не просто иметь багаж знаний; нужно уметь превратить эти знания в увлекательный текст экскурсии. Сделать это можно с помощью профессиональных навыков и умений. По сути, все процессы подготовки и проведения экскурсий должны стать отработанным навыком: поиск информации об объекте рассказа, составление контрольного текста и преобразование его в индивидуальный текст рассказа для конкретной экскурсионной аудитории. Основой для создания индивидуального текста служит контрольный текст, созданный на основе достоверной информации, собранной из разных источников и отвечающий интересам конкретных экскурсантов.

На одну тему можно разработать несколько экскурсий. И контрольный текст в этом случае является основой этих экскурсий. Текст экскурсии должен: быть кратким и четким; содержать нужное количество фактического материала (даты, цифры, названия, имена) и информации по теме; включать вступление и заключение, логические переходы между подтемами, а также материалы для рассказа в основной части экскурсии; полностью

раскрывать тему; быть составлен на литературном языке (русском, а также иностранном, если предполагается экскурсия для зарубежных гостей).

Контрольный текст всегда тщательно выверяется по источникам (все цифры, названия, имена, цитаты сопровождаются соответствующими ссылками — автор, год, место издания, номера страниц). В этом заключается главная ценность контрольного текста: в нем всегда можно найти точные справки. Составляя контрольный текст, студенты много раз проверяют и перепроверяют все данные для экскурсии и излагают их в наиболее выгодном порядке и объеме, логически составляя материал, включая переходы между подтемами и объектами, формулируют все выводы.

Индивидуальный текст отражает структуру конкретной экскурсии для определенной по составу экскурсионной аудитории. Индивидуальный текст является основой рассказа экскурсовода и включает в себя авторскую позицию экскурсовода с его отношением, оборотами речи, умением украшать свою речь. Один и тот же объект разные экскурсоводы покажут по-разному, исходя из своих индивидуальных предпочтений, своих знаний, навыков и умений. Поэтому особенно важно экскурсоводам владеть основами культуры речи. От знаний и компетентности экскурсовода, от того, насколько экскурсовод практически владеет искусством слова, свободным изложением материала, от его умения выбрать самые эффективные способы и приемы влияния на аудиторию будут зависеть аттрактивность, познавательная ценность и эффективность экскурсии.

Поэтому предъявляются определенные требования к культуре речи студентов: во-первых, речь должна быть построена грамотно, логично; во-вторых, чтобы дать наиболее полное представление об объектах, исторических событиях, конкретных лицах, речь устная и письменная должна быть точной и в то же время образной, что достигается умелым использованием сравнений, цитат, ярких эпитетов, метафор, пословиц, поговорок. Четкое выражение мысли, богатый язык, точный подбор слов в речи формируются на протяжении жизни человека. Профессиональные навыки овладения культурой речи развиваются в совокупности по всем предметам обучения.

Во время работы над созданием индивидуального текста у студентов вырабатывается своя стилистика составления текста, свой слог, мастерство, умение объединять разные стили, типы речи. Вырабатывается своя манера подачи для разных типов экскурсионной аудитории.

Экскурсовод проходит два этапа подготовки своей речи при проведении экскурсии: докоммуникативную — подготовка текста речи (определение темы, целей и задач экскурсии, а также оценка обстановки и аудитории экскурсантов, например, если экскурсия разрабатывается для конкретной группы людей — возрастной, социальной и др.); и коммуникативную — непосредственное взаимодействие с аудиторией экскурсантов.

Таким образом, работа с текстом является одной из самых важных компетенций будущего экскурсовода. И для того, чтобы студенты негуманитарных направлений научились работать с текстом, мы используем следующие задания:

1. Определить стиль текста;
2. Найти ключевые слова в тексте;
3. Сделать лингвистический анализ текста;
4. Сравнить два текста;
5. Выявить речевые ошибки в тексте.

Для выработки навыков подготовки экскурсии и составления индивидуальных текстов нами используются приемы и техники:

1. Деление каждой части индивидуального текста на подтемы и перенесение его в карточки, в которых полностью или кратко записаны данные конкретного объекта, основные мысли (тезисы) рассказа, цитаты, исторические даты и др.

2. Рассказ текста экскурсии перед однокурсниками. Это помогает вырабатывать коммуникативную культуру речи — установить контакт с аудиторией; запомнить текст, придает им уверенности, психологическое раскрепощение, снятие волнения выступления перед аудиторией, навыки устной публичной речи.

3. Выступление «перед зеркалом» позволяют отработать мимику, использование жестов экскурсовода при ведении рассказа. Нельзя забывать также о том, что уложиться в отведенное время - это верх мастерства экскурсовода, и данная техника позволит проследить этот важный аспект.

4. Участие в дискуссии, беседе, публичной речи, так как, для экскурсовода важно не только умение подготовить текст речи, но и сделать этот текст «живым», произносимым особым голосом, с привлечением вспомогательных жестов и мимики.

5. Произнесение нейтральной фразы различным тоном и голосом (издевательским, восторженным, сварливым, ледяным и т.д.).

6. Самопрезентация (визитная карточка). Дать возможность студентам заинтриговать и обаять аудиторию.

7. Составление текста «Поздравительной речи» с использованием известных риторических фигур. Темой может стать любой повод, который тоже можно дать придумать студенту.

8. Замена слов на эвфемизмы. То есть научить студента пользоваться смягченными по смыслу словами, чтобы в будущем уметь избегать конфликтных ситуаций.

9. Проведение интервью. Развивается умение коммуницировать, правильно выстраивать диалог, составлять вопросы интервью (оттачивается навык приема «репортажа» в экскурсоведении).

10. Составление текстов сочинений, эссе. Развивается уникальность рассказа каждого экскурсовода, так как контрольные тексты имеют общую основу, одинаковы по содержанию, по форме, а каждый экскурсовод по своему уникален, в зависимости от общего уровня развития, словарного запаса, эмоционального уровня.

11. Адаптировать представленные фрагменты текста к той или иной по составу группе экскурсантов. Известно, что экскурсионные аудитории по своему составу различаются. И индивидуальный текст, который поймет аудитория, состоящая из студентов, не подойдет экскурсионной аудитории, состоящей из группы школьников младших классов. То есть представленный фрагмент должен быть обработан соответственно психологическим, педагогическим, эмоциональным критериям, а также уровню образования данной группы.

12. Работа с карточками с так называемыми малыми формами устной речи — реплика (в виде согласия, возражения, замечания), справка по ходу выступления, риторический вопрос, прямой ответ на вопрос и др.

13. Прием «Рисуем словами». Студенты создают словесное описание любой вещи, помещения, растения, животного и т.д. Прием способствует развитию связной речи.

14. Прием «Восстановление деформированного текста». Разрабатывается навык быстрого установления последовательности предложений в тексте, и, соответственно, осознается главная мысль текста, развивается умение композиционного построения текста.

15. Редактирование текста. Позволит научиться находить слова для благозвучия, сделает текст более понятным, доступным для понимания.

16. Коллективный разбор индивидуального текста экскурсии. Студенты подают новые креативные идеи и приемы для того, чтобы сделать текст наиболее интересным и эффективным.

17. Проведение пробной экскурсии. Даст зрительные доказательства (объекты, материалы «портфеля экскурсовода» и др.); поможет рассказу достичь убедительности; скоординирует адресность рассказа — привязку к наблюдаемым объектам; закрепит зрительное впечатление.

Данные виды заданий помогают студентам при подготовке экскурсии увидеть и воспроизвести в своем сознании образ описываемого объекта для запоминания текста; вырабатывают языковую культуру речи — умение правильно говорить (использовать слова в их верном значении, делать смысловые паузы в предложениях, верно и четко произносить звуки, делать нужные ударения в словах, интонации) и насыщать речь жестами и мимикой; придают им уверенности, больше убедительности в рассказе; также овладеть и техникой речи — правильным дыханием, постановкой голоса, хорошей дикцией, — четко и ясно произносить слоги,

слова и предложения; ставить логическое ударение — выделить в рассказе важные моменты.

Кроме того, на кафедре разработан онлайн-курс к «Технологии повышения мастерства экскурсовода», который позволяет студентам получить дополнительные знания по дисциплине «Экскурсоведение». Данный онлайн курс состоит из четырех модулей:

- 1 модуль: Педагогика в экскурсиях;
- 2 модуль: Психология в экскурсиях;
- 3 модуль: Речевое мастерство экскурсовода;
- 4 модуль: Техника проведения экскурсии.

В модуль «Речевое мастерство экскурсовода» включены такие темы, как «Ораторское искусство», «Рассказ в экскурсии», «Специфика рассказа на экскурсии», «Вербальные и невербальные средства общения». В теме «Ораторское искусство» (русск. красноречие) представлены виды красноречия, рассматривается личность оратора, рассказывается о подготовке к выступлению, рассматривается структура ораторской речи, доказательность и убедительность речи, запоминание и произнесение речи, рассматриваются недостатки речи, этика и эстетика ораторского выступления, изучаются наиболее распространенные средства языка.

В теме «Рассказ в экскурсии» показаны задачи, которые выполняет рассказ, рассматриваются основные требования к рассказу, изучается трансформация устной речи (рассказа) в зрительные образы, показаны особенности рассказа на экскурсии.

Тема «Вербальные и невербальные средства общения» раскрывает функции и особенности невербальной коммуникации, кинетические средства общения и фонационные средства общения.

Изучив данные темы, студенты выполняют задания по контрольному тексту. А именно: адаптируют представленный фрагмент текста для разных по составу экскурсионных групп. Это могут быть экскурсионные группы: а) школьники начальных классов, б) студенты старших курсов. Таким образом студенты учатся составлять индивидуальные тексты, учитывая образование, а также психологические и педагогические особенности экскурсионной группы. В задании «Изучить статью и написать отзыв» студенты оттачивают письменную речь.

Такая подготовка к проведению экскурсии ведет к пониманию студента в ответственности перед экскурсантами за свою речь, так как участник группы слышит только то, что рассказывает экскурсовод, и скучный, неувлекательный рассказ особенно трудно вытерпеть. Для экскурсовода важнее не демонстрировать свою эрудицию, а грамотно, интересно показать объект, с пониманием, что экскурсия вбирает в себя огромный воспитательный смысл. Поэтому для экскурсовода имеет огромное значение — развить

культуру речи, обогатить словарный запас, приучить к грамотности в речи (восприятие на слух), развить интеллектуальные умения, повысить познавательную активность.

Таким образом, успешное проведение экскурсии во многом зависит от правильно составленного индивидуального текста экскурсии и речи экскурсовода. Речевая практика экскурсовода, профессиональное умение и навыки формируются на протяжении всей жизни человека, развиваются в учебном заведении во время обучения, а затем уже совершенствуются в процессе непосредственной работы экскурсовода-практика на маршруте.

Библиографический список:

1. Введенская Л.А. Культура и искусство речи: современная риторика: для высш. и сред. учеб. заведений / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова. – Ростов н/Д: Феникс, 1995. 576 с.
2. Бабий Г.И. Культура речи экскурсовода: метод. Рекомендации // В помощь экскурсоводу: сб. метод. и справ. материалов. – М.: 1998. С. 36-58.
3. Балюк Н.А. Контрольные и индивидуальные тексты экскурсий на внутренних маршрутах: учебное пособие. – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2008. 120 с.
4. Дьякова Р.А., Емельянов Б.В., Пасечный П.С. Основы экскурсоведения: [учебное пособие для факультетов общественных профессий педагогических институтов] / под ред. Б.В. Емельянова. – Москва: Просвещение, 1985. 255 с.
5. Емельянов Б.В. Экскурсоведение. – М.: Советский спорт, 2007. 216 с.
6. Ивин А.А. Риторика-искусство убеждать: учебное пособие – М.: 2003.
7. Кротова Н.П. Эффективные методы и приемы при работе над текстом на уроках русского языка // URL: <https://www.iurok.ru/categories/14/articles/63180> (Режим доступа: 24.11.2024).
8. Третьякова Т.Н., Сыромятникова Ю.А., Фрейнкина И.А. Формирование экскурсоведческой компетенции бакалавров туризма: статья в журнале. – Южно-Уральский государственный университет, 2019. С. 182-192.

Reference

1. Vvedenskaya L.A. Culture and art of speech: modern rhetoric: for higher. and secondary. educational institutions / L.A. Vvedenskaya, L.G. Pavlova. – Rostov n / D: Phoenix, 1995. 576 p.
2. Babiy G.I. Culture of speech of a tour guide: method. Recommendations // To help a tour guide: collection of methods and reference materials. – Moscow: 1998. Pp. 36-58.
3. Balyuk N.A. Test and individual texts of excursions on internal routes: a teaching aid. – Tyumen: Publishing house of Tyumen State University, 2008. 120 p.
4. Dyakova R.A., Emelianov B.V., Pasechny P.S. Fundamentals of excursion guidance: [a textbook for the faculties of social professions of pedagogical institutes] / edited by B.V. Emelianov. – Moscow: Prosvshchenie, 1985. 255 p.
5. Emelianov B.V. Excursion guidance. – M.: Sovetsky Sport, 2007. 216 p.
6. Ivin A.A. Rhetoric - the art of persuasion: a textbook – M.: 2003.
7. Krotova N.P. Effective methods and techniques when working on a text in Russian language lessons // URL: <https://www.iurok.ru/categories/14/articles/63180> (11.24.2024).
8. Tretyakova T.N., Syromyatnikova Yu.A., Freinkina I.A. Formation of excursion competence of bachelors of tourism: article in the journal. – South Ural State University, 2019. P. 182-192.

История международных отношений и всеобщая история

History of international relations and general history

Гольцов А.Н.

Аспирант. Институт истории и права Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского.

Проблема имперской интеграции во взаимоотношениях Великобритании и доминионов в первые десятилетия XX века*

Аннотация. В начале XX века британская имперская система оказалась на перепутье. С одной стороны – рост экономической мощи колоний и доминионов неизбежно запускал центробежные процессы в Империи, с другой – не ослабевало желание метрополии как можно дольше сохранить status quo, затягивая предоставление колониальным владениям и доминионам политических прав и свобод. К началу Первой мировой войны различными политическими деятелями империи открыто высказывались мнения о переустройстве британского государства и создании такой политической системы, при которой колонии и доминионы будут обладать если не всеми правами независимого государства, то весьма широким набором полномочий, позволяющим вести самостоятельную внутреннюю и частично внешнюю политику. Дискуссия об учреждении так называемой Имперской федерации получила новый импульс. После Первой мировой войны, для победы в которой колонии и доминионы заплатили высокую цену, процесс их обособления стал неизбежным. С учетом заявленной темы, предметом исследования выступает процесс сепарации колониальных владений и доминионов, итогом которого явилась трансформация британской имперской системы в Британское Содружество. Отдельное внимание уделяется рассмотрению позиций политических и общественных деятелей и их влиянию на процесс преобразования Британской империи.

Ключевые слова: Британская империя, колониальная политика, интеграция, колонии, доминионы, Первая мировая война, Имперская федерация, Британское Содружество, Лига Наций, «Круглый стол», Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз.

Goltsov A.N.

Postgraduate student, Institute of History and Law, K.E. Tsiolkovsky Kaluga State University.

The problem of imperial integration in the relations between Great Britain and dominions in the first decades of the 20th century

Abstract. At the beginning of the 20th century the British imperial system found itself at a crossroads. On the one hand, the growth of economic power of colonies and dominions inevitably triggered centrifugal processes in the Empire; on the other hand, the desire of the metropolis to preserve the status quo as long as possible, delaying the granting of political rights and freedoms to colonial possessions and dominions, did not abate. By the outbreak of the First World War, various political figures in the empire were openly expressing views on the restructuring of the British state and the creation of a political system in which the colonies and dominions would have, if not all the rights of an independent state, then a very wide range of powers, allowing them to pursue an independent domestic and partly foreign policy. The discussion on the establishment of a so-called Imperial Federation received a new impetus. After the First World War, for the victory in which the colonies and dominions paid a high price, the process of their isolation became inevitable. Given the stated theme, the subject of the study is the process of separation of colonial possessions and dominions, the outcome of which was the transformation of the British imperial system into the British Commonwealth. Special attention is paid to the consideration of positions of political and public figures and their influence on the process of transformation of the British Empire.

Key words: British Empire, colonial policy, integration, colonies, dominions, World War I, Imperial Federation, British Commonwealth, League of Nations, Round Table, Canada, Australia, New Zealand, South African Union.

История Британской империи, которой по сравнению с другими западными странами сегодня уделяется сравнительно мало внимания содержит, тем не менее, элементы, представляющие значительную ценность с точки зрения конфликта между движением за национальное государство и стремлением к созданию наднационального порядка. Однако если взглянуть на отправную точку движения, то на первый взгляд оно не кажется каким-то особенным явлением, поскольку его можно отнести к группе национальных движений хорошо известной и в других странах, где отдельные народы стремятся выйти из более крупного имперского государства, в которое они попали в ходе исторического процесса или в результате империалистического принуждения. Такими случаями были чехи в Австро-Венгрии или поляки в Российской империи. Однако это движение в Британской

империи отличается от них и именно это придает ему собственную историческую ценность тем, что здесь стремление к суверенитету не было радикально реализовано, а скорее представлено, так сказать, с ограниченной целью. Идеалом национального государства для большинства колоний и доминионов оставалась обязательной идея наднационального Содружества, которое продолжало существовать параллельно с ними. Среди участников этого процесса реальной движущей силой являлась зачастую не Великобритания, а доминионы.

В конце XIX века была предпринята попытка заменить централизованное правление империализма новой концепцией, известной как «имперский федерализм», которая затем доминировала в политических дебатах в течение десятилетий. В своей работе «Расширение Англии», вышедшей в 1883 году, Дж. Сили уже призывал к расширению английского государства за счет федерации с крупными колониями британских поселенцев [3]. Доминионы, однако, с подозрением относились к любой «имперской федерации» как к дальнейшему замаскированному господству Великобритании и решительно отвергли ее.

Как результат, в Британской империи в начале XX века существовали три политические идеи: старый империализм, стремление к созданию национального государства и идея примирения национального суверенитета и наднационального порядка. Среди них выделялась идея создания так называемой Имперской федерации. Становление и развитие этих идей в период с начала XX века и до издания Вестминстерского статута, влияние Первой мировой войны на преобразование политической системы Великобритании в Британское Содружество представляет интерес с точки зрения изучения проблемы политического и территориального переустройства крупных мировых держав.

Одной из идей, занимавших в то время умы, являлась идея создания Британского Содружества. Генерал-майор Я. Сметс, ставший одним из самых ярких сторонников идеи Содружества, рассматривал ее в тесной связи с идеей Лиги Наций, которую он также горячо поддерживал. «Британское Содружество Наций, заявил он в 1917 году, в настоящее время является единственным подходящим в Лиге Наций, поскольку оно действительно основано на принципах национальной свободы и политической децентрализации. Все другие великие империи мира держались только за счет господства и принуждения одной из ведущих держав и в результате рушились» [8, p. 500]. Таким образом, желаемая реорганизация британской семьи наций должна была стать моделью для всего мира в его попытках наполнить смыслом кровопролитие Великой войны, обеспечив мирное сотрудничество. При таком подходе, идея Содружества приобрела миссионерский характер.

На военной конференции в 1917 году был сделан первый чрезвычайно важный шаг к фундаментальному признанию «равноправной нации» (равноправия входящих в нее государств). Под давлением обстоятельств войны, для которой только доминионы предоставили 1,5 миллиона человек, а Индия – еще 1,6 миллиона, была единогласно принята «Резолюция IX» канадского премьер-министра Р. Бордена. Первоначально в ней лишь вскользь упоминалось, что самоуправление внутренних дел, как оно существовало в Канаде с 1867 года, должно быть сохранено без ограничений. Однако гораздо большее значение имели уступки метрополии в конкретной области национального суверенитета – внешней политике. Доминионы признавались автономными нациями Имперского Содружества, а Индия – важной его частью; им предоставлялось право на соответствующий голос во внешней политике; должны были быть созданы эффективные институты для постоянных консультаций по всем важным вопросам, представляющим общий интерес для Империи.

Не случайно, что эти весьма значительные шаги были сделаны Канадой и Южно-Африканским Союзом – доминионами, в границах которых проживало несколько национальностей, не желавших терять свои индивидуальные черты и одновременно нуждающихся в примирении и сглаживании противоречий. Неоднократные требования крайних националистических кругов в обоих доминионах о полном отделении от Британской империи постоянно указывали на необходимость учитывать как национальный компонент, так и находить наднациональный баланс. Так, лидер буров Л. Бота, который незадолго до этого вел ожесточенную войну против британцев, заявил: «Я убежденный сторонник Содружества. В Южной Африке мы пользуемся всеми теми же свободами, которые могли бы иметь в качестве независимой нации, но с гораздо большей безопасностью от нападения извне. У нас есть полное самоуправление, мы контролируем развитие нашей страны» [16]. Аналогичным образом премьер-министр франко-канадцев сэр У. Лорье выразил убеждение, что его родная страна «обрела под британскими институтами такую степень безопасности и свободы, которую она не могла бы обрести ни при каком другом режиме», а А. Бурасса, лидер квебекских националистов, подчеркнул: «Язык франко-канадцев – лучшая гарантия канадской автономии и британских институтов» [11, р. 90.].

Канада, как самый густонаселенный и старейший доминион, уже получивший в 1867 году собственную государственность и конституцию, аналогичную британской, в результате принятия Акта о Британской Северной Америке, уже на раннем этапе ощутила себя пионером независимости во внешнеполитической сфере. Как и у всех американцев, в ее политике уже подспудно присутствовала сильная изоляционистская тенденция, обусловленная географической оторванностью от Европы. Канада, как объяснял

один из ее представителей английским политикам [18], в отличие от Великобритании, была полностью сосредоточена на суше, а не на море, у нее была только одна мирная граница. Эта изоляционистская тенденция была значительно усилена сильным элементом франко-канадцев, которые потеряли практически всякую связь с Европой и были самыми яростными представителями канадского национального сознания.

Однако во всех доминионах сдержанное отношение к европейским связям имело и идеологическую основу, поскольку они ощущали глубокое различие между английской системой, которая все еще была, по сути, аристократическо-олигархической и в то же время империалистической, и своей собственной, более демократической.

Ко всем дипломатическим отношениям на старом континенте относились с глубоким подозрением, войны часто рассматривались как результат изжившей себя феодальной политики интересов и считались несправедливыми. Поэтому требование распространить самоуправление на внешнюю политику и оборону выглядело не только как вопрос существования, но и как следование собственным принципам. Уже в 1885 году консервативный англо-канадский премьер-министр сэр Джон А. Макдональд в ответ на просьбу Великобритании о помощи в суданском кризисе грубо заявил, явно критикуя политику империализма: «Суэцкий канал ничего для нас не значит. Почему мы должны тратить деньги и людей на это жалкое дело?» На колониальной конференции 1897 года премьер-министр Лорье очень жестко потребовал: «Если вам нужна наша помощь, зовите нас в свои советы» [5, p. 664].

Дальновидные английские политики, особенно либерального толка, рано поняли, что крупные колонии, достигшие зрелости, должны иметь возможность высказывать свое мнение не только в своих внутренних делах, но и в вопросах, касающихся империи в целом. Еще в 1855 году У. Гладстон напутствовал своих соотечественников: «Если вы хотите укрепить связь между колониями и родиной, если вы хотите, чтобы в колониях чттили британские институты, никогда не связывайте их с ненавистным понятием силы и принуждения» [11, p. 234].

Когда в 1902 году Джозеф Чемберлен предложил создать «Консультативный императорский совет» в качестве первого шага к совместной исполнительной, а возможно, и законодательной власти, Лорье и Бота, причем последний, несмотря на то, что Южно-Африканский Союз был еще далек от статуса доминиона, выступили категорически против. Еще в 1900 году, по случаю англо-бурской войны, на которую Канада лишь с большой неохотой отправила небольшой контингент, канадский премьер-министр потребовал, чтобы его страна в будущем могла самостоятельно решать, действовать ей или нет. Доминионы также отвергли идею Чемберлена об

имперском таможенном союзе со свободной торговлей внутри страны и защитными тарифами снаружи как посягательство на их экономическое самоуправление и вместо этого предложили систему преференций, в которой метод и границы должны были определяться каждым доминионом самостоятельно, и эта идея возобладала в 1918 году. Наконец, инициатива, нацеленная на большую независимость, скоро проявилась и в такой деликатной сфере, как оборона. Еще в 1887 году Австралия потребовала, чтобы военно-морские подразделения, в оснащении которых она принимала участие, выводились из ее вод только с ее согласия [10]. В 1904 году был создан «Комитет имперской обороны», в который были приглашены не только британские министры, но и премьер-министры доминионов. В 1916 году этот орган превратился в «Имперский военный кабинет», в котором значительное место отводилось государственным деятелям заморских территорий, чей метод ведения переговоров «на равных условиях» делал Англию, как подчеркивал Борден, больше не *primus inter pares* («первой среди равных») [5, p. 664].

Несмотря на эти неудачи преимущественно прагматично-политических планов федерации, они вновь получили новый мощный импульс, теперь уже с увлекательным философским обоснованием, благодаря кружку вокруг лорда А. Милнера.

Ведущие британские государственные деятели рубежа веков, такие как Милнер с его «детским садом» в Южной Африке, Грей, Керзон, Хайдейн и кружок Лайонела Кертиса, написавшего великий труд «Содружество наций» (1916), и его журнал «Круглый стол», находились под глубоким влиянием этой идеи. Казалось, что либеральные и идеалистические идеи встретились здесь в одной политической цели – соединить национальную индивидуальность и всеобъемлющее единство. Империя получила новый идеологический фундамент, оказавший в дальнейшем глубокое влияние. В период с 1909 г. по 1919 г. «Круглый стол» был важнейшим интеллектуальным центром, формулировавшим перспективы имперской политики Великобритании. В русле идей «Круглого стола» была продолжена разработка перспективных планов нового мироустройства, ключевым компонентом которых стала концепция тесного союза Великобритании и США и англоамериканского лидерства [2, с. 148].

И все же резкий контраст со сторонниками национального суверенитета в доминионах заключался в том, что представители гегелевской идеи государства стремились к гораздо более тесному слиянию через концепцию федерации, чем либеральные представители государств, которые изначально и прежде всего требовали национальной независимости и лишь затем хотели построить сотрудничество в клубе равных. Таким образом, несмотря на несомненное желание либерализовать систему империи, они

вовсе не приветствовали федерализм, а, напротив, десятилетиями вели с ним ожесточенную борьбу и привели к его провалу.

Хотя еще до окончания войны оппозиция федерализму привела к развитию подходов о большей либерализации в области внешних отношений, опыт войны с тяжелыми потерями, понесенными канадцами, австралийцами и новозеландцами, укрепил убеждение, что реальное равенство не было достигнуто и что они все еще не в состоянии определять свою судьбу, особенно в жизненно важном вопросе войны и мира. В 1916 году даже консервативный англо-канадский Р. Борден заявил: «Вряд ли можно ожидать, что мы выведем на поле боя 400 – 500 тысяч человек и при этом будем довольны тем, что у нас не больше голосов, чем у игрушечных автоматов» [6, р. 442]. В Квебеке введение обязательной военной службы в 1917 году привело к трехмесячным массовым демонстрациям с численностью до 15 000 человек, постоянными криками «Да здравствует революция!» и требованиями отделения. Великобритания по-прежнему осуществляла функции всей империи без согласия входящих в нее государств; вопросы первостепенной важности оставались под исключительным контролем британского кабинета. Незадолго до войны либеральный премьер-министр Г. Асквит категорически подчеркнул, что ответственность не может быть разделена.

Весь этот опыт побудил Я. Смэтса заявить на конференции 1917 года: «Хотя на практике существует большая свобода, статус доминионов в нынешней теории все еще демонстрирует характер подчинения». В книге «Британское содружество наций» австралиец Дункан Холл, предложил неоспоримо закрепить конституционные права в письменной декларации, продемонстрировав тем самым, насколько далеко статус доминиона отошел от юридических «архаизмов» на практике. Одним из важнейших пунктов должно было стать заявление о том, что британский парламент больше не обладает законодательной властью в отношении доминионов [9, р. 44].

В июне 1921 года Я. Смэтс изложил основные идеи для Имперской конференции в подробном меморандуме, некоторые из которых предвосхитили Декларацию Бальфура 1926 года. В нем он потребовал фундаментального равенства государственности между доминионами и Великобританией и применения метода конференций и консультаций для решения общих вопросов. Что касается законодательной власти, то он требовал права самостоятельно вносить поправки в конституцию, распространения юрисдикции за пределы территориальных границ и отмены Акта о действительности колониальных законов 1865 года, согласно которому колониальные законы, противоречащие законам Британской империи, считались недействительными [12, р. 183]. Наконец, чтобы подчеркнуть фундаментальные изменения, название «империя» должно было быть изменено на «Британское Содружество наций», а для каждого доминиона наряду с общим фла-

гом должен был быть введен отдельный национальный флаг [9, p. 47].

Очевидно, что время для реализации далеко идущих планов Смэтса еще не пришло. На Имперской конференции летом 1921 года он стоял в одиночестве. У него все еще не было союзников в Канаде, поскольку Маккензи Кинг взял на себя руководство политикой там только в декабре. Под руководством австралийского премьер-министра Хьюза большинство придерживалось принципа, что хотя внешняя политика должна рассматриваться на периодических конференциях, она должна быть единой для всей империи и осуществляться аппаратом министерства иностранных дел в Лондоне [9, p. 49]. После Имперской конференции 1921 года все еще сохранялось впечатление, что в конечном итоге возобладает старая, так называемая «политика единой империи», единая внешняя политика под руководством Лондона. Таким образом, в годы, предшествовавшие Вестминстерскому статуту, борьба за национальный суверенитет в основном сводилась к разногласиям по поводу конституции.

В сложившейся ситуации первые послевоенные годы все еще демонстрировали склонность лондонского правительства молчаливо игнорировать предоставленные права на практике. Принятие представителей доминионов на Парижскую мирную конференцию и в качестве отдельных членов Лиги Наций, которое громко превозносилось как заметный шаг вперед, кстати, по прямой просьбе Канады, Южной Африки и Австралии, означало важный шаг, но еще не решительный поворот к независимости во внешней политике. Сторонники федерализма, которые при Кертисе считали, что победа уже в их руках [9, p. 4], потерпели тяжелое поражение. Незадолго до этого газета *The Times* также сообщила, что еще не пришло время «разобраться с конституционной системой империи». 10 мая 1920 года и в канадском, и в британском парламентах уже было объявлено, что Канада намерена направить в Вашингтон уполномоченного министра для защиты своих особых интересов. Но это объявление осталось чисто символическим, и посланник был назначен лишь семь лет спустя, в феврале 1927 года [9, p. 40].

В 1922 году новый либеральный премьер-министр Маккензи Кинг с удовольствием заявил в Оттаве, что положение доминионов в Империи по-прежнему неясно. Он говорил о «полунезависимости». Эта полунезависимость уже была выражена на мирной конференции, где подписание договоров привело к аномалии двойных подписей, поскольку доминионы подписали один раз за себя, а затем британские полномочные представители подписали еще раз за Великобританию и Империю в целом. В приглашении на Вашингтонскую конференцию 1921 года США также просто проигнорировали тот факт, что доминионы уже получили независимость по международному праву в рамках Лиги Наций, поскольку не направили им отдельного приглашения. Государства-члены восприняли это с него-

дованием, но, тем не менее, приняли участие в конференции. Уже в мае 1923 года лектор Института международных отношений в Лондоне утверждал, что из международного права невозможно сделать вывод о том, что доминион является отдельным международным субъектом [13].

Однако новая конституция Ирландского свободного государства 1922 года, очень скоро предоставила сторонникам расширения независимости доминионов инструмент огромной ценности. В ирландской конституции было прямо указано, что новый доминион должен быть «равноправным членом». В статье 17 формула присяги больше не требовала в первую очередь «верности королю», а сначала «веры и верности Конституции Ирландского Свободного Государства» и только потом «верности королю». Таким образом, суверенитет ирландского народа имел приоритет над монархическими формами, представленными английским королем. Это было еще более четко сформулировано в статье 2, которая гласила: «Вся правительственная власть и вся законодательная, исполнительная и судебная власть в Ирландии исходит от ирландского народа и будет осуществляться в Ирландском свободном государстве органами, установленными этой конституцией или на ее основании и в согласии с ней [1].

В 1926 году жесткость британской позиции во время Всеобщей стачки привела к одному из самых критических моментов в конфликте между национальными идеями и идеями Содружества. Если до этого момента Канада с ее двумя выдающимися премьер-министрами, консерватором Р. Борденем и либералом Маккензи Кингом, была движущей силой в развитии идеи «полного равенства», то теперь инициатива беспрецедентного шага – письменного формулирования этого статуса на имперской конференции 1926 года, так называемого доклада Бальфура, – исходила от двух самых молодых доминионов, ЮАС и Ирландии. Противниками такой декларации были Англия, Австралия и Новая Зеландия, которые все еще пытались сохранить идею имперского единства под английским руководством. Они также решительно возражали против жесткого определения, которое было чуждо британской политической практике. Они заявляли, что невозможно определить неопределимое [14, p. 181].

Результатом двухнедельных напряженных обсуждений стал компромисс в привычной формуле, которая, хотя и не являлась фактической конституцией Содружества, но в итоге письменно закрепляла равные права доминионов, не изменяя при этом существование «семьи наций»: доминионы являются «автономными содружествами в составе Британской империи, равными по статусу, ни в коей мере не подчиненными друг другу в своих внутренних и внешних делах, хотя и объединенными общей верностью короне и свободно ассоциированными как члены Британского содружества наций». Слово «независимость», было признано неприемлемым, равно как

и его возможная интерпретация, согласно которой фраза «свободно ассоциированные» разрешала выход из Содружества в любой момент. Кроме того, равенство статуса теперь было четко обозначено как «коренной принцип» отношений между государствами-участниками, включая Великобританию [12. р. 161]. Соответственно, по предложению Канады было установлено, что в будущем генерал-губернатор больше не будет агентом британского правительства, через которого идет переписка с Лондоном, а всего лишь представителем короны. Таким образом, он теперь занимал в доминионе такое же положение, как король в Великобритании, и конституционное равенство правительства доминиона было достигнуто и в этом важном пункте, фактической основе «ответственного правительства», а значит, и суверенитета. Общение теперь происходило непосредственно от кабинета к кабинету. Чтобы усилить ее, Лондон согласился с 1928 года содержать так называемых высоких комиссаров со статусом посланников в доминионах и наоборот.

Особое значение придавалось законодательной компетенции. И здесь предложения Я. Смэтса из его меморандума 1921 года также были взяты на вооружение. Был признан принцип консультаций и консенсуса: любое законодательство Вестминстера, затрагивающее доминион, могло быть принято только после предварительных консультаций и с его согласия. Для выработки конкретных договоренностей был создан Комитет по межимперским отношениям.

Однако во внешнеполитической практике государства-члены все еще не могли технически сразу создать полноценную дипломатическую службу. Так, например, Департамент внешних сношений в Оттаве состоял всего из трех человек. По этой причине легации первоначально были открыты только в Вашингтоне, Париже и Токио, а представительство пока продолжала обеспечивать британская дипломатическая служба. Несмотря на все признание национального равенства и право на собственное дипломатическое представительство, не отдельные доминионы, а только Империя в целом является полноценным внешнеполитическим субъектом, в связи с чем эксперты по международному праву из Лондонского университета еще в 1929 году пришли к выводу, что ни один доминион не может оставаться нейтральным, если другой находится в состоянии войны [17].

Первый министр Министерства по делам доминионов после его отделения от Колониального ведомства Л. Эмери, пришел к тому же выводу: учитывая неделимость Короны, ни один подданный короля не может быть другом врагов короля или даже оставаться нейтральным [4]. Но этот аргумент вскоре был опровергнут. Чем больше росла национальная независимость и демократизация в новых государствах, тем меньше они чувствовали себя связанными с Коронай. Это отдаление привело к прекращению

действия принципа «верности Короне» в отдельных доминионах, как это впервые произошло в Ирландии.

Принципы из доклада Бальфура получили конкретное выражение в виде кодификации в Вестминстерском статуте от 11 декабря 1931 года, который был революционным и основывался на предложениях Временной императорской комиссии.

В нем законодательно закреплялось следующее:

1. Изменения в вопросе о престолонаследии или королевских атрибутах («Стиль и титулы») в будущем должны требовать согласия парламентов доминионов, а также Вестминстерского парламента;

2. Британские законы могут быть распространены на территорию доминиона только по его прямому запросу и с его согласия;

3. Акт о действительности колониальных законов больше не должен применяться к законам доминионов, т.е. несовместимость с британскими законами больше не является препятствием;

4. Выполнено требование о том, что законы доминиона должны действовать и экстерриториально [7];

5. Акт о Британской Северной Америке для Канады, а также конституционные акты для Австралии и Новой Зеландии как основа их конституций остаются в силе. Это также означает, что поправки к этим конституциям по-прежнему могут вноситься только Вестминстерским парламентом, но теперь только по просьбе соответствующего доминиона.

6. Наконец, оговаривается, что термин «колония» больше не будет применяться к доминионам.

Эти принципы представляли собой попытку объединить национальные усилия для достижения наднационального миропорядка, обеспечить единство целого, не жертвуя индивидуальной свободой частей, как выразился премьер-министр Австралии на Имперской конференции 1930 года. Эта работа была компромиссом, который, вероятно, был возможен только в духе истинного либерализма и с большой государственной гибкостью Англии, «одной из великих загадок Британской империи», как сказал лорд-канцлер в 1929 году. Как и любой другой компромисс, он не мог удовлетворить всех заинтересованных лиц.

Идея Британского сообщества не смогла преодолеть стремление к полной национальной независимости среди тех, кто не был связан с ним на протяжении долгого времени: Ирландия и Южная Африка, которые уже в 1926 году наиболее активно призывали к независимости, вскоре его покинули. Однако для остальных идея о том, что две, казалось бы, антагонистические тенденции вполне совместимы, продолжала оказывать влияние.

Таким образом, развитие идей политического устройства Британской империи являлось закономерным результатом исторического процесса. Эти

идеи в первой трети XX века балансировали между сохранением целостности Империи и национальным суверенитетом доминионов и колониальных владений. Катализатором, ускорившим данный исторический процесс, явилась, безусловно, Первая мировая война, относительно ослабившая Великобританию приведшая в итоге к реформе системы колониального управления. Представляется, что без влияния результатов Первой мировой войны права доминионов и колониальных владений, закрепленные в Вестминстерском статуте, не были бы предоставлены так относительно быстро.

Глубокие же изменения после Второй мировой войны, прежде всего движение за освобождение азиатских и африканских колоний, в корне изменившее старую систему власти, подвергли идею Содружества решающему испытанию, которое невозможно было предвидеть во время принятия Вестминстерского статута. Теперь речь шла уже не о предоставлении национального суверенитета, а о дальнейшем существовании того сообщества наций, о котором австралийский премьер-министр еще на Имперской конференции 1930 года мог сказать: «В этом Британском Содружестве наций уже существует ядро международного сотрудничества в превосходной форме» [12, p. 209].

Библиографический список / Reference

1. Акт о конституции Свободного Ирландского государства, 1922 г. (5 декабря 1922 г. // URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=998> (Дата обращения: 10.08.2024)
2. Сагимбаев А.В. Роль группы «Крутого стола» в формировании британской имперской идеологии в начале XX века // Диалог со временем. 2015. Вып. 51. С. 133-150.
3. Сили Дж.Р. Расширение Англии: Два курса лекций [проф. Дж.-Р. Сили в Кембридж. ун-те] / Пер. с послед. англ. изд. В.Я. Герда; Под ред. и с примеч. В.А. Герда. – Санкт-Петербург: О.Н. Попова, ценз. 1903. IV. 239 с.
4. Amery L.S. Some Aspects of the Imperial Conference 1926 // Journal of the British Institute of International Affairs, Jan. 1927.
5. Borden Robert Laird His Memoirs. Edited and with a preface by Henry Borden, and with an introduction by Arthur Meighen. 2 vols. – Toronto: The Macmillan Company of Canada. 1938. 1061 p.
6. Creighton Donald A History of Canada: Dominion of the North Hardcover. 1958. 619 p.
7. Dawson Robert MacGregor Development of Dominion Status 1900 – 1936. 1st Edition. – London. 1965. 486 p.
8. Hancock W.K. Smuts: The Sanguine Years, 1870 – 1919. – Cambridge: University Press. 1962. 618 p.
9. Hancock W.K. Smuts, Volume 2: The Fields of Force, 1919 – 1950. Cambridge University Press. 1968. 590 p.
10. Hancock W. K Survey of British Commonwealth Affairs. Volume I, Problems of Nationality, 1918 – 1936. The Royal Institute of International Affairs. – New York: Oxford University Press. 1937. 673 p.
11. Hauser Oswald Das britische Commonwealth zwischen nationaler. Souveränität und imperialer Integration 1917 – 1931: VjHZG. 16. 1968. P. 230-246.
12. Keith Arthur Berriedale Speeches and Documents On The British Dominions 1918 – 1931 From Self-Government To National Sovereignty Hardcover – January 1. 1948. 501 p.
13. Mousley Edward The Empire and Foreign Policy // Journal of the British Institute of International Affairs – Vol. 2, №. 3 – May, 1923. P. 91-106
14. Neatby H. Blair William Lyon Mackenzie King, Volume II, 1924 – 1932. The Lonely Heights. University of Toronto Press. 472 p.
15. Oswald Hauser Kanada als nationales Problem. // Saeculum. 1964. № 15. P. 74-102.
16. The Times. 1925. 09 November.
17. The Times. 1929. 16 March.
18. Wrong George M. Nationalism in Canada. // Journal of the Royal Institute of International Affairs, – Volume 5, Issue 4, – July 1926. P. 177-194.

Актуальные вопросы исторических наук

Actual questions of historical sciences

Рябова Е.Л.

Доктор политических наук, главный редактор журнала «Этносоциум и межнациональная культура».

Терновая Л.О.

Доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет.

Острова и государственные границы: история, культура, столкновение цивилизаций*

Аннотация. Материалы статьи существенно расширяют предметное поле лимнологии, включая в него не только геополитическую, но и цивилизационную проблематику, выбирая в качестве объекта анализа островную модель государственного развития. Данный исследовательский подход определен, во-первых, тем, что острова в разные эпохи и в различных концептуальных построениях выступали как своеобразная модель эффективного государственного управления и территория счастливой жизни. Во-вторых, в прошлом веке в геополитике остров четко обрисовался как элемент пространственной оси и средоточение поддерживающей ее мощи. В-третьих, самые разнообразные примеры существования на каком-либо острове двух государств или расположения на островной территории одного государства военной базы, принадлежащей другому государству, закладывают основания для перерастания пограничных проблем в цивилизационное противостояние.

Ключевые слова: государство, история, культура, цивилизация, лимнология, граница, остров, геополитика, военная база.

Ryabova E.L.

Doctor of Political Sciences, Editor-in-Chief of the journal "Ethnosociety and Interethnic Culture".

---

* © Рябова Е.Л., Терновая Л.О., 2024.

Ternovaya L.O.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Highway State Technical University.

Islands and state borders: history, culture, clash of civilizations

Abstract. The materials of the article significantly expand the subject field of limology, including not only geopolitical, but also civilizational issues, choosing the island model of state development as the object of analysis. This research approach is determined, firstly, by the fact that islands in different eras and in various conceptual constructions acted as a kind of model of effective public administration and a territory of a happy life. Secondly, in the last century, the island was clearly outlined in geopolitics as an element of the spatial axis and the concentration of the power supporting it. Thirdly, the most diverse examples of the existence of two states on an island or the location of a military base belonging to another state on the island territory of one state lay the foundations for the development of border problems into a civilizational confrontation.

Key words: state, history, culture, civilization, limology, border, island, geopolitics, military base.

Люди еще в глубокой древности убедились, что суша не представляет собой нескончаемую поверхность, что она прерывается морями и океанами, а в них находятся многочисленные острова. Многие из них таили опасности для мореплавателей. Память об этом сохранилась в этимологии слова «риск», восходящему к древнегреческому термину «ρίσκόν», означающему «утес», а возникший на этой основе французский глагол «*risquer*» передавал смысл «лавирования между скал». Именно так приходилось на заре мореплавания кормчим в сложных навигационных условиях Средиземноморья, что и отразил миф об аргонавтах. Например, у содержащегося в этом повествовании образа Симплегад (греч. Συμπληγάδες — сталкивающиеся) — плававшие и сталкивавшиеся друг с другом скалы, уничтожая корабли, у входа в Понт Эвксинский, были реальные прототипы. Ими выступали два небольших скалистых Кианейских острова (греч. Κυάνεια νήσοι), расположенные при выходе из фракийского Босфора в Понт Эвксинский.

Остров представляет собой не просто часть суши, отделенную от основной, материковой земли водным пространством, остров и материк кроме этого разделяются судьбой и историей. Поэтому люди часто не могут договориться о принадлежности этого кусочка суши к какому-либо одному материковому пространству и существующему на нем государству¹.

1 Кошкин А.А. Курильский пинг-понг. 100 лет борьбы за острова. – СПб: Питер,

Несмотря на наличие многочисленных территориальных споров, связанных с островами, мыслителями в разные эпохи они виделись как идеальная территория, для построения на ней определенной модели политического устройства. Заметная роль островов в развертывании геополитического соперничества государств в прошлом столетии явилась основанием для экстраполяции видения острова как всего освоенного человеком обитаемого пространства. Английский географ и геополитик Хэлфорд Джон Макиндер (1861 – 1947) под «Мировым Островом» подразумевал соединение категорий пространства и времени: и Евразию, и географическую ось истории². У американского геополитика Николаса Джона Спикмена (1893 – 1943) данное пространство обозначало совокупность талассократических, т.е. выделяющихся своей морской мощью зон³.

Споры из-за островов составляют значительную долю международных территориальных споров, включая конфликты из-за крошечных или практически несуществующих частей суши. Так, площадь необитаемого острова в центре пролива Кеннеди, разделяющего Канаду и Гренландию, Ганса (англ. *Hans Island*) равна 1,3 километра. Он принадлежит Дании, но является предметом геополитического вожделения Канады. Из-за глобального потепления, освободившего зону вечной мерзлоты от толщи льда, остров приобрел контроль над морским путем, соединяющим Северную Америку и Азию. Другой пример: три острова в Персидском заливе — Абу-Мусса, Большой и Малый Томб — представляют предмет территориального спора между Ираном, которому они принадлежат, и Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ). Эти острова, расположенные на выходе из Персидского залива в Ормузский пролив, занимают стратегически важное положение на морском пути транспортировки нефти.

Камнем преткновения в полном смысле слова можно назвать скалу Рокколл (англ. *Rockall*) в северной Атлантике. Впервые об острове заговорили в 1904 г., когда неподалеку потерпел крушение норвежский пароход. В 1955 г. на Рокколл опустился британский военный вертолет, чтобы водрузить флаг Соединенного Королевства. В условиях холодной войны это было геополитическим шагом по обеспечению защиты от СССР, который мог устроить на острове наблюдательный пункт. С 1972 г. Рокколл официально является частью Шотландии. Через четверть века в этом месте в океане были обна-

---

2018; Терновая Л.О. Геополитика островов // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 9 (99). С. 125-134; Терновая Л.О. Геополитическая формула воды: монография. – М.: ИНФРА-М, 2019; Шарко М.В. Новые проекты Японии и оценка их перспективности для России // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 1 (103). С. 165-169.

2 Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории / Пер. с англ. В. Желнинова. – М.: АСТ, 2021.

3 Spykmen N. *America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power*. New York: Harcourt Brace, 1942; Spykmen N. *Geography of Peace*. New York: Harcourt Brace, 1944.

ружены существенные запасы природного газа и нефти. Активисты экологической организации Гринпис попытались предотвратить возможное начало добычи углеводородов, объявив территорию скалы независимой страной Вейвландия (англ. *Weivland*). Территориальные претензии к этому крошечному острову имеются у Ирландии, Дании, Исландии и Великобритании, для которых обеспечение энергетической безопасности становится ключом к усилению их геополитического веса.

Вышеупомянутые острова, несмотря на малые размеры, являются постоянно существующими географическими объектами. Международные конфликты могут возникать из-за суши, периодически появляющейся над морской поверхностью, каким, например, является остров, появившийся в результате извержения подводного вулкана в открытом море между островом Сицилия и африканским побережьем и имеющим множество названий: банка Грэхэма, Фернандеа, Джулия, Корао, Ходем, Нерита и Шакка. По мнению некоторых исследователей, именно в этом месте могла находиться легендарная Атлантида. В пользу такой версии говорит сам факт периодического «всплытия» и «затопления» острова. К судьбе Фердинандеи близка история другого «острова-призрака» — острова Томпсона, который был открыт китобоями в 1825 г., а на картах обозначался вплоть до 1943 г. Возможно, этот остров исчез во время вулканического извержения в 1890-х гг.

Эти факты позволяют представить, насколько сложной оказывается не только географическая, но и геополитическая судьба островов. Помимо этого у островных территорий имеются очевидные сложности экономического развития и политического управления. Проводить внутреннюю политику властям легче, когда территория страны четко отграничена и не имеет проблем с соседями. Сейчас среди 194 независимых государств мира 47 являются островными. Несмотря на общий признак островного расположения, они отличаются исключительным многообразием. Этой же разноплановостью характеризуются все островные пограничные споры, особенно, когда территория острова разделена государственными границами. К таким островам относятся:

- второй по величине остров в мире, после Гренландии остров Новая Гвинея, который географически относят к Океании, разделен примерно посередине: западная часть принадлежит государству Папуа-Новая Гвинея, восточная часть — Индонезии;

- основную часть третьего по величине острова в Европе — Ирландия — занимает Республика Ирландия; северная территория острова имела старое название Ольстер; шесть из девяти округов Ольстера образовали Северную Ирландию, оставшуюся частью Соединенного Королевства после разделения Ирландии в 1921 г.;

- Кипр, третий по величине остров в Средиземном море поделен меж-

ду Республикой Кипр и частично признанной Турецкой Республикой Северного Кипра, занимающей 36% территории острова и образовавшейся в 1974 г. в результате вторжения на остров турецких войск; разделяет эти территории буферная зона, контролируемая ООН, кроме того, часть Кипра занимают военные базы Великобритании;

- остров Гаити, второй по величине после Кубы, остров в Карибском море в Вест-Индии, в группе Больших Антильских островов: восточную часть занимает Доминиканская Республика, а в западной части расположено государство Республика Гаити;

- остров Тимор, находящийся в в южной части Малайского архипелага, в своей восточной части имеет государство Восточный Тимор, а западная часть острова принадлежит Индонезии;

- остров Сен-Мартен (фр. *Saint-Martin*), или Синт-Мартен (нидерл. *Sint Maarten*), одно из популярнейших курортных мест в Карибском море, поделен между Францией и Нидерландами;

- остров Огненная Земля (исп. *Isla Grande de Tierra del Fuego* — «Большой остров Огненной Земли») в 1881 г. был разделен между Чили и Аргентиной, ранее предъявлявшими претензии на всю его территорию.

Есть разделенные с соседями острова и у России. Например, граница с Норвегией проходит в том числе по реке Паз и нескольким озерам, которые эта самая река и соединяет. В частности, в озере Клистерватн есть остров Грененхольмен, разделенный между странами практически поровну. Южнее, недалеко от точки схождения трех границ (российской, норвежской и финской), в озере Гренсеватн, таких островов даже два. Все они необитаемы и экономически никак не освоены.

Десятками исчисляется количество островов, которыми Россия и Финляндия государства владеют на паритетных началах. Много таких островов располагаются в Финском заливе Балтийского моря, а самым крупным из них является остров Малый Пограничный (Мартинсаари). До Советско-финляндской войны (1939 – 1940) на острове существовала финская рыбацкая деревушка, позже там уже не было постоянных поселений. Более того, у России и Финляндии имеется значительное число совместных островов на пограничных озерах: Каменное, Юля-Тирья, Пукариярви, Онкамо, Нуйямаярви, Вирмаярви (самая восточная точка Финляндии), Хиетаярви, Парваярви и др. Как правило, это очень небольшие острова, никакого хозяйственного интереса не представляющие. Также у России есть общие острова с Литвой на река Шешупе, являющейся пограничным кордоном между Калининградской областью и этим балтийским государством. Самые крупные разделенные острова, принадлежащие Российской Федерации, находятся на Дальнем Востоке, на границах Забайкальского и Хабаровского краев, соответственно — Большой (Абагайту) на реке Аргунь

(площадь 58 кв. км) и остров Большой Уссурийский (Хэйсяцзы) на реке Амур (350 кв. км). На Большом Уссурийском, который также является самой восточной точкой КНР, есть постоянно проживающее население.

Поучительно, что островной аспект пограничной проблематики, несмотря на обычно малые размеры спорной территории, сохраняет свою геополитическую актуальность и через много лет, а то и десятилетий после решения вопроса о государственной принадлежности. Одним из примеров такого более чем столетнего спора могут служить острова в северной части Тихого Океана, основанные на том, что в 1867 г. в момент продажи Россией Соединенным Штатам Аляски в Конвенции о продаже этой территории, подписанной императором Александром II, не содержалось никаких положений о разделении морских пространств. Потребность в этом возникла лишь через сто лет, когда прибрежные страны начали вводить 200-мильные рыболовные, а позже исключительные экономические зоны. Оказалось, что в Беринговом и Чукотском морях такие зоны Советского Союза и США перекрывали друг друга. У сторон были противоположные подходы к решению пограничного спора: советская сторона полагала, что линия разграничения в Беринговом море должна проходить по локсодромии (др.-греч. λοξός — косой, наклонный и δρόμος — бег, путь), т.е. по кривой линии, пересекающей все меридианы под постоянным углом; американская сторона настаивала на делении по ортодромии (др.-греч. ὀρθός — прямой), являющейся кратчайшим расстоянием между двумя точками на поверхности Земли. Таким образом, США получили бы дополнительные 13 200 кв. морских миль для ведения рыболовства и еще 46 300 кв. километров континентального шельфа в центральной части Берингова моря, которые находились за пределами их своей собственной 200-мильной зоны. А Советский Союз получил только 4 600 кв. километров континентального шельфа. То, что исключительная экономическая зона Соединенных Штатов в некоторых местах превышала расстояние в 200 морских миль от исходных линий, являлось нарушением статьи 57 Конвенции ООН по морскому праву (1982). Однако 1 июня 1990 г. в Вашингтоне министром иностранных дел СССР Эдуардом Шеварднадзе и госсекретарем США Джеймсом Бейкером было подписано соглашение между СССР и США о линии разграничения морских пространств, или Соглашение о Линии Шеварднадзе-Бейкера (англ. *USA/USSR Maritime Boundary Agreement; Baker-Shevardnadze line agreement*), касающееся разграничения экономических зон и континентального шельфа в Чукотском и Беринговом морях, а также территориальных вод на небольшом участке в Беринговом проливе между островами Ратманова (Россия) и Крузенштерна (США)⁴. Это

4 Agreement between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on the maritime boundary, 1 June 1990 // URL: <https://www.un.org/Depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/TREATIES/USA-RUS1990MB.PDF>.

Соглашение не было ратифицировано ни Верховным Советом СССР, ни позже российским парламентом, а потому с 15 июня 1990 г. применяется на временной основе, согласно статьи 25 Венской Конвенции о праве международных договоров (1969). При этом к данному документу есть претензии не только у России, но и у США, в частности, у штата Аляска. В 1999 г. в резолюции *HJR-27* парламент этого штата выразил сомнение в законности границ между США и Россией, поскольку с американской стороны соглашение было подписано без участия представителей штата в переговорах и согласия штата Аляски с его условиями. Парламент Аляски посчитал, что предлагаемый договор должен быть аннулирован, а новые переговоры необходимо провести с участием штата Аляска, также условия нового соглашения, относящиеся к территории, суверенитету или собственности штата Аляска, должны приниматься только с согласия самого штата. Не дает Аляска согласия и на передачу под российскую юрисдикцию островов Врангеля, Геральда, Беннета, Генриетты, Медного, Сивуча и Калана, несмотря на то, что эти острова никогда не находились под юрисдикцией США⁵.

В этом же регионе, в середине Берингова пролива по обе стороны российско-американской границы расположены на острова Диомида. Считается что они являются остатками надводной территории Берингии, которая поднималась и вновь уходила под воду. Ученые предполагают, что два материка соединялись, по крайней мере, шесть раз. До 1867 г. оба острова принадлежали Российской империи. Остров Малый Диомид отошел к США вместе с Аляской, а Большой Диомид Россия оставила себе, решив, что граница стран пройдет между островами. Между островами Ратманова (Большой Диомид, Россия) и Крузенштерна (Малый Диомид, США) проходит не только государственная граница этих стран, но и линия перемены дат и по времени их разделяет 21 час, поэтому иногда эти острова называют «Остров Завтра» и «Остров Вчера».

Пограничные острова всегда были знаковыми местами сражений в периоды крупных вооруженных конфликтов. Имеются разные версии последнего сражения Второй мировой войны на Дальнем Востоке. Согласно китайской версии, оно развернулось около китайского пограничного города Хутоу («Тигриная голова») на берегу пограничной с СССР рекой Уссури. В этом месте с 1934 по 1939 гг. японцами силами десятков тысяч китайских военнопленных и гражданских лиц была возведена неприступная крепость, блокировавшая путь в Центральную Маньчжурию. Этот укреп район в Хутоу японцы называли восточной линией Мажино. В Советском Союзе в первую очередь с целью защиты Транссиба в 1939 г. у под руководством генерал-лейтенанта инженерных войск Дмитрия Михайловича Карбышева приступили к

5 Приграничные конфликты //Отечественные записки. 2002. № 6. // URL: <https://strana-oz.ru/2002/6/prigranichnye-konflikty-i-spory>.

созданию Иманского укрепленного района в городе Имане. После вступления СССР в войну с Японской империей 9 августа 1945 г. подразделения 35-й общевойсковой армии Дальневосточного фронта форсировали Уссури. 10 августа советские войска уже смогли овладеть городком Хутоу, хотя японцы продолжали удерживать крепость. Ожесточенные бои длились до 26 августа. В КНР пограничная застава Хутоу считается местом окончания Второй Мировой войны. В 2004 г. там, на вершине горы Мэнху, был воздвигнут памятник с надписью, что в этом месте был погашен последний огонь войны.

Однако, по советской версии, последним сражением Второй мировой войны называется Курильская десантная операция (18 августа – 1 сентября 1945), в результате которой было занято 56 островов Курильской гряды, в 1946 г. включенных в состав СССР. 18 августа начался штурм японских укреплений на важном оборонительном узле севера Курильской гряды — острове Шумшу, на северном мысе которого находился японский памятный знак «Северная оконечность империи». Остров был полностью освобожден 23 августа 1945 г., а затем от японцев была очищена и вся Курильская гряда. Память об этом сражении особенно пронзительна потому, что битва за Шумшу стала единственной операцией Советско-японской войны, где советские войска понесли больше потерь, чем их противник.

К числу пограничных проблем, связанных с окончанием военных конфликтов, относится то, что некоторые государства-победители, уходя с освобожденной от врага территории, оставляют на ее части свои военные базы. Например, американская база в заливе Гуантанамо на Кубе (англ. *Guantanamo Bay Naval Base*) формально была арендована США в 1903 г. после Испано-американской войны (исп. *Guerra Hispano-Estadounidense*, англ. *Spanish-American War*, 1898). Юридическим основанием для нахождения на территории Японии страны американских баз стал Американско-японский договор о взаимном сотрудничестве и безопасности (англ. *U.S.-Japan Treaty of Mutual Cooperation and Security*), подписанный в 1960 г., хотя фактически американские войска не уходили с островов Японии с момента завершения Второй мировой войны. Когда в 2024 г. Британия вынуждена была, согласно решению Международного суда ООН, вернуть Маврикию острова архипелага Чагос в Индийском океане, она оставила за собой контроль над военной базой на самом большом острове Диего-Гарсия, которую у нее арендует США. Эта база получила название *Camp Thunder Cove* (лагерь «Громовая бухта»), а американские военные за прекрасные условия службы на этом острове называют эту базу *Fantasy Island* («Остров фантазий»). Хотя на самом деле ничего фантастического в подобной оккупации чужих территорий быть не может.

Государственная граница, пролегающая через островную территорию, принципиально отличается от линии границы на материковой части страны. Наиболее четко эти различия осознаются, когда речь идет об островных государствах-соседах. Остров сам по себе уже представляет особенный мир,

сформировавшийся благодаря его природной изолированности. Когда же на эту геокультурную специфику накладываются различия политического, экономического, конфессионального порядков, связанных с устройством жизни и управления в разных странах, то, их контраст приобретает более густые краски, а то и драматический оттенок. Вместо образования метакультурного сообщества в результате встречи таких противоположностей на островных границах культурных сред, происходит их столкновение, в процессе которого акцентируются не общие проблемы, а различия, даже, будучи незначительными, поднимаемые до уровня цивилизационных противоречий⁶.

Библиографический список:

1. Кошкин А.А. Курильский пинг-понг. 100 лет борьбы за острова. – СПб: Питер, 2018. 448 с.
2. Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории / Пер. с англ. В. Желнинова. – М.: АСТ, 2021. 288 с.
3. Приграничные конфликты // Отечественные записки. 2002. № 6. // URL: <https://strana-oz.ru/2002/6/prigranichnye-konflikty-i-spory>.
4. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Совместимость и расхождения классической и цивилизационной геополитики // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 9. С. 23-31.
5. Терновая Л.О. Геополитика островов // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 9 (99). С. 125-134.
6. Терновая Л.О. Геополитическая формула воды: монография. – М.: ИНФРА-М, 2019. 229 с.
7. Шарко М.В. Новые проекты Японии и оценка их перспективности для России // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 1 (103). С. 165-169.
8. Ячин С.Е., Поповкин А.В., Буланенко М.Е. Метакультурное сообщество: встреча на границах культурных сред // Этносоциум и межнациональная культура. 2010. № 6 (30). С. 232-242.
9. Agreement between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on the maritime boundary, 1 June 1990 // URL: <https://www.un.org/Depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/TREATIES/USA-RUS1990MB.PDF>.
10. Spykmen N. America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. New York: Harcourt Brace, 1942. XVII. 500 p.
11. Spykmen N. Geography of Peace. New York: Harcourt Brace, 1944. 66 p.

Reference

1. Koshkin A.A. Kuril Ping-Pong. 100 Years of the Struggle for the Islands. – Spb: Piter, 2018. 448 p.
2. Mackinder H.J. Geographical Axis of History / Translated from English by V. Zhelninov. – M.: AST, 2021. 288 p.
3. Border Conflicts // Otechestvennye Zapiski. 2002. № 6. // URL: <https://strana-oz.ru/2002/6/prigranichnye-konflikty-i-spory>.
4. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Compatibility and Divergences of Classical and Civilizational Geopolitics // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2014. № 9. P. 23-31.
5. Ternovaya L.O. Geopolitics of Islands // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2016. № 9 (99). P. 125-134.
6. Ternovaya L.O. Geopolitical Formula of Water: Monograph. – M.: INFRA-M, 2019. 229 p.
7. Sharko M.V. New Projects of Japan and Assessment of Their Prospects for Russia // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2017. № 1 (103). P. 165-169.
8. Yachin S.E., Popovkin A.V., Bulanenko M.E. Metacultural Community: Meeting on the Borders of Cultural Environments // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2010. № 6 (30). P. 232-242.
9. Agreement between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on the maritime boundary, 1 June 1990 // URL: <https://www.un.org/Depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/TREATIES/USA-RUS1990MB.PDF>.
10. Spykmen N. America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. New York: Harcourt Brace, 1942. XVII. 500 p.
11. Spykmen N. Geography of Peace. New York: Harcourt Brace, 1944. 66 p.

6 Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Совместимость и расхождения классической и цивилизационной геополитики // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 9. С. 23-31; Ячин С.Е., Поповкин А.В., Буланенко М.Е. Метакультурное сообщество: встреча на границах культурных сред // Этносоциум и межнациональная культура. 2010. № 6 (30). С. 232-242.

Пузанов В.Д.

Доктор исторических наук, профессор. Шадринский государственный педагогический университет.

Формирование Сибирского корпуса в 50-е гг. XVIII в.*

Аннотация. К 1755 г. в Сибирской губернии находились Олонетский, Вологодский и Луцкий драгунские полевые полки, и Сибирский и Новоучрежденный гарнизонные драгунские полки. Кроме того, в Сибирской губернии служили Тобольский, Енисейский, Якутский пехотные гарнизонные полки и Новоучрежденный пехотный гарнизонный батальон. Всего в 8 полках и батальоне служили 10 447 человек. 31 января 1755 г. бригадир Яков Павлуцкий в рапорте губернатору Сибири генерал-лейтенанту В.А. Мятлеву, предложил сменить Сибирский гарнизонный полк, который служил на Иртышской линии, армейским драгунским полком с Новой Ишимской линии. Бригадир И. Крафт – командир полевых полков и линий Сибири выступил с критикой этого плана и сообщил ценные данные о положении русских войск в Сибири.

Ключевые слова: линия, гарнизон губерния солдаты драгуны бригадир.

Puzanov V.D.

Doctor of Historical Sciences, Professor. State Pedagogic University.

Formation of the Siberian corps in the 50s XVIII century

Abstract. By 1755 in Siberian Province there were Olonets, Vologda and Lutsk dragoon field regiments, and Siberian and Newly established garrison dragoon regiments. In addition, the Tobolsk, Yenisei, Yakutsk infantry garrison regiments and the Newly established infantry garrison battalion served in the Siberian province. In total, 10,447 men served in 8 regiments and a battalion. January 31, 1755 Brigadier Yakov Pavlutsky in a report to the Governor of Siberia Lieutenant-General V.A. Myatlev, proposed to replace the Siberian Garrison Regiment, which served on the Irtysh line, with an army dragoon regiment from the New Ishim line. Brigadier I. Kraft - commander of field regiments and lines of Siberia criticized this plan and reported valuable data on the situation of Russian troops in Siberia.

Key words: line, garrison gubernia soldiers dragoons brigadier.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям деятельности вузов-партнеров ЮУрГГПУ и ШГПУ в 2024 г. по теме «Россия и защита Западной Сибири в XVII—XVIII вв. Формирование Сибирского корпуса» (№ 16-380 от 2 мая 2024 г.).

В XVIII в. правительство Российской империи организовало строительство военных линий на юге Западной Сибири, для защиты южных рубежей края [Пузанов, 2023: 18]. В 1715 – 1720 гг. по указам Петра I русские войска построили крепости Иртышской линии, которая усилила влияние Российской империи в крупнейшем государстве региона – Джунгарии [Пузанов, 2022: с. 530]. В 1730-е гг. для защиты от набегов кочевников на юге Сибири была построена Ишимская линия от Царева Городища до Омской крепости. В это время на Южном Урале строились укрепления Оренбургской линии, включавшей крепости и форпосты Яицкой линии и Уйской линии.

По данным Сената, к сентябрю 1737 г. в Сибирской губернии имелось 9011 чел. дворян детей боярских казаков и прочих служилых людей [РГАДА, Ф. 248, Оп. 3, Книга 134. Л. 678.]. К 1751 г. в Сибирской губернии имелось на службе 4 764 казака – 4 271 русских и 493 служилых татар. 1 946 казаков сибирских городов служили в качестве годовальщиков– 418 на Иртышской линии и 1528 на Кузнецкой линии. В городах Сибири служили 2 179 казаков [ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 17. Л. 1].

Политические отношения России с Джунгарией обострились 40-е гг. XVIII в. в результате спора за территорию округа Колывано–Воскресенских заводов. В 1744 г. по распоряжению императрицы Елизаветы Петровны Военная коллегия отправила в Сибирь к гарнизонным частям и отрядам казаков Олонецкий, Вологодский и Луцкий драгунские полки, Ширванский и Нашебургский пехотные полки и 1000 яицких казаков [Пузанов, 2021: 90]. Командиром русских войск в Сибири был назначен генерал-майор Христиан Киндерман, который получил приказ императрицы построить на юге Сибири Новую Ишимскую линию для защиты от кочевых набегов района от р. Иртыша до р. Тобола. В 1752 – 1756 г. части русской армии и крестьяне Сибири строили Новую Ишимскую линию от Омской крепости до форпоста Лебяжьего на р. Тобол. Новая Ишимская линия прикрывала земли Тарского уезда, Ишимского и Ялуторовского дистриктов, с большим крестьянским населением.

К 1751 г., по данным Х. Киндермана, Сибирский драгунский полк занимал район Иртышских крепостей, а Новоучрежденный драгунский полк Колыванские и Кузнецкие линии, а также Красноярский уезд

[ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 17. Л. 3]. В 1752 г. Х. Киндерман определил, что в крепости Новой Ишимской линии необходимо содержать 3 642 чел. – 1 290 регулярных и 2352 нерегулярных. Х. Киндерман назначил строить Новую Ишимскую линию Вологодский драгунский полк, 1 батальон Нашебургского пехотного полка, а также служилых казаков и выписных казаков.

8 июня 1752 г. генерал Киндерман умер в Тобольске, и 31 июля 1752 г. новым командиром полевых полков и линий Сибири Военная коллегия назначила бригадира Иосифа Крафта [Пузанов, 2021: 91]. Военная коллегия в ответ на указ Сенат, об определении на место генерал-майора Киндермана «надежной персоны» приказала до особого указа возложить команду над армейскими и гарнизонными полками и служилыми людьми Сибири «обретающемуся там» бригадиру Крафту [Сенатский архив., с. 659, 701].

Иосиф Крафт (И. Крофт) был принят в русскую службу в эпоху Петра I 29 августа 1723 г. [РГВИА. Ф. 490. Оп. 3/214. Д. 26. Л. 1]. В 1755 г. Военная Коллегия подчинила бригадира Крафта в пограничных делах губернатору Сибири генерал-лейтенанту В.А. Мятлеву.

Российская империя собирала военные силы для участия в новой войне в Европе. 24 июня 1753 г. Военная коллегия приказала во исполнение императорского указа от 9 июня 1753 г. перевести из Сибири в Казань 2 пехотных полка – Ширванский и Нашебургский. 4 августа 1753 г. И. Крафт рапортовал в Военную коллегия, что это невозможно в настоящее время, так как оба полка были разбиты на небольшие отряды, которые находились «в отдалении от Тобольска» [ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 22. Л. 4]. Ширванский полк стоял в Иртышских крепостях, за 1 500 верст от Тобольска, а Нашебургский полк служил на Новой линии в крепостях, на работах, и в конвоях с провиантом.

Бригадир И. Крафт сообщал также, что 3 драгунских полевых полка в это время находились на Новой линии, «знатная команда» в разъездах между строившихся укреплений, а другие стояли на старых форпостах, не терявших своего значения до окончания строительства Новой линии. Крафт предложил направить на Иртышскую линию на смену Ширванскому полку команду в 1 000 чел., собранную из 3 драгунских полков, «ибо по той обширной линии одному Сибирского гарнизона Сибирскому гарнизонному полку обнять и содержать никак невозможно» [ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 22. Л. 5]. Вторая команда драгун в 1 000 чел. должна была остаться на Новой линии. 25 августа 1753 г. Военная коллегия приказала И. Крафту как можно быстрее собрать всех командированных из полков и направить их в Казань «без всякого продолжения», закрыв линии имеющимися полевыми драгунскими и гарнизонными драгунскими полками.

К 1755 г. в Сибирской губернии находились 3 полевых драгунских полка Олонецкий, Вологодский и Луцкий, общей численностью 3 789 человек, и

2 гарнизонных драгунских Сибирский и Новоучрежденный, где служили 2 238 человек. Кроме того, в Сибирской губернии служили 3 пехотных гарнизонных Тобольский, Енисейский, Якутский полки и Новоучрежденный батальон, всего 4 420 человек. Всего в 8 полках и батальоне служили 10 447 человек [ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 24. Л. 2].

Наиболее опасными районами в 40 – 50 гг. XVIII в. являлись Иртышские крепости и укрепления в Кузнецком крае, так как данные территории оставались спорными с Джунгарским ханством. Кроме того, в районе Иртышских крепостей часто происходили вооруженные столкновения с отрядами казахов и урянхайцев, приходивших для захвата русских пленных и лошадей. В период зимы у крепостей имели место столкновения с большими группами казахов, постоянно пытавшимися перейти на русский берег р. Иртыша для зимовки. Так зимой 1755 г. к реке Иртышу прикочевали 300 – 500 вооруженных казахов [ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 29, Л. 2].

Небольшие российские отряды не могли эффективно противостоять крупным силам казахов, поэтому их пытались усилить за счет выписных казаков. Однако это создавало большие трудности для крестьян, которых отрывали от работ и не могло гарантировать военным властям необходимой военной силы. Коменданты Иртышских крепостей в 1755 г. представили Крафту 8 рапортов, сообщая о переходе казахов через р. Иртыш и о том, что крепостные команды не могут отогнать кочевников назад.

Как отмечал в 1755 г. И. Крафт, Семипалатинская и «особливо» Усть-Каменогорская крепости – «первые и ближайшие от сенгорцев». К 1755 г. на Иртышской линии состояло в «нужных местах» более 300 чел. команд из Новоучрежденного полку, пехотных полков и казаков. В 1740 – 1750 гг. от Усть-Каменогорской крепости – самой южной на Иртышской линии кочевники часто отгоняли лошадей российского гарнизона. В Ямышевской и Семипалатной крепостях Иртышской линии был устроен торг с кочевниками – джунгарами, бухарцами, куда с караванами приезжали и казахи. К 1755 г. приход караванов и торговля в крепостях Иртышской линии резко уменьшилась. В результате конфликтов с кочевниками на Иртышской линии было запрещено допускать кочевья Казачей орды ближе 10 верст от р. Иртыша. Военные команды отгоняли группы кочевников от р. Иртыша.

По данным И. Крафта, зимой 1752 и 1753 гг. многие казахи, старшины и «особливо» султаны Малдетя и Кулсары, опасаясь набегов ойратов джунгар, кочевали на верховьях Яика около Яицкой линии и около Уйской линии на внешней стороне русских укреплений. И. Крафт отмечал, что для удержания казахов от набегов на российских жителей и в нижнем течении Яика на российских подданных волжских калмыков, вся территория от Каспийского моря по рекам Яику, Ую и Тоболу застроена крепостями и редутами до Звериноголовской крепости [РГВИА. Ф.20. Оп. 1/47. Д. 486. Л. 18].

Казахи зимой 1753 г. в Сибири имели «великое многолюдство» и всю зиму кочевали около Новой Ишимской линии и пытались перегонять свой скот за линию «под самые слободы». Только команды из армейских полков отгоняли группы казахов из земель, лежащих за линией [РГВИА. Ф.20. Оп. 1/47. Д. 486. Л. 8]. В 1755 г. И. Крафт писал, что по Иртышской линии «более в зимнее время» киргиз-кайсаки кочевали, ведя скот, с которым переправлялись через р. Иртыш. Летом казахи «завсегда кочевье свое имеют в дальнем от той линии разстоянии», и не пытались пересечь р. Иртыш «или другое что вредное учинить» [РГВИА. Ф.20. Оп. 1/47. Д. 486. Л. 8].

27 января 1755 г. бригадир Крафт сообщил в Военную коллегию, что к Иртышским крепостям прикочевали и переправляются на «жилую сторону» р. Иртыша киргиз-кайсаки [РГВИА. Ф.20. Оп. 1/47. Д. 486. Л. 17]. Казахи Меньшей орды и часть Средней Орды прикочевали в 1755 г. к Уйской линии.

15 апреля 1755 г. бригадир Крафт писал в рапорте губернатору Сибири генерал-лейтенанту В. А. Мятлеву, что на линиях края не хватает регулярных войск, в форпостах и станцах на линии служит по 20 – 40 чел., а должно быть, по крайней мере, 40 – 50 чел. В крепостях также имелся «потому ж великой в людях недостаток» [РГВИА. Ф.20. Оп. 1/47. Д. 486. Л. 3]. Имеющиеся на линиях люди «по малолюдству» не могли противостоять группам казахов, которые стремились перейти реку Иртыш внутрь линии со скотом.

В рапорте губернатору Сибири генерал-лейтенанту В. А. Мятлеву 1755 г. И. Крафт отмечал, что на Новой Ишимской линии было положено для содержания 3642 чел. военных людей. Однако к 1755 г. на Новой Ишимской линии в 2 армейских драгунских полках служило 1348 чел. рядовых, а также и 200 казаков города Тары, всего 1548 чел. В результате в «иных форпостах» служили только по 14 – 15 чел., а в главной на линии крепости св. Петра 172 чел. Надо отметить, что по штату только в крепости св. Петра должны были служить 300 чел. [РГВИА. Ф.20. Оп. 1/47. Д. 486. Л. 9].

К 1755 г. по данным канцелярии бригадира И. Крафта, находившейся в Ямышевской крепости, всего на Иртышской линии служили 3081 чел. В Омской крепости служили 303 чел., в Железинской крепости 176 чел., в Ямышевской крепости 620 чел., в Семипалатинской крепости 476 чел., в Усть-Каменогорской – крепости 315 чел., и в станцах от 20 до 76 чел. драгун, солдат и казаков. В крепостях на р. Иртыш из Луцкого драгунского полка служили 930 чел., Сибирского драгунского 815 чел., Новоучрежденного драгунского полка 113 чел., Тобольского пехотного полка 89 чел., Енисейского пехотного полка 62 чел., Новоучрежденного пехотного батальона 5 чел., артиллеристов 79 чел. и нерегулярных казаков 558 чел. [РГВИА. Ф.20. Оп. 1/47. Д. 486. Л. 38 – 43].

На Кузнецкой и Колыванской линиях, по решению генерала Х. Киндер-

мана и генерала Беера для содержания линий заводов и рудников было послано 3 386 чел. драгун солдат и казаков. Однако позднее из них были командированы в экспедицию в Анадырский острог, на Иртышскую линию и убыло по другим случаям до 600 чел. Кроме того, 500 – 600 чел. военных каждое лето употреблялись в горные работы на заводах.

31 января 1755 г. обер-комендант Тобольска бригадир Яков Павлуцкий предложил губернатору Сибири генерал-лейтенанту В.А. Мятлеву произвести весной смену полков на линиях. Я. Павлуцкий предложил Олонецкий драгунский полк из полевых полков перебросить с Новой Ишимской линии в Иртышские крепости. Вологодский и Луцкий драгунские полки должны были остаться прикрывать район от крепости святого Петра до Ямышевской крепости, а Олонецкий полк, находившийся на Тобольской дистанции прикрывать Иртышские крепости от Ямышевской до Усть-Каменогорской. Взамен оттуда Павлуцкий предполагал перевести на Новую Ишимскую линию в крепости от святого Петра до Звериноголовской Сибирский гарнизонный драгунский полк [ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 26, Л. 10].

В октябре 1744 г. «секретным указом» старые сибирские гарнизонные Сибирский и Новоучрежденный драгунские полки были командированы на восток западной Сибири под командой полковника Якова Павлуцкого. Новоучрежденный драгунский полк в 1744 г. был отправлен на Алтай и 11 лет «безменно содержал Кольванскую и Кузнецкую линии в таких же трудностях или более как Сибирский имеет». Сибирский гарнизонный драгунский полк в 1744 г. был послан на Иртышскую линию. Полковник Сибирского гарнизонного полка Яков Павлуцкий принял на линии «главную команду» у полковника Зорина.

Яков Павлуцкий потомок ссыльного польского шляхтича, попавшего в Сибирь в Смутное время, был принят в Сибирский драгунский полк в 1715 г. и зачислен из сибирских дворян офицером. Павлуцкий был участником многих сражений и стычек с кочевниками на юге Сибири. Павлуцкий выдвинулся во время борьбы с башкирским восстанием 1735 – 1741 гг. В 1737 г. Павлуцкий был пожалован подполковником Сибирского драгунского гарнизонного полка, с марта 1738 г. получал в команду «правление полка». Яков Павлуцкий нанес ряд поражений восставшим, строил новые крепости по Исетской линии. В 1740 г. после отставки полковника Арсеньева, Павлуцкий был назначен полковником Сибирского драгунского гарнизонного полка. линию [Потанин, 1 – 7]. Позднее после 1748 г. Павлуцкий стал бригадиром и обер-комендантом столицы Сибири Тобольска.

Сибирский гарнизонный драгунский полк был сформирован в Тобольске, начиная с 1711 г. из дворян, детей боярских и служилых людей конной службы. Многие родственники офицеров и солдат полка служили на раз-

ных административных должностях Сибирской губернии.

По данным И. Крафта, по приказу генерал-майора Х. Киндермана после 1746 г. Сибирский гарнизонный драгунский полк был сменен с Иртышской линии и определен «для содержания старых Тобольных и Ишимских форпостов», в результате половина полка была отведена в «жилые места» Сибири в «немалой против Новоучрежденного полка выгоде и облегчению» [РГВИА. Ф.20. Оп. 1/47. Д. 486. Л. 5].

Позднее генерал-майор Х. Киндерман узнал, что «некоторые офицеры, оставя форпосты и команду дерзнули ездить и жить в дома свои в Царев Курган», в котором многие штаб – офицеры и обер-офицеры и он бригадир Павлуцкий, «но и многие того полку драгуны и во всем Ялutorовском дистрикте дворы свои имеют» [РГВИА. Ф.20. Оп. 1/47. Д. 486. Л. 5]. В результате Х. Киндерман «принужден был оной полк отдалить от того дистрикта» и позднее отправил Сибирский гарнизонный драгунский полк на Иртышскую линию [РГВИА. Ф.20. Оп. 1/47. Д. 486. Л. 5]. Офицеров Сибирского гарнизонного полка, покинувших форпосты, и уехавших домой без разрешения, Киндерман предал военному суду, который даже разжаловал несколько человек в рядовые. Это решение военного суда было утверждено Военной коллегией.

И. Крафт в рапорте губернатору Сибири генерал-лейтенанту В.А. Мятлеву отмечал, что бригадир Павлуцкий должен был «облегчения требовать переводом на Новую линию» Новоучрежденному гарнизонному драгунскому полку, а не Сибирскому гарнизонному драгунскому полку. Новоучрежденный гарнизонный драгунский полк был сформирован в Тобольске по указу Сената от 7 сентября 1736 г. из служилых людей Сибири и их родственников. Однако офицеры и солдаты Новоучрежденного полка не имели того влияния, которое было у воинов более старого Сибирского драгунского полка.

По данным И. Крафта, Я. Павлуцкий написал губернатору В.А. Мятлеву, якобы Крафт в 1753 г. перевел Сибирский гарнизонный драгунский полк не в удобное осеннее время и с «великим отягощением». Крафт отмечал, что этот перевод полка был «учинен» по указу Военной коллегии, которым пехотные армейские полки Нашебургский и Ширванский надо было «немедленно вывести» к Казани. На смену Ширванскому армейскому полку, находившемуся на Иртышской линии, с Новой линии был отправлен Луцкий драгунский полк. Луцкий полк получил приказ заступить крепости и форпосты от Омской до Ямышевской крепости. Сибирский полк был передвинут для защиты линии от Ямышевской до Усть-Каменогорской крепости. И. Крафт писал, что если бы по рассуждению Павлуцкого, Луцкий полк был направлен с Новой линии на Иртышскую линию в Ямышевскую и Усть-Каменогорскую крепость, то полку пришлось бы пройти примерно

1,5 тыс. верст. В результате Луцкому полку пришлось бы прийти в «крайнее людям и лошадям отягощение» и Ширванский полк не успели бы сменить на линии. По данным И. Крафта, перевод полка на Иртышскую линию происходил в сентябре и октябре 1753 г. [РГВИА. Ф.20. Оп. 1/47. Д. 486. Л. 6].

Бригадир Яков Павлуцкий в письме губернатору В.А. Мятлеву писал о заслугах и деятельности Сибирского полка в 1735 – 1742 гг. во время борьбы с башкирским восстанием и «других дальних походах партиях и сражениях». Бригадир И. Крафт довольно скептически относился к военной службе Сибирского гарнизонного полка в крае, отмечая, что армейские полки, состоявшие под его командой, участвовали также или «уповаю и более» в военных походах, о которых он не стал упоминать, чтобы «напрасно утруждать» губернатора [РГВИА. Ф.20. Оп. 1/47. Д. 486. Л. 7].

В 1755 г. и армейские драгунские полки и Сибирский драгунский полк и Новоучрежденный драгунский полк все исполняли разъезды и партии на линии и казенные работы «и всем единая трудность, а не одному Сибирскому полку» [РГВИА. Ф.20. Оп. 1/47. Д. 486. Л. 7]. И. Крафт отмечал, что до 1753 г. провиант из Тобольска в Иртышские крепости примерно за 2 тыс. верст 7 лет возили солдаты Ширванского и Нашебургского полка. Часть провианта привозилась для Сибирского гарнизонного полка. Позднее из Вологодского и Олонецкого драгунских армейских полков была отправлена команда в 200 чел. с провиантом из Тобольска на р. Иртыш.

Я. Павлуцкий ранее писал губернатору, что армейские драгунские полки с прибытия в Сибирь в 1745 г. до 1754 г. «состояли в покое по дистриктам». Крафт сообщал, что по определению генерал-майора Киндермана летом 1745 г. оные Вологодский и Олонецкий драгунские полки были отправлены в поход на Иртышскую линию до Железинской крепости, и оставили на линии команду и затем следовали обратно на винтер-квартиры. Позднее из этих полков назначались команды для содержания Тарской, Ишимской и Тобольной линий. В 1752 – 1755 г. армейские драгунские полки были направлены на строение и содержание Новой Ишимской линии, команды драгун строили крепости и редуты и проводили ежедневные разъезды и часто посылались для высылки киргиз-кайсаков с российской стороны. Кроме того драгуны перевозили от одной крепости к другой на расстояние 50 – 70 верст провиант и фураж, полученное жалование из Тобольска и других мест на расстояние 500 верст и более. Луцкий драгунский полк получал жалование из городов Тары и Тобольска, который находился в 1,5 тыс. верстах от Ямышевской крепости «от чего люди и лошади немалой труд несут». Крафт отмечал, что от таких «частых разъездов» и посылок в дальние места драгунские лошади пришли в такую худобу, которую «поправить невозможно». На лошадей драгунских полков выдавался провиант только в зимние месяцы с 16 апреля по 16 октября по 1 гарнцу овса в сутки. По Но-

вой Ишимской линии, строительство которой не было окончено, многие драгуны должны были и в зимнее время жить в землянках. Крафт отмечал, что на Иртышской линии, крепости которой были давно построены, таких работ и трудностей не имелось, летом драгуны «довольное пропитание имеют» на р. Иртыш от рыбной ловли. Крафт отмечал, что на Новой линии, кроме одной крепости на р. Ишим, «других угодий и к ловле рыбы мест весьма мало».

Я. Павлуцкий писал губернатору, что армейские драгунские полки получают жалование более, чем гарнизонные «и людьми и лошадьми исправнее». Павлуцкий предложил губернатору В. А. Мятлеву Олонецкий полк с Новой Ишимской линии перевести на Иртышскую линию от Ямышевской до Усть-Каменогорской крепости, а Сибирский полк на Новую Ишимскую линию по Тобольской дистанции и прибавить городских и крепостных казаков около Кургана [РГВИА. Ф.20. Оп. 1/47. Д. 486. Л. 7 – 9].

Павлуцкий отмечал, что в драгунах Сибирского полка служат многие, которые знают татарский язык, в отличие от драгун армейских полков. Крафт писал, что Сибирский полк давно служит на рубежах Сибири, бывал в походах против башкир и киргизов и следственно киргизскому языку многие драгуны знают [РГВИА. Ф.20. Оп. 1/47. Д. 486. Л. 15].

Я. Павлуцкий предложил отправить на Иртышскую линию Новоучрежденный драгунский полк, который 11 лет служил на Кузнецкой и Колыванской линиях и на смену ему послать казаков из городов Сибири [РГВИА. Ф.20. Оп. 1/47. Д. 486 Л. 15].

По данным И. Крафта, Луцкий драгунский полк на Иртышской линии прошлой зимой «более Сибирского гарнизонного употреблялся к высылке киргиз-кайсаков с земель на линии и в другие команды» [РГВИА. Ф.20. Оп. 1/47. Д. 486. Л. 9]. Служба на Новой Ишимской линии требовала не менее осторожности, чем на Иртышской линии. По Иртышской линии «более в зимнее время» киргиз-кайсаки кочевали, ведя скот, с которым переправлялись через р. Иртыш. Летом казахи «завсегда кочевье свое имеют в дальнем от той линии разстоянии», и не пытались пересечь р. Иртыш «или другое что вредное учинить» [РГВИА. Ф.20. Оп. 1/47. Д. 486. Л. 8].

Бригадир И. Крафт отмечал в рапорте генерал-лейтенанту В.А. Мятлеву, что ранее уже писал в представлениях императрице Елизавете Петровне, какая на линиях Сибири после вывода из края пехотных армейских полков имеется «нужда и надобность в людях», «особливо» по Новой Ишимской линии, на которой было положено для содержания 3642 чел., а имелось всего 1348 чел. рядовых, и 200 казаков Тары, всего 1548 чел. [РГВИА. Ф.20. Оп. 1/47. Д. 486. Л. 9].

Военных сил в Сибири было недостаточно для защиты территорий военных линий края. После окончания Семилетней войны в Сибирь прави-

тельство Российской империи направило новые драгунские полки, и организовало формирование в крае сибирских полков.

Библиографический список:

1. ГАОО (Государственный архив Омской области).
2. Потанин Г.Н. Материалы для истории Сибири / собр. – М.: Имп. О-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1867. 324 с.
3. Пузанов В.Д. Русская армия в Сибири в 30 – 50 годы XVIII в. // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2021. № 3. С. 84-95.
4. Пузанов В.Д. Восточная политика Петра I и Джунгарское ханство // Петр Великий: исследования и открытия к 350-летию со дня рождения: материалы Международной научной конференции значение преобразований Петра в новой и новейшей истории России. – Москва, 17–19 мая 2022 г. С. 526-536.
5. Пузанов В.Д. Западная Сибирь и кочевники в XVII – начале XVIII вв. // Вопросы истории. Научный журнал. 2023. № 11 (2) С. 4-21.
6. РГАДА (Российский государственный архив древних актов).
7. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив).
8. Сенатский архив. Протоколы Правительствующего сената 1750, 1751 и 1752 гг. – СПб.: Сенат. тип., 1897. Т. 8. 746 с.

Reference

1. State Archives of Omsk Region.
2. Potanin G.N. Materials for the history of Siberia / coll. – M.: Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University, 1867. 324 p.
3. Puzanov V.D. Russian army in Siberia in the 30-50s of the 18th century // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2021. № 3. P. 84-95.
4. Puzanov V.D. The Eastern policy of Peter I and the Dzungar Khanate // Peter the Great: research and discoveries for the 350th anniversary of his birth: materials of the International scientific conference the significance of Peter's reforms in the modern and contemporary history of Russia. – Moscow, May 17-19, 2022. P. 526-536.
5. Puzanov V.D. Western Siberia and nomads in the 17th – early 18th centuries // Questions of history. Scientific journal. 2023. № 11 (2) P. 4-21.
6. Russian State Archive of Ancient Acts.
7. Russian State Military Historical Archive.
8. Senate archive. Protocols of the Governing Senate of 1750, 1751 and 1752. – St. Petersburg: Senate. type., 1897. Vol. 8. 746 p.

Рыжаков Д.Г.

Кандидат исторических наук, доцент. Нижегородский государственный технический университет имени Р.Е. Алексеева.

Средняк К.В.

Кандидат исторических наук, доцент. Нижегородский государственный технический университет имени Р.Е. Алексеева.

Зайцева Е.А.

Кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой. Нижегородский государственный технический университет имени Р.Е. Алексеева.

Государственные и политические преступления в дореволюционной России: к вопросу о понятиях (по материалам российской историографии конца XIX – начала XXI вв.)*

Аннотация. В предлагаемой статье показаны различия в историографической трактовке государственных и политических преступлений. Методология статьи основана на хронологическом исследовании соответствующих законодательных и мемуарных источников, а также специальной литературы, посвященной истории государственных преступлений. Делается вывод о необходимости дальнейшего исследования и возможности использования опыта прошлого в дальнейшей разработке судебно-правовых норм.

Ключевые слова: государственные преступления, политические преступления, историография, Российская империя, история России.

Ryzhakov D. G.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Novgorod State Technical University name after R.E. Alekseev.

Srednyak K. V.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Novgorod State Technical University name after R.E. Alekseev.

---

* © Рыжаков Д.Г., Средняк К.В., Зайцева Е.А., 2024.

Zaitseva E.A.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor. Head of the Department of Public Relations, Marketing and Communication, Novgorod State Technical University name after R.E. Alekseev.

**State and political crimes in pre-revolutionary Russia:
on the issue of concepts
(according to the materials of the Russian
historiography of late 19th - early 21th centuries)**

Abstract. The proposed article illustrates the differences in historiographical interpretations of the state and political crimes. The methodology of the article is based on a chronological study of relevant legislative and memoir sources, as well as specialized literature dedicated to the history of the state crimes. It concludes with the need for the further research and the using of the past experience to develop legal norms.

Key words: state crimes, political crimes, historiography, Russian Empire, history of Russia.

Функционирование правоохранительной системы дореволюционной России тесно связано с такими понятиями, как «государственное преступление» и «политическое преступление». Для любого государства вопросы эффективности борьбы с государственными преступлениями чрезвычайно важны, поэтому данной теме посвящено большое число работ, как ученых прошлого, так и наших современников.

В качестве пояснения следует указать, что данная статья представляет собой своеобразное продолжение исследования, опубликованного на страницах журнала «Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского» [1]. Уже в процессе работы над ним стала очевидной исключительная обширность и многоаспектность поднятой проблематики.

Знакомство с новой научной литературой, в которой предложенные нами положения нашли подтверждения своей актуальности, выявило необходимость обращения к рассмотрению целого ряда новых сюжетов.

По укоренившейся в современной историографии традиции, государственными преступлениями признаются деяния, направленные против существующего общественного и политического строя, а также безопасности государства [2, с. 116].

Существуют различные точки зрения на то, когда в отечественном

юридическом обычае для обозначения тяжких и особо тяжких преступлений против власти стали использоваться производные от монаршего титула, то есть появился термин «государственное преступление». Ч. Рууд [3, с. 10 – 11], Т.Л. Матиенко [4, с. 17], Д.М. Богданова [2, с. 117], Д.С. Смирнов [5, с. 364] указывают на Псковскую судную грамоту и судебники Ивана III и Ивана IV. Ф.М. Лурье [6, с. 16] и К.П. Краковский [7, с. 28] отсылают нас к Соборному уложению 1649 г. Нам ближе подход Е.В. Анисимова. Отмечая, что в научной литературе нет единого толкования статей и терминов законодательных памятников, в которых речь идет о государственных преступлениях, историк проводит четкую взаимосвязь между Судебниками и Соборным уложением [8, с. 14].

Традиционно Соборное уложение считается знаковым этапом в борьбе с государственными преступлениями. Здесь впервые в русском законодательстве вместо отдельных статей появляется специальная глава, посвященная интересующей нас теме. Среди прочего перечислялись: умысел против жизни и здоровья царя, всевозможная измена монарху, а также заговор против государства, попытка захвата престола. К этой же категории преступлений относились переход на сторону врага во время ведения боевых действий, и даже ошибка в титуловании царя. [9, с. 56-61]. Виновные или замышлявшие упомянутые преступления карались смертной казнью и конфискацией имущества [10, с. 71].

«Государево слово и дело» – такое наименование носили государственные преступления. Здесь следует указать на мнение Т.В. Черниковой, которая справедливо отмечала, что государственные преступления могли содержать в себе не только явную, но и чаще мнимую опасность для власти [11, с. 11]. Уложение предписывало доносить властям о политических преступлениях, причем доносить должны были и крепостные крестьяне, которые не имели права жаловаться на своих владельцев [10, с. 71]. Показательно отсутствие вознаграждения для изветчиков (доносчиков). По мысли уже упомянутой Т.В. Черниковой, отсутствие награды объяснялось широким распространением ложных доносов [11, с. 13]. В современных исследованиях государственные преступления эпохи Соборного уложения рассматривались как насильственные и идеологические устремления, направленные в первую очередь против государственной власти и территории страны. При этом подчеркивалась важнейшая роль государя при разрешении таких дел [8, с. 15; 12, с. 7]. Однако нельзя говорить о России времен Алексея Михайловича как о «полицейском государстве», поскольку до Петра I риторика полицейского государства в России в явном виде не просматривается [13, с. 51]. Соборное уложение требовало равенства для всех перед судом [14, р. 3].

Законодательство о политических преступлениях петровской эпохи

можно считать развитием правовых традиций, установленных в царствование Алексея Михайловича. Например, был расширен список государственных преступлений, куда вошло «оскорбление царя словом» [7, с. 28]. Абсолютная монархия, установленная Петром I, развивалась под воздействием доктрины «полицейского государства», которая, как убедительно было показано Н.П. Ерошкиным, проникла на все этажи бюрократического аппарата в виде полицейской регламентации. Именно с этим бюрократическим явлением историк связывал ужесточение наказаний [15, с. 80]. Прослеживается усиление регулирующей роли государства в общественной жизни, что способствовало тотальному надзору государства за жизнью подданных, а также росту числа преступлений, наказуемых смертной казнью [15, с. 80]. Полицейский контроль понимался как система отношений, в которой культ государственной власти был доведен до абсолюта [16, с. 352].

С течением времени в уголовном законе появилось разъяснение понятия «государственные преступления». Причиной этого стала систематизация законодательства, проведенная Николаем I. Финалом масштабных усилий стало появление Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в 1845 г. Указанный документ – своеобразная эволюция Свода законов Российской империи, отдельный том которого посвящен уголовному законодательству. В частности, в нем говорится о государственных преступлениях, занимающих важное место в российском законодательстве того времени [17, с. 160-161]. Исследователи подчеркивают более современные формулировки Уложения о наказаниях, – по сравнению с архаичным языком Свода законов, а также его совершенную систематизацию [18, с. 55; 19, с. 60]. Таким образом, можно говорить о четком разграничении государственных и общеуголовных преступлений [20, с. 241-261].

Любопытно, что Уголовное уложение 1903 г., заменившее собой Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, не содержало на своих страницах самого понятия «государственное преступление». Поэтому совершенно правомерен вопрос, заданный В.Б. Романовской: что можно считать государственными преступлениями в России начала XX века? [21, с. 183]. Составители Уголовного уложения выделили три категории государственных преступлений: посягательства на внутреннее политическое устройство государства, его территориальную целостность и носителей государственной власти.

Отсутствие термина «государственное преступление» в уголовном законодательстве начала XX в. создает простор в определении границ данного вида деяний. В юридической литературе стремительно стало набирать популярность словосочетание «политическое преступление». На недостаточную изученность этого явления обратил внимание ещё Ч. Ломброзо [22, с. 29]. Уже в XIX в., в традиции отечественного научного знания, полити-

ческая преступность понималась как совокупность различных противоправных деяний, нацеленных против главы государства, общественного спокойствия, государственной безопасности [23, с. 74; 24, с. 381-396]. Трактовалась политическая преступность и более широко: как комплекс уголовно-наказуемых деяний, совершаемых против политических прав личности [25, с. 59-60] или по политическим мотивам [26, с. 163; 27, с. 42]. Необычное видение проблемы принадлежит К. Каутскому, который относил к политической преступности деяния, не угрожающие государству и обществу, но бесосновательно запрещенные властями под страхом уголовного преследования. В качестве примера можно указать на чтение политической литературы [28, с. 7]. Позднее К. Каутский в категорию политических преступлений включил и оппозиционную политическую деятельность, без всякого компонента общественной опасности [29, с. 47; 30, с. 196].

В начале XX в. начался процесс переоценки данного понятия. Политические преступления стали пониматься как особого рода негативные социально-правовые явления, обусловленные самим ходом истории [31, с. 3690]. Существовали и нестандартные трактовки политической преступности. Скажем, П.Н. Малянтович использовал выражение «политические и общественные преступления», при этом комментируя законодательство о преступлениях государственных [32, с. 136].

Советская наука с легкой руки Н.А. Троицкого рассматривала политические преступления в тесной связи с судебными процессами по делам революционных организаций [33, с. 6; 34, с. 109-126]. В своей фундаментальной монографии «Адвокатура в России и политические процессы 1866 – 1904 гг.», ставшей библиографической редкостью, ученый расширил перечень политических преступлений и причислил к ним такие, в которых отсутствуют прямые посягательства на государственный строй, но есть сопротивление властям или требования изменить законодательство [35, с. 22-23].

Изучение работ наших современников заставляет усомниться в самой целесообразности использования понятия «политическое преступление». В.В. Лунев указал, что в уголовном законодательстве прошлого и настоящего не было и нет понятия «политическая преступность»: его правовое закрепление было бы равносильно политическому разоблачению [36, с. 107-108]. Исследователь обратил особое внимание на то, что политическое преступление – это деяние, основанием для криминализации которого служит политический мотив совершения, а противоправность и общественная опасность не являются обязательными признаками деяния [36, с. 107-108]. По мнению Ф.Л. Севастьянова, криминализуется именно мотив, следовательно, политизация происходит явочным порядком, по соображениям текущего момента, никак не формализуясь в законодательстве. Поэтому трудно дать

четкое определение понятию «политическое преступление». «Таким образом, – резюмирует ученый, – понятие «политическое преступление», при всей традиционности его употребления в научной литературе, может явиться слабым местом научных исследований по истории прокуратуры, политического сыска, правоохранительных органов, ибо его квалификационные признаки размыты и неопределенны» [37, с. 30-32]. Следовательно, споры на страницах специализированных изданий периодически возобновляются [38, с. 109-113; 39, с. 338-347]. Мы же вполне согласимся с утверждением К.П. Краковского, который рассматривал политические преступления как дальнейшее развитие такого многогранного явления, как «государственные преступления» [7, с. 28]. При этом очевидно, что государственные преступления более подробно определены в научной литературе.

Мы можем только сожалеть, что значительное количество источников не сохранились до наших дней. Необходимость дальнейшего исследования интересующей нас темы обусловлена публикацией новых материалов и научной актуальностью темы.

Помимо сугубо теоретического познания, необходимо сказать и о возможности конкретного применения исследований по истории государственных и политических преступлений. Речь идет о дальнейшей разработке и совершенствовании судебно-правовых норм, предназначенных для борьбы с экстремизмом, терроризмом и нелегальной миграцией. В рамках изучаемой темы представляется перспективным исследование «разъяснений» правительствующего Сената, а также различного рода «дополнений» и комментариев к законам, публикуемых как отдельными изданиями, так и в периодической печати XIX – начала XX вв. («Правительственный вестник», «Журнал министерства юстиции»).

Библиографический список:

1. Рыжаков Д.Г. Верны закону и государю: некоторые аспекты деятельности прокуратуры при расследовании государственных преступлений в России второй половины XIX – начала XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 5. С. 198-204.
2. Богданова Д.М. Государственные преступления: историко-правовой аспект / Д.М. Богданова // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. Вып. 5. С. 116-121.
3. Рууд Ч. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. – М.: Мысль, 1993. 432 с.
4. Матиенко Т.Л. Российский сыск в IX – первой половине XIX века. Генезис и становление: монография. – М.: Юнити-Дана, 2010. 191 с.
5. Смирнов Д.С. Розыскной процесс: особенности уголовного судопроизводства по государственным преступлениям в Российской империи в начале XX века // Образование и право. 2022. № 8. С. 364-369.
6. Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. 1649 – 1917. – М.: Терра, 1998. 352 с.
7. Краковский К.П. Государственные и политические преступления (к вопросу о понятиях) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. № 1. С. 27-33.
8. Анисимов Е.В. Держава и топор: царская власть, политический сыск и русское общество в XVIII веке: монография. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. 424 с.
9. Тальберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. – М.: Тип. Императорского Московского университета, 1912. 342 с.
10. Жандармы России / Сост. В.С. Изможик. – СПб.: Издательский Дом «Нева», 2002. 640 с.

11. Черникова Т.В. «Государево слово и дело» во времена первых Романовых // Россия и современный мир. 2021. № 4. С. 6-28.
12. Кошель П.А. История российского сыска. – М.: Молодая гвардия, 2005. 395 с.
13. Коллманн Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. 616 с.
14. Daly J.W. Crime and punishment in Russia: from Peter the Great to Vladimir Putin. New York: Bloomsbury Academic publishing, 2018. 236 p.
15. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России [научно-педагогические труды]. – М.: РГУ, 2008. 710 с.
16. Анисимов Е.В. Время петровских реформ. – Л.: Лениздат, 1989. 496 с.
17. Российское законодательство X – XX века. Т. 6. Законодательство первой половины XIX в. – М.: Юрид. лит., 1988. 432 с.
18. Ефименко П.А. Составы политических преступлений в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Общество и право. 2010. № 4. С. 55-57.
19. Филиппов П.А. Преступления против порядка управления по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных (в редакции 1845 г.) // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2014. № 3. С. 59-73.
20. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных и Устав о наказаниях мировыми судьями налагахых. – М.: Тип. В. Готье, 1872. 451 с.
21. Романовская В.Б. Политические преступления по Уголовному уложению 1903 г. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 3. С. 183-187.
22. Ломброзо Ч. Политическая преступность и революция по отношению к праву, уголовной антропологии и государственной науке. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. 474 с.
23. Есинов Г.В. Люди старого века. Рассказы из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1880. 444 с.
24. Викторский Е.П. История смертной казни в России и современное её состояние. – М.: Тип. Моск. Ун-та, 1912. 406 с.
25. Фейгин Я. Выдача политических преступников // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. № 4. С. 31-76.
26. Никольский Д.П. О выдаче преступников по началам международного права. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1884. 540 с.
27. Эйхельман О. Заметки из лекций по международному праву. – Киев: Тип. В.И. Завадского, 1889. 62 с.
28. Каутский К. Природа политических преступлений. – Киев: Книжный магазин С.И. Иванова и К, 1905. 16 с.
29. Каутский К. Генезис политических преступлений // Проблемы марксизма. Сборник второй: Проблемы преступности / Под ред. В.Я. Розанова. Киев, 1924. С. 43-58.
30. Зорин А.В. Политическая преступность как историко-правовое явление // Общество и право. 2011. № 5. С. 195-202.
31. Маклаков В.А. На кого распространяются изменения 21 октября // Право. 1905. № 45-46.
32. Малиянович Т.Н. Законы о политических и общественных преступлениях. Практический комментарий. – СПб.: Изд. юрид. кн. скл. «Право», 1910. 862 с.
33. Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма 1866-1882 г. – М.: Мысль, 1978. 335 с.
34. Ефремова Н.Н. Министерство юстиции Российской империи 1802-1917 гг. (Историко-правовое исследование). – М.: Наука, 1983. 151 с.
35. Троицкий Н.А. Адвокатура в России и политические процессы 1866-1904 гг. – Тула: Автограф, 2000. 454 с.
36. Лунев В.В. «Политическая преступность» // Государство и право. 1994. № 7. С. 107-121.
37. Севастьянов Ф.Л. Государственная безопасность есть предмет уважительный: Политический розыск и контроль в России от Павла I до Николая I. – СПб.: Крига, Победа, 2016. 552 с.
38. Чиркин В.А. Основные подходы к определению понятия «политические преступления» в истории правовой мысли // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 109-113.
39. Кwon Д.А. Теоретико-методологические подходы к изучению политико-правового феномена «политическая преступность» // Московский экономический журнал. 2019. № 7. С. 338-347.

Reference

1. Ryzhakov D.G. Faithful to the law and the sovereign: some aspects of the prosecutor's office activities in investigating state crimes in Russia in the second half of the 19th - early 20th centuries // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2011. № 5. P. 198-204.
2. Bogdanova D.M. State crimes: historical and legal aspect / D.M. Bogdanova // Skif. Issues of student science. 2022. Issue. 5. P. 116-121.
3. Ruud C. Fontanka, 16: Political investigation under the tsars. – М.: Mysl, 1993. 432 p.

4. Matienko T.L. Russian investigation in the 9th - first half of the 19th century. Genesis and formation: monograph. – M.: Unity-Dana, 2010. 191 p.
5. Smirnov D.S. Investigative process: features of criminal proceedings for state crimes in the Russian Empire at the beginning of the 20th century // Education and law. 2022. № 8. P. 364-369.
6. Lurye F.M. Policemen and provocateurs: Political investigation in Russia. 1649 – 1917. – M.: Terra, 1998. 352 p.
7. Krakovsky K.P. State and political crimes (on the issue of concepts) // North Caucasian legal bulletin. 2009. № 1. P. 27-33.
8. Anisimov E.V. Power and axe: tsarist power, political investigation and Russian society in the 18th century: monograph. – M.: Novoye literaturnoye obozrenie, 2019. 424 p.
9. Talberg G.G. Essays on the political court and political crimes in the Moscow state of the 17th century. – M.: Type. Imperial Moscow University, 1912. 342 p.
10. Gendarmes of Russia / Comp. V.S. Izmozik. – St. Petersburg: Publishing House “Neva”, 2002. 640 p.
11. Chernikova T.V. “The sovereign’s word and deed” during the time of the first Romanovs // Russia and the modern world. 2021. № 4. P. 6-28.
12. Koshel P.A. History of Russian detective work. – M.: Molodaya Gvardiya, 2005. 395 p.
13. Kollmann N.Sh. Crime and punishment in early modern Russia. – M.: Novoye literaturnoye obozrenie, 2016. 616 p.
14. Daly J.W. Crime and punishment in Russia: from Peter the Great to Vladimir Putin. New York: Bloomsbury Academic publishing, 2018. 236 p.
15. Eroshkin N.P. History of state institutions of pre-revolutionary Russia [scientific and pedagogical works]. – M.: RSUH, 2008. 710 p.
16. Anisimov E.V. Time of Peter the Great’s reforms. – L.: Lenizdat, 1989. 496 p.
17. Russian legislation of the 10th – 20th centuries Vol. 6. Legislation of the first half of the 19th century. – M.: Legal lit., 1988. 432 p.
18. Efimenko P.A. The elements of political crimes in the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845 // Society and Law. 2010. № 4. P. 55-57.
19. Filippov P.A. Crimes against the order of administration according to the Code of Criminal and Correctional Punishments (as amended in 1845) // Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. 2014. № 3. P. 59-73.
20. Code of Criminal and Correctional Punishments and the Charter on Punishments Imposed by Justices of the Peace. – M.: Type. V. Gautier, 1872. 451 p.
21. Romanovskaya V.B. Political crimes under the Criminal Code of 1903 // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2007. № 3. P. 183-187.
22. Lombroso C. Political crime and revolution in relation to law, criminal anthropology and state science. – St. Petersburg: Publishing house “Legal center Press”, 2003. 474 p.
23. Esipov G.V. People of the old century. Stories from the files of the Preobrazhensky order and the Secret Chancellery. – St. Petersburg: Type. A.S. Suvorin, 1880. 444 p.
24. Viktorsky E.P. History of the death penalty in Russia and its current state. – Moscow: Type. Mosk. University, 1912. 406 p.
25. Feigin Ya. Extradition of political criminals // Journal of civil and criminal law. 1884. № 4. P. 31-76.
26. Nikolsky D.P. On the extradition of criminals according to the principles of international law. – St. Petersburg: Type. M.M. Stasyulevich, 1884. 540 p.
27. Eikhelman O. Notes from lectures on international law. – Kyiv: Type. V.I. Zavadsky, 1889. 62 p.
28. Kautsky K. The nature of political crimes. – Kyiv: Bookstore S.I. Ivanov and K, 1905. 16 p.
29. Kautsky K. Genesis of political crimes // Problems of Marxism. Second collection: Problems of crime / Ed. V.Ya. Rozanova. Kyiv, 1924. P. 43-58.
30. Zorin A.V. Political crime as a historical and legal phenomenon // Society and Law. 2011. № 5. P. 195-202.
31. Maklavov V.A. To whom do the amendments of October 21 apply // Pravo. 1905. № 45-46.
32. Malyantovich T.N. Laws on political and social crimes. Practical commentary. – St. Petersburg: Publ. legal book collection “Pravo”, 1910. 862 p.
33. Troitsky N.A. Madness of the brave. Russian revolutionaries and the punitive policy of tsarism 1866-1882 – Moscow: Mysl, 1978. 335 p.
34. Efreanova N.N. Ministry of Justice of the Russian Empire 1802-1917 (Historical and legal study). – Moscow: Nauka, 1983. 151 p.
35. Troitsky N.A. The Bar in Russia and Political Trials in 1866-1904. – Tula: Avtograf, 2000. 454 p.
36. Lunev V.V. “Political Crime” // State and Law. 1994. № 7. P. 107-121.
37. Sevastyanov F.L. State Security is a Respectful Subject: Political Investigation and Control in Russia from Paul I to Nicholas I. – St. Petersburg: Kriga, Pobeda, 2016. 552 p.
38. Chirkin V.A. Basic Approaches to Defining the Concept of “Political Crimes” in the History of Legal Thought // Legal Policy and Legal Life. 2019. № 2. P. 109-113.
39. Kwon D.A. Theoretical and methodological approaches to the study of the political and legal phenomenon of “political crime” // Moscow Economic Journal. 2019. № 7. P. 338-347.

Хэ И

Магистр. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Политическая жизнь России в эпоху культурного кризиса (конец XIX – начало XX века)*

Аннотация. В данной статье поднимается вопрос влияния культурного кризиса, охватившего Россию в конце XIX и начале XX столетия, на политические события этого времени, закончившиеся первой русской революцией 1905-1907 годов. Автор статьи рассматривает предпосылки активизации революционного движения в начале XX века, соотношение политических сил в России того времени и роль творческой интеллигенции в процессе революционной борьбы. В статье делается вывод, что политические процессы, происходящие в российском обществе того периода, есть результат воздействия кризиса культуры, что стало мощным катализатором подъема революционного движения.

Ключевые слова: культура, кризис культуры, творческая интеллигенция, революционное движение, рабочий класс, крестьянство.

He Yi

Master. Lomonosov Moscow State University.

Political life of Russia in the epoch of cultural crisis (late 19th - early 20th century)

Abstract. This article raises the question of the influence of the cultural crisis that engulfed Russia in the late XIX and early XX century on the political events of that time, which ended with the first Russian revolution of 1905-1907. The author of the article considers the prerequisites for the activation of the revolutionary movement in the early twentieth century, the balance of political forces in Russia at that time and the role of the creative intelligentsia in the process of revolutionary struggle. The article concludes that the political processes taking place in the Russian society of that period are the result of the impact of the crisis of culture, which became a powerful catalyst for the rise of the revolutionary movement.

Key words: culture, crisis of culture, creative intelligentsia, revolutionary movement, working class, peasantry.

В конце XIX - начале XX столетия и Европа, и Россия переживали серьезные кризисы, связанные с крушением прежних идеалов. В воздухе витало ощущение грядущего разрушения сложившегося к этому времени социального и политического порядка. Несмотря на колоссальный прогресс в науке, стремительное увеличение темпов промышленного производства, в области культурной жизни на фоне ее «интенсивного брожения», произошла существенная трансформация, отмеченная, прежде всего, переоценкой духовно-нравственных ценностей [2, с. 166].

Рубеж XIX и XX веков принято считать периодом удивительно динамичного развития русской культуры, переживавшей процесс возрождения. Обилие талантов, функционирование различных художественных течений и направлений, разнообразие жанров и стилей способствовали тому, чтобы стать неотъемлемой частью изменений в политической и социальной сферах. Но на деле данная ситуация оказалось не такой однозначной.

Эта эпоха, характеризующаяся творческим подъемом представителей русской культуры, истоки которого коренятся в их поисках смысла жизни, в их религиозных стремлениях, метаниях души, в то же время наполнена драматизмом ожидания надвигающейся катастрофы, ощущением неизбежности начала конца, предчувствием грядущего апокалипсиса. Апокалиптические настроения пронизывают насквозь всю культуру того времени. «Пророчества» поэтов, художников, мыслителей направлены на то, что старая, императорская Россия вскоре перестанет существовать [3, с. 259].

В атмосфере надвигающейся революционной угрозы было ясно, что русское общество нуждается, в первую очередь, «в моральной революции, в новом развитии нравственного сознания народа». Рассуждения о «бесмысленности цепи насилий», которые не могут изменить внешние условия бытия, привели к мысли о «необходимости мирного пути реформации государства, в основе которого должна лежать идея «духовного объединения нации» [2].

Владимир Соловьев, родоначальник «русского религиозно-философского ренессанса», утверждал, что мир есть единство Истины, Добра и Красоты, но при этом он не застыл в своем развитии, а активно и динамично развивается. Но идея всеединства, или мировой гармонии, требует «справедливого» подхода к разного рода проектам «светской» власти, которая, по мысли философа, должна идти бок о бок с властью религиозной. Однако, «голос» В. Соловьева, как и голос его последователей (Н. Бердяева, С. Булгакова, Г. Флоровского и др.) не был услышан, и в России активизировались другие школы и направления, представители которых по-своему понимали идею справедливости и предлагали совсем иной путь развития России.

Начало XX столетия ознаменовалось созданием в угасающей Российской-

ской империи Партии социалистов-революционеров (эсеров). Программа этой организации утверждала, что у России единственно верный путь дальнейшего развития — путь к социализму. «Отмена частной собственности на землю без выкупа, превращение земли в общенародное достояние без права купли-продажи и ее передача в распоряжение центральных и местных органов самоуправления» - вот основные положения программы эсеров, которые не предлагали сильной метод захвата власти, а «исходили из необходимости введения демократической конституции и свобод, созыва Учредительного собрания, которое решит вопрос о форме государственно-го правления и станет высшим законодательным органом страны» [6, с. 13].

На рубеже XIX и XX веков в России, на фоне роста рабочего движения, распространились идеи марксизма, который к началу двадцатого столетия стал модной идеологией.

Первый съезд Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), стоявшей на платформе марксизма, состоялся в 1903 году. Но, спустя пять лет, в 1903 году, в рядах российских марксистов произошел раскол, дав жизнь двум различным и впоследствии далеко разошедшимся течениям — большевистскому, возглавляемому В.И. Лениным, и меньшевистскому, идеология которого запечатлена в трудах Г.В. Плеханова [История политич., с. 820]. В дальнейшем история так повернула, что «русский марксизм в том, что касалось власти, государства, говорил в весьма заметной степени с большевистскими интонациями» [4, с. 820]. Большевистские идеологи, в первую очередь, В.И. Ленин, призывали к свержению самодержавия насильственными методами, рассматривали государство как официальную политико-организационную форму диктатуры пролетариата как господствующего класса, подвергали негативным оценкам буржуазную демократию, считая, что после победы социалистической (пролетарской) революции буржуазия должна исчезнуть как класс.

Таким образом, кризис культуры в России наметил еще одну линию смены ценностей, которая завораживала рабочих и крестьян не пространственными рассуждениями об «истине», а исторической перспективой. Поэтому не удивительно, что революционное мировоззрение, устремленное в будущее и направленное на немедленное переустройство мира, постепенно стали доминировать в системе общественных настроений в России. Несмотря на то, что процесс ломки «старого» строя, по большевистской идеологии, требует насилия, кровопролития и жестокости и, как правило, сопровождается хаосом и разрухой, учение большевиков было принято народными массами.

В обществе, которое формировалось под воздействием новых политических реалий, происходила перемена ценностных ориентаций. Теперь внимание фокусируется не на человеке как личности духовной, а личности

исключительной - личности, ставшей «по ту сторону добра и зла», личности, которой все позволено в силу того, что эта личность теперь работает «на общее благо». Подобная трансформация есть результат воздействия кризиса культуры, деятеля которой, в большинстве своем, были людьми «с двойным дном». Как отмечает И.В. Ильина, «почти каждый поэт или мыслитель России той эпохи был человеком двойственным и состоял в неразрешимом споре с самим собой» [3, с. 263]. Социокультурный плюрализм эпохи, по мысли И.В. Ильиной, и породил «классовые, групповые, этнические, религиозные настроения, которые бродили не только по различным частям населения, но и в душе каждого человека» [3, с. 263], что в итоге вылилось в пропаганду революционных идей, а в дальнейшем — в смену политического строя в России, о чем напоминает нам Н.А. Бердяев, утверждавший, что русская революция стала результатом трагической и непростительной безответственности деятелей культуры [1].

К концу XIX века Россию охватило стачечное движение, в процессе которого сформировалась новая социальная категория населения — промышленный пролетариат, ставший главной движущей силой готовящейся революции. Но если в 1890-е годы стачки носили преимущественно экономический характер, то в начале 1900-х годов рабочие стали выдвигать, наряду с экономическими, еще и политические требования.

На фоне стачечной борьбы начались и крестьянские волнения. К началу XX столетия «российский крестьянин был уже не тот, каким он был до отмены крепостного права. На смену забитому, патриархальному «мужику» пришел крестьянин капиталистической эпохи, побывавший на заработках в городе, много видевший и многому научившийся» [5, с. 519-520]. Конечно, крестьянское движение носило больше аграрный характер, но и оно приобретало статус политической борьбы за свои права.

Однако, политическая активность российского крестьянства, вылившаяся в создание Крестьянского союза, проявилась только во время первой русской Революции 1905-1907 гг. Именно в этот период крестьянство стало союзником пролетариата.

События 9 января 1905 года, когда в Петербурге была расстреляна мирная демонстрация, участники которой выдвигали ряд политических требований (амнистию политическим заключенным, свободу слова, печати, собраний, равенство всех перед законом, отмену выкупных платежей крестьян за землю и ее передачу. во всенародное пользование, отделение церкви от государства и др.), вызвавшая бурю возмущения по всей стране, изменили характер революционного движения, которое стало более организованным. Этот день расправы над безоружными людьми, вошедший в историю как «Кровавое воскресенье», стал началом первой русской революции.

В мае 1905 года в Москве, не без помощи эсеров, состоялся Крестьянский съезд, на котором был создан Крестьянский союз Московской губернии. Позже аналогичные союзы стали появляться и в других российских регионах. Спустя несколько месяцев в Москве нелегально прошел первый (Учредительный) съезд Всероссийского крестьянского союза.

С точки зрения российских историков, «возникновение Крестьянского союза связано с деятельностью различных политических сил (как проправительственных, так и оппозиционных), стремившихся установить контроль над крестьянством ради достижения своих целей», а не является результатом «самодеятельности крестьянства», как и «инициативой либеральной российской интеллигенции» [9, с. 152].

Подписание 17 октября 1905 года императором Николаем II Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка», удовлетворившем требования, которые были выдвинуты митингующими январской демонстрации, привело к легализации деятельности политических партий и началу построения в стране института конституционной монархии.

По своему характеру революция 1905-1907 гг. была буржуазно-демократической. Основной ее целью было свержение самодержавия и установление демократической республики. Но в процессе этой революции огромную роль играл аграрно-крестьянский вопрос, ставший центром программ всех политических партий России, поскольку крестьянство составляло основную массу ее населения. Кроме крестьян, в революционный лагерь входил рабочий класс и мелкая буржуазия города и деревни. По другую сторону баррикад находились помещики и представители крупной буржуазии, отстаивавшие интересы самодержавной монархии, а также чиновники высших рангов и правящие круги Русской Православной Церкви. Третья политическая сила, принимавшая участие в политической жизни того времени, была представлена либерально-оппозиционным лагерем, в который входили средняя буржуазия и буржуазная интеллигенция, выступающая за преобразование страны мирными средствами, главным образом методами парламентской борьбы [5, с. 526]. Следует отметить, что позиция этого «крыла» первой русской революции была весьма противоречивой. Претендуя на политическую власть в стране, представители либеральной оппозиции «были тесным образом связаны с государственно-самодержавным аппаратом, с дворянско-помещичьими кругами, что не могло сделать их главной движущей силой революции, тем более ее лидером» [8, с. 23]. Таким образом, основными силами российской буржуазной революции становятся пролетариат и крестьянство, которые составили костяк революционного движения 1905-1907 годов.

Массовые крестьянские восстания, забастовочное движение охватили всю страну, стоящую на пороге того самого апокалипсиса, который

предрекали представители культуры. К слову сказать, культурный лагерь ко времени начала первой революции раскололся, вызвав жесточайшие споры. Одни представители культурной интеллигенции восторженно восприняли начавшуюся в России революцию, другие выступали на стороне оппозиционных сил. Были и те, которые примкнули к либерально-оппозиционному лагерю. Однако в целом, участие творческих личностей в «революционном апокалипсисе», как верно назвал политическую ситуацию в России поэт М. Волошин, было второплановым, поскольку массовые формы борьбы (такие как забастовка, бунты, вооруженные восстания) были чужды «работникам пера и кисти». Как верно подметил А.Н. Кураев, представитель творческой интеллигенции в лучшем случае «может включиться в революционное движение (не переставая при этом быть в нем инородным телом), в качестве руководителя, пропагандиста информатора, организатора, идеолога и т. п.» [7, с. 153]. И здесь получается парадоксальная ситуация, поскольку единства революционных идеологов в рядах творческой интеллигенции не наблюдается, что приводит к существенным разногласиям, которые и обостряют все стадии революционной борьбы.

Первая русская революция, продолжавшаяся два года, претерпела поражение. Но, опустившись на Россию «тенью Люциферова крыла» (А. Блок), она заставила идеологов задуматься о политических преобразованиях российского общества. Но, к сожалению, выводы сделаны не были, и Россия через десять лет спустилась в «бездну Апокалипсиса», подведя черту под многовековой историей русской и российской монархии.

Библиографический список:

1. Бердяев Н.А. Самопознание. – М.: Эксмо, 2021. 544 с.
2. Гривенная Е.Н. Социокультурная ситуация в России на рубеже XIX – XX веков // Общество и право. 2005. № 3 (9). С. 166-171.
3. Ильина И.В. Симптомы культурного кризиса в России конца XIX — начала XX веков // Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования: международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана. – Екатеринбург: УрФУ, 2014. С. 259-267.
4. История политических и правовых учений / Под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2004. 944 с.
5. История России XIX - начала XX в. / Под ред. В.А. Федорова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000. 752 с.
6. Краева Т.В., Литвинец Е.Ю. Общественно-политическая мысль России XIX – начала XX вв. – Екатеринбург: Издательский отдел УГЛТУ, 2009. 16 с.
7. Кураев А.Н. Интеллигенция в период первой русской революции. По страницам энциклопедии «Россия в 1905-1907 годах // Интеллигенция и мир. 1917. С. 151-158.
8. Поломошнов А.Ф., Абрамова И.Е. и др. Отечественная история: XX век. Курс лекций. – Ростов-на-Дону: Донской государственный университет, 2015. 269 с.
9. Чувардин Г.С., Иванов В.Г. и др. Политическая активность населения России в первой трети XX в. на примере движения за создание Крестьянского союза // Управление. 2023. Т. 11. № 4. С. 149-156.
10. Рябова Е.Л. К вопросу о единстве образования и воспитания: институциональный дискурс // Казачество. 2023. № 66 (1). С. 11-18.
11. Рябова Е.Л. К юбилею известного ученого, преподавателя Надежды Ултургашевой // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 6 (168). С. 57-61.
12. Щупленков Н.О., Рябова Е.Л. Роль фактора времени в политической культуре // Культура Мира. 2022. Т. 10. № 26 (1). С. 75-86.

13. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геопсихология и геополитика цветных линий // Казачество. 2022. № 59 (2). С. 9-18.
14. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Чумаки и казаки: опыт сравнительного исследования // Казачество. 2022. № 62 (5). С. 42-50.
15. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экономическое, политическое и кросс-культурное значение отелей // Альманах Крым. 2022. № 31. С. 61-72.
16. Рябова Е.И., Рябова Е.Л. Дихотомия культуры: конфликт ценностей экологии и экономики // Альманах Крым. 2022. № 32. С. 11-19.
17. Кантаева О.В., Рябова Е.Л. Региональные аспекты реализации государственных инициатив по стимулированию активного долголетия и физической активности пожилых граждан // Альманах Крым. 2022. № 32. С. 42-51.
18. Бирюков С.В., Рябова Е.Л. Феномен лидерства в контексте современных кризисов и вызовов // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 1 (151). С. 9-19.
19. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Эволюция дипломатического подарка как индикатор изменений в международных отношениях // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 6 (156). С. 45-54.
20. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. 80-лет парад на красной площади: историко-культурный и геополитический смыслы парадов // Казачество. 2021. № 57 (7). С. 9-18.
21. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитические смыслы закрытых границ: размышления в связи с карантинном // Альманах Крым. 2020. № 20. С. 11-22.
22. Рыбаков С.В., Рябова Е.Л. К вопросу об инновационном компоненте молодежной политике в Российской Федерации // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 11 (137). С. 44.
23. Сулейманова Ш.С., Рябова Е.Л. Интернет-коммуникации - современный инструмент диалога // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 3 (129). С. 9-25.
24. Рябова Е.Л. Международный круглый стол на тему "Внешняя политика России в условиях обострения международной обстановки" // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 5 (167). С. 52-55.
25. Сулейманова Ш.С., Рябова Е.Л. Интернет-коммуникации - современный инструмент диалога // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 3 (129). С. 9-25.
26. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Православные основы самоидентификации российского казачества: история и современность // Казачество. 2019. № 38 (2). С. 35-44.
27. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Связь времен и смыслов: священные деревья // Миссия конфессий. 2019. Том 8. Часть 2 (№37). С. 133-142.
28. Байханов И.Б. Молодежь в цифровом мире: самооценка сформированности цифровых компетенций абитуриентов московских вузов // Миссия конфессий, 2021. Т. 10. № 6 (55). С. 615-623.
29. Байханов И.Б. Государственная политика как фактор развития национальной образовательной системы: базовые аспекты // Этносоциум и межнациональная культура, 2020. № 1 (139). С. 69-76.
30. Байханов И.Б. Формирование цифровых компетенций в условиях трансформации образовательных систем // Миссия конфессий, 2021. Т. 10. № 7 (56). С. 705-712.
31. Байханов И.Б. Геополитическая культура: как корабль ты назовешь // Миссия конфессий. 2021. Т. 10. № 5 (54). С. 519-524.
32. Байханов И.Б. Интернет, выборы и формирование электоральной культуры // Этносоциум и межнациональная культура, 2013. № 5 (59). С. 101-107.
33. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Роль некоммерческих организаций в укреплении здравоохранения и обеспечении доступности медицинской помощи // Культура Мира. 2024. Т. 12. № 37 (2). С. 14-23.

Reference

1. Berdyayev N.A. Self-knowledge. – М.: Eksmo, 2021. 544 p.
2. Grivennaya E.N. Sociocultural situation in Russia at the turn of the XIX - XX centuries // Society and Law. 2005. № 3 (9). P. 166-171.
3. Ilyina I.V. Symptoms of the cultural crisis in Russia in the late XIX - early XX centuries // Culture, personality, society in the modern world: Methodology, experience of empirical research: international conference in memory of professor L.N. Kogan. – Ekaterinburg: UrFU, 2014. P. 259-267.
4. History of political and legal doctrines / Ed. V.S. Nersesyants. – М.: Norma, 2004. 944 p.
5. History of Russia in the 19th - early 20th centuries / Ed. by V.A. Fedorov. – М.: ZERTSALO Publishing House, 2000. 752 p.
6. Kraeva T.V., Litvinets E. Yu. Socio-political thought of Russia in the 19th - early 20th centuries. – Ekaterinburg: Publishing department of USFTU, 2009. 16 p.
7. Kurav A.N. Intelligentsia during the first Russian revolution. From the pages of the encyclopedia "Russia in 1905-1907 // Intelligentsia and the world. 1917. P. 151-158.
8. Polomoshnov A.F., Abramova I.E. et al. Domestic history: 20th century. Lecture course. – Rostov-on-Don: Don

State University, 2015. 269 p.

9. Chuvardin G.S., Ivanov V.G. et al. Political activity of the population of Russia in the first third of the 20th century on the example of the movement for the creation of the Peasant Union // *Management*. 2023. Vol. 11. № 4. P. 149-156.
10. Ryabova E.L. On the issue of the unity of education and upbringing: institutional discourse // *Cossacks*. 2023. № 66 (1). P. 11-18.
11. Ryabova E.L. On the anniversary of the famous scientist, teacher Nadezhda Ulturgasheva // *Ethnosociety and interethnic culture*. 2022. № 6 (168). P. 57-61.
12. Shchuplenkov N.O., Ryabova E.L. The role of the time factor in political culture // *Culture of the World*. 2022. Vol. 10. № 26 (1). P. 75-86.
13. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopsychology and geopolitics of color lines // *Cossacks*. 2022. № 59 (2). P. 9-18.
14. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Chumaks and Cossacks: an experience of comparative research // *Cossacks*. 2022. № 62 (5). P. 42-50.
15. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Economic, political and cross-cultural significance of hotels // *Almanac Crimea*. 2022. № 31. P. 61-72.
16. Ryabova E.L., Ryabova E.L. Dichotomy of culture: conflict of values of ecology and economics // *Almanac Crimea*. 2022. № 32. P. 11-19.
17. Kantaeva O.V., Ryabova E.L. Regional aspects of the implementation of state initiatives to stimulate active longevity and physical activity of older citizens // *Almanac Crimea*. 2022. № 32. P. 42-51.
18. Biryukov S.V., Ryabova E.L. The Phenomenon of Leadership in the Context of Modern Crises and Challenges // *Ethnosociety and Interethnic Culture*. 2021. № 1 (151). P. 9-19.
19. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Evolution of the Diplomatic Gift as an Indicator of Changes in International Relations // *Ethnosociety and Interethnic Culture*. 2021. № 6 (156). P. 45-54.
20. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. 80 years of the parade on Red Square: historical, cultural and geopolitical meanings of parades // *Cossacks*. 2021. № 57 (7). P. 9-18.
21. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitical meanings of closed borders: reflections in connection with quarantine // *Almanac Crimea*. 2020. № 20. P. 11-22.
22. Rybakov S.V., Ryabova E.L. On the issue of the innovative component of youth policy in the Russian Federation // *Ethnosociety and interethnic culture*. 2019. № 11 (137). P. 44.
23. Suleimanova Sh.S., Ryabova E.L. Internet communications - a modern tool for dialogue // *Ethnosociety and interethnic culture*. 2019. № 3 (129). P. 9-25.
24. Ryabova E.L. International round table on the topic "Russia's foreign policy in the context of an aggravated international situation" // *Ethnosociety and interethnic culture*. 2022. № 5 (167). P. 52-55.
25. Suleimanova Sh.S., Ryabova E.L. Internet communications - a modern tool for dialogue // *Ethnosociety and interethnic culture*. 2019. № 3 (129). P. 9-25.
26. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Orthodox foundations of self-identification of Russian Cossacks: history and modernity // *Cossacks*. 2019. № 38 (2). P. 35-44.
27. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Connection of Times and Meanings: Sacred Trees // *Mission of Confessions*. 2019. Vol. 8. Part 2 (№ 37). P. 133-142.
28. Bayhanov I.B. Young People in the Digital World: Self-Assessment of the Formation of Digital Competencies of Applicants to Moscow Universities // *Mission of Confessions*, 2021. Vol. 10. № 6 (55). P. 615-623.
29. Bayhanov I.B. State Policy as a Factor in the Development of the National Educational System: Basic Aspects // *Ethnosociety and Interethnic Culture*, 2020. № 1 (139). P. 69-76.
30. Baykhanov I.B. Formation of digital competencies in the context of transformation of educational systems // *Mission of confessions*, 2021. Vol. 10. № 7 (56). P. 705-712.
31. Baykhanov I.B. Geopolitical culture: as you name the ship // *Mission of confessions*. 2021. Vol. 10. № 5 (54). P. 519-524.
32. Baykhanov I.B. Internet, elections and formation of electoral culture // *Ethnosociety and interethnic culture*, 2013. № 5 (59). P. 101-107.
33. Ryabova E.L., Chapkin N.S. The role of non-profit organizations in strengthening health care and ensuring access to medical care // *Cultural World*. 2024. Vol. 12. № 37 (2). P. 14-23.

Берестенникова Е.А.

Кандидат исторических наук, доцент. Дальневосточный государственный медицинский университет, г. Хабаровск.

**Кооперативное развитие
в Дальневосточной Республике (1920-1922 гг.)**

Аннотация. Реализация кооперативной модели в годы Гражданской войны и интервенции на российском Дальнем Востоке являлось показателем универсальности данной формы деятельности социальной направленности в сложный исторический период. В соответствии с буферными законами кооперативные организации в республике создавались и действовали в условиях образованной экономической модели ДВР, базирующейся на многоукладности экономики, а также включающий несколько форм собственности - государственную, частную и кооперативную. В Дальневосточной республике была создана особая экономическая модель, которая включала следующие элементы: государственная собственность на землю, недра, леса, воды; многообразие форм собственности - государственная, кооперативная, частная; многоукладность экономики; свобода производителей, предпринимательства и торговли; хозяйственная самостоятельность местных административных единиц. Кооперация, как важный компонент экономической жизни буферного государства, выполняла важную роль в основных направлениях экономической политики ДВР: сбор государственного налога потребительскими организациями, участие в мероприятиях по преодолению продовольственного кризиса. Такая картина сложилась в 1920-1922 гг., где кооперативные общества выполняли особую роль в развитии экономической жизни региона. В статье представлена характеристика основных направлений деятельности кооперации в Дальневосточной Республике.

Ключевые слова: кооперация, потребительские общества, промысловая кооперация, кредитная кооперация, сельскохозяйственная кооперация, кооперативная система, кооперативная модель.

Berestennikova E.A.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Far Eastern State Medical University, Khabarovsk.

**Cooperative development
in the Far Eastern Republic (1920-1922)**

Abstract. The implementation of the cooperative model during the Civil War and the intervention in the Russian Far East was an indicator of the universality of this form of social activity in a difficult historical period. In accordance with the buffer laws, cooperative organizations in the republic were created and operated under the conditions of an educated economic model of the DDA, based on a multicultural economy, as well as including several forms of ownership - public, private and cooperative. A special economic model was created in the Far Eastern Republic, which included the following elements: state ownership of land, subsoil, forests, and waters; a variety of forms of ownership - state, cooperative, and private; a multicultural economy; freedom of producers, entrepreneurship, and trade; and economic independence of local administrative units. Cooperation, as an important component of the economic life of the buffer state, played an important role in the main directions of the economic policy of the DDA: collection of state tax by consumer organizations, participation in measures to overcome the food crisis. Such a picture developed in 1920-1922, where cooperative societies played a special role in the development of the economic life of the region. The article presents the characteristics of the main areas of cooperation in the Far Eastern Republic.

Key words: cooperation, consumer societies, commercial cooperation, credit cooperation, agricultural cooperation, cooperative system, cooperative model.

На фоне политических преобразований, связанных с образованием буферной республики в 1920 г., заметно изменилась структура экономики Дальнего Востока. Гражданская война оказала разрушительное воздействие на те формы хозяйствования, которые занимали важное место в экономической жизни дальневосточной окраины России в довоенный период. Образование ДВР рассматривалось в качестве политического компромисса между РСФСР и странами Запада, в связи с чем в этот период России открывались возможности установления дипломатических, экономических и культурных связей с капиталистическими государствами. На конференции представителей областей региона, проходившей осенью 1920 г. в Чите, было законодательно оформлено объединение Забайкалья и Дальнего Востока в единую Дальневосточную республику, с образованием которой областные правительства самоликвидировались (в Западном Забайкалье - Временное Верхнеудинское земское правительство, в Амурской области - Советы, в Приморье - Временное правительство Приморской Земской управы).

Весной 1921 г. в Чите Учредительное собрание Дальнего Востока, избранное населением на всеобщих равных, прямых выборах, приняло Конституцию ДВР, которую в современной юридической литературе называют одной из самых демократических в Азиатско-Тихоокеанском регионе [6, с. 25]. В Основном Законе буферного государства получили правовое оформление принципы новой экономической политики, обозначающие свободу предпринимательства, торговли, внешнеэконо-

мической деятельности, введение подоходнопоимущественного налога, привлечение через аренду и концессии иностранного капитала, а также многообразие форм собственности - государственной, частной и кооперативной [7, с. 135]. После объединения областей вокруг Правительства ДВР (ноябрь 1920 г. - апрель 1921 г. руководством республики была инициирована активно развернувшаяся работа по вовлечению кооперации в государственную продовольственную систему распределения. Советский образец такой программы был представлен в 1919 г. в проекте Ленина постановления СПК о кооперации [5, с. 469].

После принятия Конституции ДВР 1921 г., предоставившей свободу развития новым экономическим отношениям все большее значение приобретало использование органами власти Советской России в качестве средства кооперативного аппарата для установления контроля над экономикой в буферной республике. В «Общих положениях» Основного Закона в разделе I было зафиксировано, что «Дальневосточная Республика управляется на точном основании законов, одинаково обязательных для всех без исключения учреждений, должностных лиц и граждан Республики, а равно пребывающих на ее территории граждан других государств» [1, с. 1]. Экономическая система ДВР включала институт частной собственности, при этом всем гражданам и частным обществам гарантировалась неприкосновенность их движимого и недвижимого имущества [1, с. 19]. В разделе «Основы народно-хозяйственного строя» отмечалось, что «порядок пользования распоряжения землею, ее недрами, лесами, водами и их богатствами определяется особым законом». Предоставление земель, имеющих сельскохозяйственное значение в пользование трудящимся производилось по нормам, устанавливаемым земельными органами местных областных самоуправлений при этом в зависимости от желания самого населения форма землепользования могла быть коллективной, групповой и единоличной [1, с. 18]. Согласно Основному Закону ДВР следовало, что право аренды и концессий «...при соискательстве частных лиц и общественных организаций», преимущество отдавалось общественным организациям [1, с. 19]. В Конституции подчеркивалось, что «...государство поощряет все виды коллективного и общественного хозяйства» [1, с. 20]. Таким образом, деятельность потребительских обществ регламентировалась статьей 148 Конституции ДВР, подтверждающей заинтересованность законодателя в формировании коллективных форм ведения хозяйства, одной из которых являлась кооперативная.

Кооперативное законодательство Дальневосточной республики установило обязательную форму строительства обществ - интегрирование, т.е. объединение нескольких видов кооперативов под руководством одного центра, к концу 1922 г. такое организационное построение кооперативной

системы было обязательным. Объединение кооперативных обществ проходило во всех областях, за исключением отрезанного от ДВР Приморья. Вокруг потребительских обществ на началах полного слияния формировались кредитные товарищества и маслодельные артели Забайкалья. Так, за указанный период интегрированных кооперативов в Забайкальской области имелось - 20, в Амурской - около 10, в Приамурье - 6 [3, Л. - 25]. Объединенные кооперативы существовали на уставе кооперативного товарищества, выполнявшего различные функции: потребительские, кредитные, сбыто-снабженческие.

На дальневосточной конференции РКП(б), проходившей в ноябре 1920 г. коммунисты ДВР констатировали невозможность в формирующемся буферном государстве в указанный период проведение социализации хозяйств из-за открывшихся экономических условий, развивавших рынок и предоставляющих свободу частной собственности в Советской России [3, Л. 3]. Вышеуказанные решения оказали влияние на кооперативную политику буферного государства, ориентировавшегося на сохранение общего руководства экономической жизнью республики с предоставлением свободы промышленной и торговой деятельности кооперации и частным предпринимателям [4, с. 456]. Политический и экономический курс ДВР проводился в связи с возникновением «близкого соседства ... капиталистических государств и экономической слабости самой республики, сложности буферной обстановки в условиях вооруженной и экономической интервенции и невозможности получить Советской России экономической поддержки для развития производительных сил края» [3, Л. 3].

Обсуждение ориентиров экономической политики ДВР проводилось на ноябрьской Дальневосточной конференции в 1920 г., где прозвучал доклад члена правительства ДВР П.М. Никифорова «Об экономической политике, о положении и ближайших задачах в продовольствии и кооперации». В докладе были выделены задачи экономического курса в Дальневосточной республике, а также было указано на необходимость передачи государственных предприятий частным предпринимателям на арендных началах, ведущих «к свободе распоряжения продуктами сельского хозяйства» [3, Л. 3]. В сфере регулирования экономической жизнью буфера государство оставляло за собой «...лишь ту часть хозяйственного производства, которую оно могло осуществить имеющимися у него средствами», а вся «остальная часть экономического хозяйства в формах добывающей и обрабатывающей промышленности и торговли была предоставлена кооперации, артелям и частным предпринимателям на началах договорных отношений между государством и предпринимателями» [3, Л. 3-4].

Руководство ДВР ставило перед кооперацией задачи: поднятие совместными усилиями производительности народного хозяйства, содей-

ствии переустройству жизни на общественно-трудовых началах, а также «...привлечение в свою среду всего трудового населения» [2, с. 412-413]. В буферном государстве функционировали такие виды кооперации как: промысловая, заготовительная, кредитная и сельскохозяйственная. Одной из сфер деятельности кооперативных товариществ являлось выполнение заданий правительственных продовольственных организаций в области снабжения населения, при этом потребительские общества должны были руководствоваться соответствующими планами и нормами, установленными подлежащими органами власти [2, с. 413]. Коммунистическая партия контролировала органы местного самоуправления и регулировала деятельность кооперации, при этом членам партии вменялось в обязанность: помощь организации, развитие и изучение возможностей новых кустарных производств, устранение препятствий, мешающих формированию частной инициативы в пределах договорных отношений.

Рассматривая основные задачи, которые были поставлены перед кооперацией государственными и партийными органами, следует выделить особенности организации кооперативной формы ведения хозяйства в Дальневосточной республике. Согласно «Положению о кооперативных организациях на территории Дальневосточной Республики» кооперативным товариществом являлся самоуправляющийся, с неограниченным составом союз лиц, объединившихся для совместной хозяйственной деятельности. Цель такого союза заключалась в «...всестороннем удовлетворении нужд и потребностей своих членов, в улучшении их экономического положения и поднятие их культурного уровня» [2, с. 412-413], кроме того кооперативные товарищества могли выпускать периодические и другие издания, производить различные обследования, основывать лечебные и культурно-просветительные учреждения для обслуживания нужд товарищества, его членов и населения.

По закону Дальневосточной республики не разрешалось вступать в членство товарищества не только лицам, занимающимся перепродажей товаров с целью извлечения прибыли, также добывающим средства к жизни с помощью эксплуатации чужого труда, но и лицам, состоящим членами другого однородного кооперативного товарищества. Не имели права на участие в кооперативной организации граждане, совершившие преступления и осужденные судом на все время, указанное в приговоре [2, с. 413].

Деятельность потребительских организаций осуществлялась в соответствии с правилами, действующими в буфере. В Дальневосточной республике каждое общество, внесенное в реестр кооперативных организаций, признавалось юридическим лицом. Товарищество имело право в соответствии с законом приобретать и отчуждать права по имуществу, а также заключать договоры [2, с. 413-414, 421]. Закон Дальневосточной республики раз-

решал кооперативным обществам устраивать для заготовки, производства, доставки, хранения и распределения собственные предприятия: фабрики, заводы, склады, магазины, а также приобретать движимые и недвижимые имущества [2, с. 413].

Все кооперативные организации: товарищества, Союзы и прочие кооперативные объединения, получали права юридических лиц только после их регистрации, дело о котором назначалось к слушанию в Съезде Народных Судей [2, с. 421-422]. Если вопрос о регистрации общества решался положительно, то такое определение заносилось в реестр кооперативных товариществ и их Союзов, а также публиковалось в правительственной газете. В соответствии с Положением о кооперативных организациях деятельность товарищества прекращалась по постановлению Общего Собрания или Собрания Уполномоченных, содержание которого доводилось до сведения областного органа власти по делам кооперации и в Областной Союз кооперативов [2, с. 417-418]. Решения этого собрания фиксировались в специальном протоколе с приложением отчета ликвидационной комиссии [2, с. 418]. Государство регламентировало функционирование товарищества в рамках Союза в качестве элемента строящейся кооперативной системы. Потребительское общество, которое образовывалось на территории Дальневосточной республики, было обязано стать членом Союза Кооперативных Товариществ и выполнять обязательства в соответствии с его Уставом и постановлениями органов Управления кооперативных объединений. Если по постановлению Съезда Уполномоченных деятельность общества принимало не кооперативное направление, то оно могло быть исключено из состава Союза [2, с. 419].

Союз обладал правом представлять интересы кооперируемого населения и товариществ и вступал от их имени в договорные отношения с различными учреждениями и организациями. Отметим, что именно Союзу принадлежала прерогатива созыва кооперативных съездов, а также проведения ревизии входящих в его состав кооперативных товариществ [2, с. 418-419]. Характерным элементом проводимой кооперативной политики на территории буферного государства являлось то, что регламентация деятельности Союза кооперативных товариществ осуществлялась правительством, под контролем которого на основании соответствующих договоров осуществлялись мероприятия в области заготовок, сбора сырья и продуктов промышленного производства [2, с. 418-419].

Дальневосточные съезды кооперативных организаций собирались для выяснения и обсуждения всех вопросов, касающихся кооперативных организаций на территории ДВР, а также для разработки и проведения мер, имеющих целью развитие и направление их деятельности. Каждое кооперативное товарищество посылало на Съезд определенное число уполномо-

ченных, закрепленное уставом Союза, пропорционально количеству членов товарищества. Такой представитель кооперативного общества пользовался на Съезде правом одного голоса, который не мог быть никому передан. После проведенной регистрации устава кооперативные Съезды, также как товарищества и Союзы, признавались юридическими лицами, вследствие этого по закону Дальневосточной республики они обладали следующими правами: представлять через выборных лиц или Совет интересы кооперативных организаций перед правительственными и общественными учреждениями, а также изыскивать способы к устранению, посредством третейского разбирательства, споров между кооперативными организациями [2, с. 424]. Согласно установленным правилам, Съезды уполномоченных от дальневосточной кооперации могли открывать кооперативные институты, книжные склады, библиотеки, издавать книги, а также собирать статистические сведения.

В соответствии с буферными законами кооперативные организации в республике создавались и действовали в условиях образованной экономической модели ДВР, базирующейся на многоукладности экономики, а также включающий несколько форм собственности - государственную, частную и кооперативную.

Выделим характерные особенности деятельности кооперативов на фоне складывающейся экономической обстановки в буферном государстве. Ситуация складывалась следующим образом: потребительские общества функционировали в условиях отсутствия собственных оборотных капиталов, а также ограничения торгового и вексельного кредита со стороны. Вместе с тем, кооперативные организации вынуждены были преодолевать трудности, связанные с потерей средств из-за меняющегося курса денег, а также слабого притока средств от населения в виде авансов и паевых вкладов [3, Л. 26]. Работа потребительских организаций велась исключительно на товарные кредиты союза и частных фирм, вследствие слабого поступления новых средств от членов - пайщиков. Заметим, что с июня 1921 года собственные балансы кооперативов, функционирование которых происходило на территории Дальневосточной республики, находились в своей значительной части в неподвижном состоянии, что выражалось в скоплении неходового товара и медленном развитии торговых операций. При наличии малых твердых оборотных средств, а также низкой покупательной способности населения, деятельность сельской потребительской кооперации проходила медленно.

Характеризуя кооперацию как важный компонент экономической жизни буферного государства, определим её роль в основных направлениях экономической политики ДВР. Так определенное место кооперативные организации занимали в налоговой кампании за период 1921-1922 гг. Уч-

редительное собрание ДВР в апреле 1921 г. приняло решение о проведении государственного прогрессивного подоходно-поимущественного налога со всех видов доходов в порядке статьи 43 Конституции ДВР. В соответствии с Основным Законом республики главный государственный доход состоял из: прогрессивно-подоходного и поимущественного налога, налога на обращение, т. е. налогов на наследство, на незаслуженный прирост ценностей, а также на дарение и прочих доходов с государственных предприятий и монополий [1, с. 20]. Фискальные сборы осуществлялись областными управлениями, а общее наблюдение и контроль за их деятельностью осуществлялись министерством финансов по управлению налогов и сборов [3, Л. 28]. Для проведения государственной налоговой кампании на Дальнем Востоке по губерниям были задействованы в 1921-1922 годах следующие структуры: губернские бюро РКП(б), рабоче-крестьянский союз молодежи, армия, профсоюзы и кооперация.

Важным шагом в преодолении кризиса, возникшего в 1921 г. на потребительском рынке в Дальневосточном регионе, являлось привлечение к сбору государственного налога потребительских организаций, в связи с чем областным управлением был заключен специальный договор с кооперацией, от которой специально командировался инструктор для участия в мероприятиях налоговых органов [3, Л. 26]. Вместе с тем, выполняя одну из особых задач участия в фискальных сборах, кооперативные общества, в том числе облагались налогом. Отметим, что к доходу от сельского хозяйства присоединялись получения от других отраслей хозяйства, а также побочных доходов, имеющих денежную ценность» [3, Л. 27]. По закону на территории ДВР предусматривалось взимание подоходно-поимущественного налога со всех физических и юридических лиц, занимавшихся сельским хозяйством, в развитии которого участие кооперации очевидно [3, Л. 27]. В отчете Приамурского губернского комитета РКП(б) по сбору государственного налога за 1922 год отмечалось, что местные кооперативы в своем большинстве охотно приняли участие в кампании по сбору налога.

В указанный период коммунистами были проведены меры в экономической сфере, направленные на регулирование торговли крестьянской продукцией.

Владивостокский комитет РКП(б) в августе 1920 г. обратился к кооперативным организациям и русским торговцам с целью проведения ими торговых операций в ответ на объявленный бойкот русским денежным знакам со стороны японских торговцев, подрывавших проводимую правительством денежную реформу [3, Л. 52]. По мнению члена правительства ДВР П.М. Никифорова, выступившего на партийной конференции (27 ноября 1920 г.), на фоне тяжелого экономического положения республики заработная плата временно должна была носить натуральный характер.

Не получив ожидаемого результата от проводимых мероприятий по преодолению продовольственного кризиса в период Гражданской войны и интервенции в условиях не сформировавшейся единой денежной системы руководство ДВР возлагало выполнение функций товарообмена на кооперативные организации.

В условиях развития свободных торговых отношений особое место занимала кооперация, привлекаемая властью для преодоления экономического кризиса в Дальневосточной республике. Формирование буферного государственного образования на Дальнем Востоке связывалось руководителями Советской России с надеждами прорыва экономической блокады и выхода на зарубежные рынки [4, с. 450]. В период Гражданской войны и интервенции органы советской власти пытались полностью подчинить торговую деятельность кооперации как внутри страны, так и за ее пределами.

Период 1920-1922 гг. - является временем стремительного сокращения количества кооперативных организаций. К середине 1922 г. на всем Дальнем Востоке насчитывалось функционирующих 313 кооперативов, вместо существовавших 1529 [3, Л. 22], т. е. сохранилась только одна пятая часть от общего количества потребительских организаций. Причина сложившейся ситуации заключалась в трудностях экономической адаптации потребительских организаций к переходу с бумажного буферного обращения к валютному. Финансовый кризис, обострившийся в 1920-1922 гг. в результате обесценения бумажного денежного знака, а также неоднократная девальвация, - способствовали ликвидации мелких первичных кооперативных организаций. К периоду присоединения ДВР к РСФСР в регионе осталось только 21,6 % кооперативных организаций относительно 1920 г.: в Забайкальской области продолжали развивать деятельность только 28 %; в Прибайкальской - 27,2 %; Амурской - 18,4 %; в Приамурской - 21,4 %; в Приморской - 13 %; в низовьях Амура - 12 % [3, Л. 22]. В Приморье до октября 1922 г. - периода окончания интервенции, сеть действующих кооперативов значительно сократилась: на 1 января 1922 г. насчитывалось 50 потребительских организаций, в середине 1922 г. - 40 [3, Л. 23].

Общая картина, характеризующая изменение численности в кооперативной сети, дополняется информацией, показывающей состояние кооперативных союзов ДВР, в которых за 1920-1922 гг. резко уменьшилось количество потребительских организаций. Согласно архивным данным за указанный период союзы, организующие свою работу на территории буферного государства, потеряли более 50% кооперативов, входивших в их состав. В Забайкальском союзе число потребительских обществ сократилось с 408 (в 1920 г.) до 120 (в 1922 г.); Прибайкальский союз потерял за это время 202 кооператива; Амурский - 307; Приамурский - 114; Усть-

Амурский - 52; Приморский - 265. Несколько иначе выглядела ситуация в Амурской области, где в 1922 г. было сформировано Кооперативное бюро, насчитывающее в это время всего 30 обществ. Вместе с тем, считаем, что, несмотря на резкое сокращение численного состава потребительских организаций, деятельность кооперативного сектора в регионе на завершающем этапе Гражданской войны не была ликвидирована. Одной из особых задач экономической политики Дальневосточной республики являлось создание и обеспечение эффективной работы механизма экономической модели буфера, которая включала следующие элементы: государственная собственность на землю, недра, леса, воды; многообразие форм собственности - государственная, кооперативная, частная; многоукладность экономики; свобода производителей, предпринимательства и торговли; хозяйственная самостоятельность местных административных единиц [4, с. 397]. Нам представляется более рациональной точка зрения о том, что на фоне развивающейся экономической системы буферного государства, отличающейся принципиально от провозглашенных организационных основ в РСФСР, - формировалась особая кооперативная модель в условиях многоукладной экономики. Кооперация продолжала работу благодаря произведенной государственной регламентации потребительских организаций, в результате была сформирована кооперативная модель в условиях многоукладной экономики ДВР.

Библиографический список:

1. Конституция Дальневосточной Республики. – Хабаровск, 1921.
2. Дальневосточная республика. Положение о кооперативных организациях на территориях Дальневосточной Республики. 1921. Ст. 164 // Собрание узаконений и распоряжений Правительства ДВР. 1921. № 8 (14).
3. ГАКХ. Ф. 44. Оп. 1. – Д. 616.
4. История Дальнего Востока России. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны / Б.И. Мухачев и др./ Т. 3, кн. 1. – Владивосток: Дальнаука, 2003.
5. Ленин, В.И. Проект постановления СНК о кооперации // Полн. Собр. Соч. – Т. 37.
6. Сонин В.В. Великий Октябрь и становление советской государственности на Дальнем Востоке (1917-1922). – Владивосток, 1987.
7. Ципкин Ю.Н. Дальневосточная республика: опыт демократической альтернативы // Из истории гражданской войны на дальнем Востоке (1918-1922). – Хабаровск, 1999.

Reference

1. Constitution of the Far Eastern Republic. – Khabarovsk, 1921.
2. Far Eastern Republic. Regulation on cooperative organizations in the territories of the Far Eastern Republic. 1921. Art. 164 // Collection of laws and orders of the Government of the Far Eastern Republic. 1921. № 8 (14).
3. GAKH. F. 44. Op. 1. – D. 616.
4. History of the Russian Far East. The Russian Far East during the revolutions of 1917 and the civil war / B.I. Mukhachev et al. / V. 3, book 1. – Vladivostok: Dalnauka, 2003.
5. Lenin, V.I. Draft resolution of the Council of People's Commissars on cooperation // Complete. Collected Works. – Vol. 37.
6. Sonin V.V. The Great October and the Formation of Soviet Statehood in the Far East (1917-1922). – Vladivostok, 1987.
7. Tsipkin Yu.N. Far Eastern Republic: Experience of a Democratic Alternative // From the History of the Civil War in the Far East (1918-1922). – Khabarovsk, 1999.

Дудько А.Д.

Кандидат исторических наук, доцент. Гродненский государственный университет имени Я. Купалы.

**Зарубежная историография
общественно-политического развития западной
беларуси в составе Польши (1921-1939 гг.):
научно-культурные и университетские центры
зарубежного белорусоведения***

Аннотация. В статье рассматриваются место, удельный вес и степень разработанности вопроса общественно-политического развития Западной Беларуси в составе Польши (1921-1939) в белорусоведческих исследованиях научно-культурных институций Великобритании, ФРГ и Франции вт. пол. XX – нач. XXI вв. Определены факторы, оказавшие влияние на формирование традиций исторического западноевропейского белорусоведения. Обозначены ведущие научные институции и исследователи, в творческом наследии которых проблематика заняла определенное место.

Ключевые слова: историография, Западная Беларусь, зарубежное белорусоведение, центры западноевропейского белорусоведения, белорусская диаспора, ученые-слависты.

Dudzko A.D.

Candidate of History, Associate Professor, Yanka Kupala Grodno State University.

**Foreign historiography of the issue of western
Belarus development within poland (1921-1939):
scientific, cultural and university centres
of foreign belarusian studies**

Abstract. The article examines the place, relative importance and the degree to which the history of socio-political life of Western Belarus within Poland (1921-1939) in the Belarusian studies of the scientific and cultural institutions in Great Britain, Germany and France in the sec. half of the XX - early XXI cen. is developed. The article identifies the factors that influenced the formation of the traditions of Belarusian studies in Western Europe. The leading scientific institutions and researchers, in the creative heritage of

---

* © Дудько А.Д., 2024.

which the problem has been given a certain prominence, have been outlined.

Key words: historiography, Western Belarus, foreign Belarusian studies, centres of Western European Belarusian studies, Belarusian diaspora, Slavic scholars.

Введение. С 1990-х гг. белорусскими историками издано большое количество фундаментальных работ по отечественной истории («История белорусской государственности», «Рижский мир в судьбе белорусского народа» и др.), однако даже в таких авторитетных академических изданиях практически отсутствует аналитический обзор западной историографии белорусского исторического прошлого. Имеющиеся незакрытые сюжетно-тематические лакуны свидетельствуют о том, что историческое зарубежное белорусоведение остается малоизученным направлением в современной историографии. В западноевропейских странах интерес к историческому прошлому и культуре Беларуси был связан с событиями, которые имели место в 1945–2020 гг. и получили широкий резонанс в мировом сообществе: социополитический контекст эпохи, связанный с итогами Второй мировой войны и ролью в послевоенных событиях БССР как участницы учреждения ООН; распад СССР и европейской системы социализма на рубеже 1980–1990-х гг.; образование независимой Республики Беларусь; формирование советологических традиций изучения западноевропейским сообществом истории и культуры восточных славян; становление диаспор в послевоенный период и активизация их влияния на рост интереса западноевропейского научного мира к белорусской проблематике, создание первых культурно-просветительских и научных центров на территории Европы; становление славяноведения как отдельной области гуманитарного знания в университетских центрах Западной Европы и формирование белорусоведческого направления в рамках славистических исследований в академической среде на уровне научно-просветительских центров [6, с. 93].

До конца 80-х гг. XX в. интерес к нашей стране в Западной Европе проявлялся чаще всего как к составной части политически и экономически мощных многонациональных государств (ВКЛ, Речь Посполитая, Российская империя, СССР). Вопросы истории и культуры Беларуси изучались отдельными учеными, связанных с работой центров исследования восточнославянской истории и культуры. Внимание зарубежных исследователей в неодинаковой степени уделялось и определенным явлениям белорусской истории. Преимущественный интерес был связан с теми событиями, в которых история западноевропейских стран «резонировала» в белорусском историко-культурном контексте [6]. Среди тематических доминант выступали: этногенез славян, история ВКЛ и Речи Посполитой, Первая и Вторая

мировая войны; история Западной Беларуси в составе Польши являлась среди них «слабым звеном». Изучение историографических источников по истории послевоенного зарубежного белорусоведения позволяет судить о том, что этот вектор не реализовался в качестве приоритетов в научном осмыслении белорусского прошлого. В связи с этим в рамках статьи представляется актуальным рассмотрение причин, по которым проблема оказалась на периферии научных интересов западноевропейских исследователей-гуманитариев; контекстов, в которых она рассматривалась; факторов, оказавших влияние на оценку данных исторических событий в западном белорусоведении вт. пол. XX – нач. XXI вв.

Основная часть. Многие белорусоведы, оказавшиеся в эмиграции в Западной Европе в 1930-х – 1940-х гг., представители белорусских диаспор Западной Европы вт. пол. XX в., были уроженцами Западной Беларуси, для которых приоритетным являлось сохранение национально-культурной идентичности в инокультурной среде через формирование исследовательской традиции исторической памяти своего этноса. Соответственно, историко-культурологическая проблематика и проблематика, связанная с политической историей Беларуси и судьбой ее государственности, была в поле их исследовательских интересов. Авторы анализировали сложный период отечественной истории, когда западная часть белорусского этноса подвергалась жесткой ассимиляции со стороны польского государства в 1921–1939 гг. Многие из исследователей принимали непосредственное участие в национально-освободительном движении Западной Беларуси, либо были выпускниками белорусских гимназий (Ч. Сипович, А. Надсон, Л. Горошко и др.). Их работы не всегда представляли комплексный анализ событий; они часто носили оценочный характер, для глубины научных исследований им не хватало анализа отечественных источников, недоступных по идеологическим причинам. Тем не менее, их исследования создали особый пласт источниковой базы для разработки истории Западной Беларуси межвоенного периода [1].

В целях популяризации белорусского историко-культурного наследия представители белорусской эмиграции создали ряд научно-просветительских центров и привлекли к их деятельности собственно западноевропейских ученых. Одним из них стала Белорусская библиотека и музей имени Франциска Скорины в Великобритании (1971 г.). В Библиотеке имеются многочисленные исторические издания 1920–1930-х гг. периода польской оккупации Западной Беларуси после Рижского договора 1921 г. – работы И. Антонова «Успаміны аб польскай акупацыі Горадзеншчыны ў 1919–1921 гг. (1921 г.)», А. Цвикевича «Адраджэньне Беларусі і Польшчы» (Берлин, 1921 г.) [7, с. 55–57]. В библиотеке создан центр библиографической информации о Беларуси: базы данных о белорусике в Британском

университете, Институте славянских исследований и Школе восточноевропейских языков в Париже, библиотеках Европы. Активность научной составляющей деятельности библиотеки в 60-е гг. XX – начале XXI вв. во многом поддерживалась благодаря представителям научной университетской элиты Лондона, часть из которых состояла в Англо-белорусском обществе (создано в 1954 г.). На начальном этапе оно ограничивалось лишь представительской деятельностью, однако в 1960-х гг., когда к его работе подключились британские ученые, заинтересованные в белорусоведческих исследованиях, задачи общества приобрели научно-просветительский характер [2, с. 466–482].

Сюжетным планом тема общественно-политической жизни Западной Беларуси в составе Польши (1921–1939 гг.) раскрывается в русле белорусоведческих исследований, предпринятых активными представителями Англо-белорусского общества. Так, в монографии А. Макмиллина «Гісторыя беларускай літаратуры ад яе вытокаў да сённяшніх дзён» (1977), в одном из ее разделов «От революции до войны» (литературные группы и организации, советская поэзия, поэзия Западной Белоруссии) [3, с. 94], представлен широкий обзор белорусской литературы данного периода в западном зарубежном белорусоведении в рамках основательного исторического контекста. В антологии белорусской поэзии В. Рич «Как вода, как огонь: Антология белорусской поэзии с 1828 года до наших дней» [3, с. 87] прослеживается развитие белорусской поэзии с начала XIX в. до периода после «оттепели», раскрываются основные этапы эволюции, одним из них выступает Западная Белоруссия (1921–1939). Вопрос влияния исторического периода вхождения Западной Беларуси в состав Польши фрагментарно представлен в книге известного англо-французского исследователя белорусской церковной музыки, Гая Пикарды «Царкоўная музыка на Беларусі 989 – 1995» [3, с. 136], в которой эволюция музыкальных стилей в Беларуси с X и до XX в. рассматривается в их зависимости от общественно-политических и межконфессиональных отношений.

Изучение источников позволяет сделать вывод о том, что основная исследовательская работа в Великобритании в области изучения Беларуси, ее культуры и исторического прошлого велась и до сих пор чаще всего ведется в контексте славянского мира Восточной Европы, с конца 60-х гг. XX в., концентрируясь в университетских славистических исследовательских центрах Англии и Шотландии. Среди них ведущее место принадлежит Школе славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета. К историко-белорусоведческой проблематике интерес проявляли Р. Баттервик-Павликовски, Э. Уилсон), Дж. Дингли, А. Макмиллин) [8]. Из историков старшего поколения институции, в работах которого отражаются отдельные аспекты западнобелорусского прошлого, стоит отме-

тить Н. Дэйвиса. В книгах по истории Польши и Восточной Европы он выступал с позиций традиций советологии и польского «взгляда» на историю взаимоотношений России и СССР с Польшей [9]. В целом, в исторической британской полонистике оценки и характеристики истории Беларуси шли второстепенным планом.

Одним из центров изучения восточнославянского мира является Центр российских и восточноевропейских исследований университета Бирмингема, исследовательская программа которого включает изучение советской, российской, украинской и центральноевропейской политики. Белорусская проблематика, в частности, история периода нахождения Западной Беларуси под властью Польши, рассматривается в работах исследователей косвенно. Например, в книге К. Рихтера, директора Бирмингемского исследовательского института истории и культур, «Фрагментация в Восточно-Центральной Европе / Польша и Прибалтика, 1915–1929 гг.» рассматривается история Первой мировой войны и межвоенной Европы с попыткой восстановить корни происхождения государств Восточно-Центральной Европы, их политики, экономического развития и конфликтов вплоть до Второй мировой войны [10].

В послевоенных традициях исследования славянского пространства Восточной Европы в Великобритании выделяется Оксфорд. В 1953 г. в колледже Св. Антония создан Центр российских и восточноевропейских исследований (с 2003 г. – Центр российских и евразийских исследований). Поскольку в сфере его внимания – Россия и Украина, белорусские сюжеты затрагиваются крайне редко и, как правило, в более широких контекстах истории ВКЛ, Российской империи и СССР [13]. Сегодня на базе университета действует Оксфордская обсерватория Беларуси, целью которой, как декларируют его основатели, является повышение осведомленности о современных проблемах белорусского общества, а также анализ социально-экономических, политических, культурных и исторических вопросов, которые «определяют современную Беларусь и способствуют ее пониманию» [12]. Вопросам истории уделяется гораздо меньшее внимание, чем политическим и социологическим. Последние, ввиду оппозиционных взглядов членов институции, характеризуются определенной тенденциозностью.

В ФРГ во второй половине XX – нач. XXI вв. белорусская тематика также присутствовала в контексте изучения истории современной Литвы, России и Украины. В 50–80-е гг. XX в. крупными центрами славистики в ФРГ являлись: Институт Восточной Европы, кафедра истории Восточной и Юго-Восточной Европы Университета Людвиг Максимилиана, Свободный украинский университет, Институт восточноевропейского права, Институт по изучению истории и культуры СССР в Мюнхене, Рейнский университет имени Фридриха Вильгельма в Бонне, Рурский университет

в Бохуме, Гейдельбергский университет имени Рупрехта Карла, Гамбургский университет, Гиссенский университет имени Ю. Либиха, Дюссельдорфский университет, Кельнский университет. Вопросы истории Беларуси освещались в курсах лекций по всемирной истории либо истории восточных славян. Среди исследовательских доминант в изучении истории Беларуси в академических центрах Германии были: история церкви, история ВКЛ, изучение истории Второй мировой войны и послевоенного периода [6, с. 106 – 107]. Среди западногерманских историков, затрагивавших белорусскую тематику при исследовании истории и культуры соседних народов, выделяются К. Форстройтер, Г. Штекль, М. Хельман, А. Рар, А. Зам, А. Лоренц, Р. Линднер, Б. Кьяри, Х.-Л. Ферстер, Д. Зиберт и др. [6, с. 79–80].

Беларусь была «белым пятном» для представителей политической и научной элиты Франции. Среди внешнеполитических интересов Беларуси отводился менее привилегированный статус, чем, например, балтийским республикам, получившим преимущество по вопросу о вступлении в европейские структуры [11, с. 52]. Одной из предпосылок возрастающего интереса к истории Беларуси послужили публикации материалов и мемуаров активных деятелей белорусской диаспоры на территории Франции, изданные в 90-е гг. XX – начале XXI в. В научном сообществе также чаще прослеживалась тенденция к изучению Беларуси в контексте осмысления славянской истории и культуры. Ведущими славистическими центрами во Франции в настоящее время являются Институт восточных языков и культур, Центр славистических исследований при университете Париж IV Сорбонна, Институт славянских исследований. Историческому прошлому и современному положению Беларуси посвящены работы Э. Дени, А. Коллин, Д. Озиас, Ж. Шарин, В. дю Кастель, Б. Дрвески, Р. Ян, Ф. Бокур, Э. Робертс [5]. Фрагментарно отражается вопрос общественно-политического развития Западной Беларуси в составе Польши в монографии А. Гужон и В. Шиманец «Говорим по-белорусски. Язык и культура», где представлены разделы, посвященные культуре и истории нашей страны. Среди работ по французской белорусистике выделяются монография профессора Института восточных языков и культур в Париже Б. Дрвески «Беларусь», диссертация Р. Яна «Беларусь. Историческая и культурная география изменяющегося региона», работы Ф. Бокур, Э. Робертс и др. [11]. Внимания заслуживает фундаментальный совместный труд ведущих французских и польских историков «История Центрально-Восточной Европы» [4], в котором подробно рассмотрены политические, социально-экономические и культурные процессы, сформировавшие самобытный облик стран и народов Центрально-Восточной Европы от начала средневековья и до конца XX в. Беларусь и ее прошлое отражены в контексте истории Польши,

Литвы, СССР. Благодаря усилиям исследователей французскому сообществу открылись многие страницы белорусского исторического прошлого и разрушены стереотипы о белорусском этносе как подневольном. Однако исторические белорусоведческие сюжеты не были доминантными по сравнению с лингвистическим и политологическими.

Заключение

До конца 80-х гг. XX в. интерес к нашей стране со стороны западноевропейского научного сообщества проявлялся как к составной части многонациональных государств, отмечалась тенденция к изучению Беларуси в контексте осмысления славянского историко-культурного прошлого. В качестве самостоятельного научного и геополитического субъекта Беларусь стала восприниматься после распада СССР и образования суверенных постсоветских государств. Однако и сегодня в университетских центрах Западной Европы удельный вес исследований Беларуси уступает российской, польской или постсоветской истории и культуры, при этом нельзя отрицать тот факт, что к началу XXI в. белорусоведение стало весомой частью культурного и научного контекста этих стран. Изучение истории Западной Беларуси в составе Польши оказалось вне приоритетов в историко-концептуальном осмыслении белорусского прошлого как западноевропейскими учеными, так и историками белорусского зарубежья. Наибольший интерес к данной теме был среди представителей белорусских диаспор Западной Европы второй половины XX в., уроженцев Западной Беларуси, которые были участниками или очевидцами тех далеких исторических событий. Недостаток объективности в их работах определялся отсутствием достаточной информации об истории и культуре нашей страны, стереотипами и представлениями о советской действительности, социально-политическими условиями. Белорусская эмиграционная диаспора выступила как мотивирующий фактор в развитии белорусоведческого направления. Сеть национально-культурных объединений стала связующим звеном между лидерами белорусской диаспоры и первым послевоенным поколением университетских славистов-белорусоведов.

Сегодня узнаваемость Беларуси в Западной Европе в контексте славистических исследований стала гораздо выше. Однако историков ведущих исследовательских центров этих стран политическая и социально-экономическая история восточнославянских народов Европы до сих пор интересуется сквозь призму геополитических и геоэкономических интересов западного сообщества. В Великобритании, ФРГ и Франции все еще отсутствуют отдельные научно-аналитические институции, сфокусированные именно на белорусскую проблематику.

Библиографический список:

1. Вабишчэвіч А.М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921-1939 гг.): манаграфія. Брэст: Выдавецтва БрДУ, 2008. 319 с.
2. Гардзjenka Н.С. Беларусы ў Вялікабрытаніі / Н.С. Гардзjenka. – Мінск: Медысонт, 2010. 620 с.
3. Дудко А.Д. Генезис и формирование белорусоведения в Великобритании (вторая половина XX – начало XXI вв.). Гродно: ЮрСаПринт, 2020. 192 с.
4. История Центрально-Восточной Европы / Н. Алексюн [и др.]; пер. с фр.: М.Ю. Некрасов, А.Ю. Карачинский, И.А. Эгипти. Санкт-Петербург: Евразия, 2009. 1118 с.
5. Калько В.Н. Белорусоведческая проблематика в исследованиях французских авторов XX – начала XXI вв.: краткий обзор // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. XX междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2013. // URL: <https://sibac.info/author/kalko-vera-nikolaevna> (Дата обращения: 13.10.2023).
6. Карев Д.В., Дудко А.Д. Зарубежное белорусоведение XVI – начала XXI вв.: основные этапы и проблемы становления и развития: моногр. Гродно: ЮрСаПринт, 2016. 140 с.
7. Ляднева А.С. Скарынаўка // Беларуская мінуўшчына. 1993. № 2. С. 55-57.
8. Официальный сайт Лондонского университета. Школа славянских и восточноевропейских исследований // URL: <http://www.ssees.ucl.ac.uk> (Дата обращения: 15.04.2015).
9. Официальный сайт Нормана Девиса // URL: <http://www.normandavies.com/?lang=en> (Дата обращения: 26.08.2019).
10. Официальный сайт Центра российских и восточноевропейских исследований Университета Бирмингем // URL: <https://www.birmingham.ac.uk/research/crees/staffhttp://www.crees.bham.ac.uk/study> (Дата обращения: 20.08.2024).
11. Шадурский В.Г. Беларусь – Франция: поиск путей сотрудничества (к 10-летию установления дипломатических отношений) // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2002. № 1. С. 52-58.
12. Official site of Oxford School of Global and Area Studies // URL: <https://obo.web.ox.ac.uk/about-us> Russian and East European Studies (Дата обращения: 20.09.2024).
13. Official site of The Russian and Eurasian Studies Centre // URL: <https://www.sant.ox.ac.uk/russian-and-urasian/russian-and-urasian-studies-centre/> (Дата обращения: 20.09.2023).

Reference

1. Vabishchevich A.M. National and cultural life of Western Belarus (1921-1939): Manuscripts. Brest: Publishing House of BrDU, 2008. 319 p.
2. Gardzienka N.S. Belarusians in Great Britain / N.S. Gardzienka. – Minsk: Medysont, 2010. 620 p.
3. Dudko A.D. Genesis and formation of Belarusian studies in Great Britain (second half of the 20th - early 21st centuries). Grodno: YurSaPrint, 2020. 192 p.
4. History of Central and Eastern Europe / N. Aleksyun [et al.]; trans. from French: M.Yu. Nekrasov, A.Yu. Karachinsky, I.A. Egypt. St. Petersburg: Eurasia, 2009. 1118 p.
5. Kal'ko V.N. Belarusian studies issues in the studies of French authors of the 20th - early 21st centuries: a brief overview // Actual issues of social sciences: sociology, political science, philosophy, history: collection of articles on the materials of the XX international. scientific and practical. conf. Novosibirsk: SibAK, 2013. // URL: <https://sibac.info/author/kalko-vera-nikolaevna> (13.10.2023).
6. Karev D.V., Dud'ko A.D. Foreign Belarusian studies of the 16th - early 21st centuries: the main stages and problems of formation and development: monograph. Grodno: YurSaPrint, 2016. 140 p.
7. Lyadneva A.S. Skarynaўka // Belarusian Ministry. 1993. № 2. P. 55-57.
8. Official website of the University of London. School of Slavonic and East European Studies // URL: <http://www.ssees.ucl.ac.uk> (15.04.2015).
9. Official website of Norman Davis // URL: <http://www.normandavies.com/?lang=en> (26.08.2019).
10. Official website of the Centre for Russian and East European Studies, University of Birmingham // URL: <https://www.birmingham.ac.uk/research/crees/staffhttp://www.crees.bham.ac.uk/study> (20.08.2024).
11. Shadursky V.G. Belarus – France: Search for Ways of Cooperation (on the 10th Anniversary of the Establishment of Diplomatic Relations) // Belarusian Journal of International Law and International Relations. 2002. № 1. P. 52-58.
12. Official site of Oxford School of Global and Area Studies // URL: <https://obo.web.ox.ac.uk/about-us> Russian and East European Studies (20.09.2024).
13. Official site of The Russian and Eurasian Studies Centre // URL: <https://www.sant.ox.ac.uk/russian-and-urasian/russian-and-urasian-studies-centre/> (20.09.2023).

Зубов А.Ю.

Старший преподаватель, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации имени Главного маршала авиации А.А. Новикова».

**Психологический портрет офицера
Российского Императорского флота
в период Русско-японской войны 1904-1905 гг.***

Аннотация. В статье описываются некоторые события начала XX века, а точнее, военные действия между Россией и Японией в период 1904-1905 годов. В контексте исследования указанных событий автор дает оценку морально-делового, а также профессионального состояния императорского морского офицерского корпуса, одновременно с этим обращая внимание на личные качества некоторых офицеров, принявших участие в этой войне. В значительной степени автор старается подчеркнуть особенности индивидуального состояния морских офицеров, их качества, а также отдельные черты и свойства характера, проявленные в ходе ведения морских сражений. Автор, давая оценку положения и степени влияния таких офицеров на конкретные ситуации в сражениях, определяет причины их грамотных и самоотверженных действий, тем самым указывая на основные личностные психологические составляющие офицеров флота того временного периода.

Ключевые слова: война, Россия, Япония, морской корпус, честь, достоинство, история, императорский флот.

Zubov A.Yu.

Senior Lecturer. St. Petersburg State University of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation A.A. Novikov.

**Psychological portrait
of an officer of the Russian Imperial Navy during
the Russo-Japanese War of 1904-1905**

Abstract. The article describes some of the events of the early twentieth century, or rather, military operations between Russia and Japan in the period 1904-1905. In the con-

---

* © Зубов А.Ю., 2024.

text of the study of these events, the author assesses the moral, business and professional state of the imperial naval officer corps, while at the same time paying attention to the personal qualities of some officers who took part in this war. To a large extent, the author tries to emphasize the peculiarities of the individual condition of naval officers, their qualities, as well as individual traits and character traits manifested during the conduct of naval battles. The author, assessing the position and degree of influence of such officers on specific situations in battles, determines the reasons for their competent and selfless actions, thereby pointing out the main personal psychological components of the officers of the fleet of that time period.

Key words: war, Russia, Japan, naval corps, honor, dignity, history, imperial fleet.

Русско-японская война 1904–1905 гг., вызванная борьбой за гегемонию в Восточной Азии между двумя странами, занимает особое место в истории. Эта война была самой крупной среди первых войн эпохи парового броненосного флота. Различные виды морского вооружения широко использовались в ходе этой войны. Одним из последствий Русско-японской войны стало то, что Германия и Австро-Венгрия сочли боевые действия в Маньчжурии и на Тихом океане свидетельством военной слабости России. Это породило необоснованную самоуверенность центральных держав в 1914 г., перед самым началом Первой мировой войны.

В свою очередь, современные исследования опираются на общеизвестные факты этой войны, вовлекая при этом в оборот новые источники, и преодолевают предрешенность идеологических трактовок. Пересматриваются прежние теоретико-методологические подходы. В историографии, особенно российской, сохраняется исключительный по разнообразию спектр трактовок. Налицо настойчивое стремление при необходимости расширить контекст рассмотрения и избежать упрощенного подхода к её проблемам. Однако в этих исследованиях, что объективно является несправедливым, мало уделяется внимания изучению человеческого фактора, а также его непосредственного влияния на характер ведения боевых действий и их исход.

Забегая немного вперед, стоит отметить то, что в Русско-японской войне были опробованы новейшие теоретические и технические разработки. Эта война явилась отправной точкой и мощным импульсом для дальнейшего стремительного развития всех отраслей военно-морского мастерства ведущих мировых держав. Тем не менее, важнейшим фактором развития событий этой войны, а также правильности оценки её влияния на дальнейшее развитие стран России и Японии, как морских держав, сыграло все-таки личное профессиональное отношение солдат и офицеров, и в особенности тех, кто проходил службу в подразделениях флота. Последние в

период прохождения этой войны оказались в крайне невыгодном положении. Дело в том, что Николай II, задолго до начала войны вззошедший на престол, изначально занял позицию поддержки самодержавия в стране. Это сделало недовольство со стороны граждан еще более сильным, что в значительной степени отражалось на государственных служащих, в том числе и служащих армии.

Так, А.Н. Куропаткин, подводя итоги войны, в своих воспоминаниях писал, что в русско-японскую войну среди нижних чинов Российских Императорских Вооружённых Сил активно велась пропаганда и распространялись прокламации, призывающие матросов и солдат «не сражаться с японцами, а бить своих офицеров» [1, с. 242]. Стоит отметить и то, что внешняя информационно-психологическая агрессия, направленная против России, усиливалась внутренней борьбой радикально-настроенных кругов против правительства и против офицеров флота, как представителей правящего класса.

Известный советский исследователь П.А. Зайончковский, определяя значение тех или иных исторических процессов и отмечая их влияние на развитие общества, указывал, что только люди творят историю, при этом именно особенности их характера, настроений и убеждений истинно отражают суть этих процессов и, как следствие, формируют правильное понимание сути происходящих событий. В свою очередь, герменевтика человеческого мышления может сделать эту оценку правильной, а может нарушить представление о ней, и только после того, как факты сойдутся в одно единое целое, история начинает играть роль связующего звена между целыми поколениями [2, с. 26].

Сегодня уже трудно представить, что многие столетия назад в человеческой среде существовали принципы оценки деятельности людей, которыми мы бы могли апеллировать на данный момент. Стандарты, по которым давались характеристики их поведения, изменились, но осталось представление, в том числе и обусловленное историческим анализом тех событий, в которых они принимали активное участие. Между тем история, рассматривая причины происхождения этих событий, подмечает роль отдельных личностей, в свое время стоящих у их истоков или начал, а также выделяет таких личностей в целые группы, давая понять, что социальные условия, мышление, а также действия рассматриваемых индивидов могли всецело влиять на ход этих событий, меняя тем самым не только их личную судьбу, но и судьбу других (общества и государства).

Россия, как страна, которая прошла долгий путь исторического развития, входит в ряд тех государств, чья судьба всецело могла зависеть от военного и морского сотрудничества. Кроме того, конкуренция в мор-

ском пространстве всегда была одной из проблем охраны государственных границ, а также сохранения доминантной модели при защите тех же торговых путей и их последовательного развития. И нет в том ничего удивительного, что в нашей стране вопрос подготовки специалистов морского дела всегда отличался особым подходом, который, в свою очередь, строился на раскрытии личного потенциала офицеров и матросов, а также их особой сплоченности, нередко находившей выражение в сражениях на воде.

Так, оценивая уровень подготовки морских офицеров того времени, а также давая характеристику их личных профессиональных качеств, историки отмечают, что главным отличием офицеров по части несения службы и выполнения своих служебных обязанностей была их исключительная преданность долгу. В частности, Русско-японская война 1904-1905 гг. показала, что Россия обладает достаточно мощным офицерским кадровым составом именно потому, что большая часть из них - дворяне, в свое время получившие образование в морских кадетских корпусах [3, с. 100].

Более того, практически в каждом из дошедших до нашего времени документе, позволяющем более точно отразить суть поведения офицеров Императорского флота в период войны 1904-1905 гг., отмечалось, что при ведении боевых действий не было случаев, чтобы кто-либо из русских офицеров был замечен в трусости и отсутствии отваги [4]. Причиной этому, как правило, было не только дворянское наследие, которое позволяло (или вынуждало) нести свое имя с честью, но и отличное образование, которое офицер получал, обучаясь в морском корпусе.

Исследователи, изучающие особенности поведения представителей офицерского морского корпуса, отмечают, что даже на уровне внутренних взаимоотношений офицеры флота всегда себя отделяли от остальных представителей российской армии. Стоит заметить, что данный антагонизм имеет вполне рациональные очертания, так как офицеры кораблей (плавсостава) имели более высокий уровень специальной и профессиональной подготовки, нежели офицеры штабов и тыловых учреждений. Также, офицеры флота намного лучше обеспечивались продовольствием, денежным содержанием и имели значительные льготы [5]. Отдельно стоит сказать, что это нередко становилось причиной для упреков, которые сыпались в адрес Николая II со стороны представителей иных видов и родов войск. Император, обладая особенной любовью к флотским подразделениям и, как известно, впоследствии получивший чин адмирала флота от британских монархов, всегда особо лестно высказывался о морально-психологической силе морских офицеров, их преданности долгу и престолу. Кроме этого, на флот был очень серьезный отбор, который достаточно сложно было пройти, не имея необходимых навыков и науч-

ных познаний.

У многих, кто исследовал события указанного противостояния между Россией и Японией, в сознании закреплен образ одного их лучших офицеров морского дела, который также, как и многие другие моряки, сознательно добивался перевода в зону ведения боевых действий, когда императорский флот был атакован на рейде Порт-Артура. Это - Александр Васильевич Колчак. Личность, которая во многом вызывает спорные оценки относительно своих политических убеждений и, соответственно, гражданской позиции в вопросах управления обществом, но не вызывает сомнения ни у кого в том, что Колчак совмещает в себе все те необходимые качества, которыми должен был обладать офицер императорского флота.

Автор исследования о биографии Колчака А.В. – А. Смолин указывал, что если бы представилась необходимость создания идеального представления о том, что такое «русский офицер», то он был бы уверен, что именно образ Колчака стал бы одним из самых подходящих для его реализации. Поступки, манеры, образование и сама сущность этого адмирала навсегда изменили представление об офицерской чести и достоинстве тех, кто стоит на защите Отечества, и для кого присяга на верность ему не являются просто словами [6]. Уже после того, как война закончилась, Колчак несколько раз встречался с Николаем II. В ходе этих встреч император благодарил его за безупречную службу и выражал свое искреннее восхищение его талантом - оставаться на столь высоких постах всегда таким же безупречным как с точки зрения мыслей (взглядов), так и с позиции умения их выражать [7, с. 712].

Отдельное внимание необходимо уделить сведениям, непосредственно характеризующим участников этой войны, которые проявили себя не просто как хорошие командиры, но и как отважные люди, стоящие до последнего в сложных боевых ситуациях. Как отмечается в исследованиях хронологии операций, проводимых нашими войсками в ходе русско-японской войны, несмотря на отсутствие слаженности отдельных групп флота, что несомненно сказывалось на результате, а следовательно, и на боевом духе личного состава, большинство офицеров проявляли себя в таких ситуациях примером высокой нравственности и доблести. Именно офицерский состав был костяком и одновременно гарантией высокой сплоченности экипажей кораблей в сложных боевых условиях (примеры: крейсер «Варяг», канонерская лодка «Кореец», миноносцы «Стерегущий», «Буйный», «Быстрый» и др.).

Стоит отметить, что в отношении нерадивых представителей офицерского корпуса действовали специальные принципы. Например, их не допускали в офицерские кают-компании, даже если офицер при этом находился

в чине командира корабля. В случае совершения проступка, порочащего честь офицера, создаваемые абсолютно собственными силами офицерские суды чести безжалостно избавлялись от нежелательных кадров, списывая их на берег, а также заявляя в управления адмиралтейств необходимые ходатайства об исключении таковых из числа офицеров флота [8, с. 246]. Упор в таком вопросе всегда делался на высокое моральное отношение к своему долгу, вне зависимости от личных обстоятельств, а также сложных условий службы. Указанные меры очень сильно повлияли на формирование впечатлений о морских офицерах того времени, в большинстве своем преданных делу и стране, отлично образованных и умеющих хорошо мотивировать свою команду.

В основу такого вывода, конечно же, ложилась оценка их поведения в бою. Так, ярким примером проявления лучших качеств офицерской доблести служит пример самоотверженности со стороны лейтенанта М.С. Рощаковского. 14 мая 1905 г., когда русская эскадра не могла изменить ситуацию, он почти весь бой провел на крыше порученной ему орудийной башни, предполагая, что таким образом сможет улучшить действия экипажа в части ведения прицельного огня по врагу [9, с. 110]. Аналогичным примером является пример отваги лейтенанта «Авроры» князя Путятина, который, будучи серьезно раненным, уже после боя, не только не покинул свой пост, но и осознавая, что остальным требуется помощь, предпринял попытку нести ночную вахту, и только из-за сильной потери крови был вынужден отправиться для оказания помощи [10, с. 55].

Для создания более точного представления (образа) психологического состояния моряка-офицера в момент боя можно обратиться к воспоминаниям князя А.П. Чегодаева-Саконского, который, описывая бой на Цусиме, а конкретно тот момент, когда крейсер «Алмаз» находился под сильнейшим огнем противника, охарактеризовал состояние одного из корабельных командиров: «Подошел Г. “Ну что, – обратился я к нему, – не важно?” Он покачал головой и сделал гримасу. Я не удержался от улыбки, которая сообщилась и ему. Откровенно говоря, Г., постоянно трактовавший о превосходстве японского флота и о плохом личном составе нашего, казался мне трусливым. Однако ни малейшей робости, ни растерянности не прочел я в голубых глазах лейтенанта; спокойно отдавал он приказания, спокойно смотрел на столбы воды, поднимающиеся по сторонам» [11].

Стоит сказать, что морских офицеров императорского флота особенно отличало дворянское положение. Только за период участия в русско-японской войне на кораблях нашего флота в качестве командиров разных уровней и звеньев состояли несколько баронов (выходцы из германских родов), а также графов и представителей иных знатных династий [12, с.

93]. Престижность службы на флоте гарантировала быстрый карьерный рост, а также почет и уважение в обществе. Однако на практике носители подобных регалий не всегда могли выполнять возложенные на них обязанности. Интересным представляется случай, который произошел с одним из отпрысков Морского корпуса, который, будучи представителем знати, закончил указанное заведение, но служить на флоте не стал и написал прошение об уходе. Случай по тем временам крайне редкий. Так или иначе об этом стало известно морскому министру Бирилёву, который, откровенно озадаченный таким отношением, решил лично встретиться с молодым мичманом и обсудить его прошение. В ходе беседы министр, видя, что намерения молодого офицера искренни, посетовал на то, что в таком случае ему придётся отправиться в тюрьму как дезертиру. Тогда мичман со слезами на глазах рассказал министру, что поступил в заведение исключительно для того, чтобы окончить его, опыта управления кораблем он не имеет и страдает морской болезнью. В доказательство он привел сведения, которые ясно подтверждали, что во время одного из рейдов он был вынужден прибегнуть к помощи врача, дабы перенести без последствий свое морское путешествие. После этого министром было принято решение списать молодого мичмана «на берег», где он уже заканчивал свою службу в должности пехотного офицера [13, с. 20]. В практику же набора будущих офицеров было внесено требование, согласно которому будущий моряк должен был предпочтительно проживать рядом с морским пространством, и с учетом этого, уже обладать некоторыми навыками морского дела.

Немаловажным будет обратить внимание и на то, каким именно образом использовали свою подготовку некоторые офицеры. В частности, на фоне высоконравственного отношения к своему долгу некоторые командиры кораблей, не имея в своем распоряжении достаточных средств для ведения полноценного боя с противником, смогли добиться ситуации, при которой даже при таком раскладе сил и средств можно было бы победить противника. В этом случае показательным может стать пример командира корабля «Новик» Н.О. Эссена, который сумел не просто спасти свое судно, но и, оказавшись в окружении сразу нескольких боевых кораблей Японии, принял оригинальное решение — устремиться в голову вражеской колонны. В результате таких, по сути отчаянных, действий «Новику» удавалось выходить из-под прицельного обстрела противника. В мемуарах капитана 2 ранга С.П. Бурачека эти маневры были описаны следующим образом: «...Вот «Новик» сумел подойти ко входу на внутренний рейд. На берегу какая-то серая масса. Это шинели наших солдат, защитников крепости. Они кричат: «Новичек»! Родной! «Наш герой»! Отчего же? А дело в том, что действия корабля, ведомого его командиром Н.О. Эссеном, подняли их боевой дух и показали, что доблесть наших моряков

не знает границ» [14].

Подводя итог проведенному исследованию, логично прийти к следующим выводам. Определяя заслуги в победе или причины поражений, мы часто прибегаем к логике потестарного мышления, где заслуга человека, а точнее его вклад в общее дело, обесценивается, при том, что именно личность иногда служит примером доблести в бою и приводит механизм общего усилия в действие.

Затрагивая основные психологические характеристики личности морских офицеров, ставших участниками сражений Русско-японской войны 1904-1905 годов, мы, с одной стороны, доказываем, что это более чем реальность, с другой - видим, как сложно выделять даже таких достойных людей среди тех, кто внес не меньший вклад в историю этих самых побед и поражений. Однако очевидно следующее: человеческий формат мышления и потенциал, который лег в основу нашего исследования, и который включает в себя такие качества морских офицеров того времени, как образование, воспитание, происхождение, порядочность и отношение к долгу, всецело образуют портрет целеустремленного, смелого и отчаянного профессионала, восхищение которым, несмотря на трактовки событий, время и даже очевидные неудачи в этой войне, вызывает гордость и уважение к героям русско-японской войны.

Библиографический список:

1. Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904-1905: итоги войны. – СПб.: 2002. С. 242 -243.
2. Человек - творец истории российского государства: материалы 52-й Всероссийской заочной научной конференции / под ред. Сергея Николаевича Полторака. – Санкт-Петербург: Нестор, 2008. 139 с.
3. Суряев В.Н. Организация и уровень боевой подготовки офицеров русской армии в начале XX в. // Клио. 2014. № 9 (93). С. 97-101.
4. РГВИА. Донесение наместника Е.И.В. на Дальнем Востоке адмирала Е.И. Алексеева Николаю II об обстоятельствах гибели флагманского броненосца «Петропавловск». Ф. 846. Оп. 16. Д. 27901. Л. 126.
5. РГВИА. Ведомости, справки, отчеты о вооружении и боевой готовности российских войск на Дальнем Востоке. Ф. 165. Оп. 1. Д. 485.
6. Смолин А.В. Взлет и падение адмирала Колчака // URL: <https://www.labyrinth.ru/books/660071/point/gm> (Дата обращения: 20.12.21).
7. Вологодский П.В. «Теперь меня подкупает Колчак своим благородством и искренностью желания служить действительно интересам родины...» // А.В. Колчак: pro et contra, антология / Составление, вступительная статья, комментарии А.М. Захаров. – Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия, 2018. С. 712-713.
8. Шерстнев С.С. Официальные и личностные оценки состояния морального духа действующей армии в годы русско-японской войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 6. С. 244-248.
9. Андрейкина Ю. Заложники Порт-Артура / Ю. Андрейкина, Е. Колоскова // Родина. 2019. № 8. С. 108-111.
10. Мешарова В.Ю. Подвиг «Варяга» и «Корейца» в 1904 году // Наука Парк. 2015. № 1 (31). С. 54-57.
11. РГА ВМФ. Краткий хронологический перечень событий обороны крепости Порт-Артур. Ф. 801. Оп. 112. Д. 3. Л. 1-8.
12. Зубов А.Ю. Офицеры флота в Русско-японскую войну 1904-1905 годов // Научное мнение. 2015. № 2-3. С. 91-99.
13. Трофимов М.Ю. Отражение фронтовой действительности русско-японской войны глазами Сибирского казачьего офицера // Национальные приоритеты России. 2018. № 1 (28). С. 14-23.
14. Бурачек С.П. Последний поход крейсера «Новик» 26 января 1904 // URL: <http://readli.net/chitat>

online/?b=75865&pg=1http. (Дата обращения: 20.12.21).

Reference

1. Kuropatkin A.N. Russo-Japanese War 1904-1905: Results of the War. – SPb.: 2002. P. 242-243.
2. Man – the Creator of the History of the Russian State: Proceedings of the 52nd All-Russian Correspondence Scientific Conference / edited by Sergei Nikolaevich Poltorak. – Saint Petersburg: Nestor, 2008. 139 p.
3. Suryayev V.N. Organization and Level of Combat Training of Officers of the Russian Army at the Beginning of the Twentieth Century // *Clio*. 2014. № 9 (93). P. 97-101.
4. RGVIA. Report of His Imperial Majesty's Viceroy in the Far East, Admiral E.I. Alekseev to Nicholas II on the Circumstances of the Death of the Flagship Battleship Petropavlovsk. F. 846. Op. 16. D. 27901. L. 126.
5. RGVIA. Statements, certificates, reports on the armament and combat readiness of Russian troops in the Far East. F. 165. Op. 1. D. 485.
6. Smolin A.V. The rise and fall of Admiral Kolchak // URL: <https://www.labirint.ru/books/660071/point/gm> (20.12.21).
7. Vologodsky P.V. "Now Kolchak wins me over with his nobility and sincerity of the desire to truly serve the interests of the homeland ..." // A.V. Kolchak: pro et contra, anthology / Compilation, introductory article, comments by A.M. Zakharov. – St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy, 2018. P. 712-713.
8. Sherstnev S.S. Official and personal assessments of the state of morale of the active army during the Russo-Japanese War // *Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2009. Vol. 11. № 6. P. 244-248.
9. Andreykina Yu. Hostages of Port Arthur / Yu. Andreykina, E. Koloskova // *Rodina*. 2019. № 8. P. 108-111.
10. Mesharova V.Yu. The feat of the Varyag and the Koreets in 1904 // *Science Park*. 2015. № 1 (31). P. 54-57.
11. RGA of the Navy. A brief chronological list of events in the defense of the Port Arthur fortress. F. 801. Op. 112. D. 3. L. 1-8.
12. Zubov A.Yu. Naval officers in the Russo-Japanese War of 1904-1905 // *Scientific opinion*. 2015. № 2-3. P. 91-99.
13. Trofimov M.Yu. Reflection of the frontline reality of the Russo-Japanese War through the eyes of a Siberian Cossack officer // *National priorities of Russia*. 2018. № 1 (28). P. 14-23.
14. Burachek S. P. The last campaign of the cruiser Novik on January 26, 1904 // URL: <http://readli.net/chitat-online/?b=75865&pg=1http>. (20.12.21).

Курылев С.А.

Аспирант. Санкт-Петербургский институт истории РАН.

**«Большой скачок»? Трансформация
питания населения в 1900-1930-е гг.***

Аннотация. В статье рассматривается питание населения Российской империи и СССР в период 1900-1930-х гг. – один из традиционных показателей благосостояния населения. Для анализа привлечены материалы бюджетных обследований населения и расчеты калорийности, предпринятые российскими и зарубежными историками. Впервые вводятся в научный оборот данные о питании инженерно-технических работников (ИТР) и служащих из фондов Российского государственного архива экономики (РГАЭ). Рассчитана калорийность на полного потребителя (взрослого едока) для различных социальных групп с учетом особенностей их профессиональной деятельности. Полученные результаты отражают характер социально-экономических изменений, которые произошли в России в первой трети XX века. Калорийность питания рабочих в 1930-е гг. заметно возросла и в целом отвечала физиологическим потребностям полного потребителя. Питание служащих и колхозников, напротив, ухудшилось. Лучшая обеспеченность рабочих продуктами питания была достигнута за счет проведения коллективизации, в результате которой сократилось потребление не только сельского населения, но также и городского населения, не занятого физическим трудом. «Большой скачок» в СССР сопровождался строительством промышленных предприятий, повышением обороноспособности государства, однако заметных успехов в улучшении питания населения по сравнению с дореволюционным периодом достигнуто не было.

Ключевые слова: питание, калорийность, рабочие, колхозники, ИТР и служащие, уровень жизни в России и СССР, потребление, 1930-е, благосостояние.

Kurylev S.A.

PhD student. St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

**“The big leap?” Transformation
of the population’s nutrition in 1900-1930s**

Abstract. The article examines the nutrition of the population of the Russian Empire and the USSR in the period of 1900-1930s, which is one of the traditional indicators of the well-being of the population. For the analysis, the materials of budget surveys of the population and calculations of caloric content undertaken by Russian and foreign histori-

---

* © Курылев С.А., 2024.

ans are used. For the first time, data on the nutrition of engineering and technical workers (ITR) and employees from the funds of the Russian State Archive of Economics (RSAE) are introduced into scientific circulation. The calorie content per full consumer (adult eater) for various social groups is calculated, taking into account the characteristics of their professional activities. The results reflect the nature of the socio-economic changes that took place in Russia in the first third of the 20th century.

Key words: nutrition, calorie content, workers, collective farmers, standard of living in Russia and the USSR, consumption, the 1930s, welfare.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 23-18-00249 «Жизненный уровень населения России в XX – начале XXI в. по традиционным и альтернативным показателям: междисциплинарное исследование на Больших данных».

Вопрос об уровне жизни населения России и СССР в XX веке является одним из самых дискуссионных вопросов современной исторической науки. Особенно важен вопрос об изменении уровня жизни после революционного 1917 г. Переход к нэпу, проведение индустриализации и коллективизации ставят перед исследователями вопросы эффективности проводимых в 1920-1930-е гг. преобразований. Одним из индикаторов уровня жизни следует считать потребление населением продуктов питания. В данной работе предпринята попытка оценки состояния питания различных социальных групп в 1900-1930-е гг., расчета калорийности потребляемых продуктов и анализа изменений питания в расчете на полного потребителя (полного/взрослого едока).

В качестве источников привлечены данные бюджетных обследований различных социальных групп населения за 1930-е гг., которые хранятся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). Впервые вводятся в научный оборот динамические ряды потребления рабочих за 1932-1942 гг., данные бюджетных обследований инженерно-технических работников (ИТР) и служащих за 1934-1940 гг. Также привлечены материалы расчета потребления другими авторами и данные статистических справочников 1920-х гг.

Методологической основой стали статистические методы исследований, фокусирующиеся на сборе и анализе количественных данных. Статистические методы применяются для выявления причинно-следственных связей и статистических закономерностей.

Почти все статистические материалы о потреблении продуктов питания в исследуемый период опираются на данные бюджетных обследований населения, история которых уходит в XIX в., например, с 1870-х гг. до 1918 г. в России было обследовано более 11500 бюджетов отдельных крестьянских хозяйств, а в начале XX века стали проводиться и обследо-

ния бюджетов рабочих промышленности. Данные бюджетных обследований дореволюционного периода стали предметом изучения Б.Н. Миронова [9, С. 352, 370], который на их основе оценил калорийность и качество питания.

Дореволюционные исследования статистиков внесли большой вклад в разработку подробных программ бюджетных обследований, в методику формирования выборочной совокупности, проверки её репрезентативности и в решение других методологических вопросов [7, С. 4]. В советское время обследования бюджетов рабочих начались сразу после революции, уже в 1918 г., поскольку новая власть была заинтересована в изучении питания «правлящего класса». В 1931-1932 гг. обследование бюджетов промышленных рабочих было распространено на всю территорию СССР, с 1934 г. стали проводиться обследования бюджетов инженерно-технических работников и служащих промышленности. В 1937 г. число обследуемых хозяйств рабочих составляло 12578, в 1938-12690, 1939-11252, 1940-11963, 1941-8618, 1942-3480. [14, Л. 1]. Как следует из докладной записки начальника Сектора бюджетов рабочих и служащих Е. Орликовой начальнику ЦСУ В.Н. Старовскому, «значительное изменение сеть бюджетного обследования претерпела за время Великой Отечественной войны. В течение второго полугодия 1941 года была прекращена бюджетная работа в Ленинградской, Орловской, Тульской, Рязанской, Калининской, Воронежской и Московской областях, а также в Москве и Ленинграде. В 1942 году выпали из обследования Сталинградская область, Краснодарский край и Чечено-Ингушская АССР. В январе-марте прекратило бюджетное обследование Статуправление Ярославской области, восстановив работу в апреле. Таким образом, из 25 областей и республик РСФСР, в которых проводилось бюджетное обследование, непрерывно вели эту работу только Архангельская, Горьковская, Ивановская, Кировская, Куйбышевская, Молотовская, Новосибирская, Саратовская, Свердловская, Челябинская области, Татарская АССР и Башкирская АССР. Продолжали бюджетное обследование статуправления Грузинской, Азербайджанской, Армянской, Таджикской, Туркменской, Узбекской ССР, Карагандинской и Гурьевской областей. Общее число обследуемых хозяйств в целом по Союзу составило не более 50% от количества, принятого по смете на 1942 год. При этом резко изменилась обследуемая географическая совокупность» [13, Л. 3-4].

Обследование бюджетов крестьянских хозяйств было начато в 1919 г. Перед Великой Отечественной войной ЦСУ СССР обследовало 21 тыс. бюджетов колхозников [7, С. 15]. И.Я. Матюха выделяет два периода в обследованиях питания населения с методологической точки зрения. Первый период (1920-1928 гг.) – период, когда ЦСУ проводило специальные выборочные обследования питания городского и сельского населения. Для второго периода (с начала 1930-х годов) характерны систематические вы-

борочные обследования семейных бюджетов рабочих, ИТР, служащих и колхозников, в которых проблема питания занимает одно из важнейших мест [8, С. 6].

До перестройки данные бюджетных обследований не подвергались критике и считались достоверными (конечно, насколько это возможно при применении выборочного метода). Однако в дальнейшем важной особенностью отечественной историографии стала критика достоверности и полноты данных официальной советской статистики [4, С. 44]. Наиболее известна критическая статья В.И. Селюнина и Г.И. Ханина «Лукавая цифра» [18, С. 181-201], в которой авторы открыли дорогу для критики советской статистики. Однако о статистике бюджетов населения в статье ничего не говорится, речь идет о регулярных приписках и неверных расчетах в других областях народного хозяйства. Как правило, вполне справедливо критикуется Всесоюзная перепись 1939 г., которая фальсифицировала численность и темпы естественного прироста населения [3, С. 29].

Говоря о статистических данных бюджетных обследований 1930-х гг., Е.Д. Твердюкова приходит к выводу, что «в совокупности они дают правильное представление о динамике (курсив мой. – С.К.) доходов и расходов населения, уровне и структуре потребления различных групп трудящихся» [23, С. 369], хотя сделать однозначный вывод о степени достоверности данных пока нельзя. При этом исследовательница отмечает, что при проведении обследований «вряд ли речь шла о сознательном завышении показателей уровня жизни трудящихся» [23, С. 368], поскольку руководство было заинтересовано в максимальном учете доходов населения. В пользу этого утверждения говорит то, что наибольшие замечания вызывало заполнение приходных листов и недоучет как денежных, так и натуральных поступлений в семьи рабочих.

Продолжаются также попытки осмысления благосостояния населения. С.А. Нефедов приходит к выводу, что, несмотря на кризис 1933 г., унесший жизни примерно 6 млн человек, имело место падение потребления, но в целом потребление оставалось на более высоком уровне, чем до революции [10, С. 381]. Калорийность питания до 1917 г. оценена автором в 2200-2300 ккал в сутки. Душевое потребление пищевых продуктов уменьшилось с 2900 ккал в период нэпа до 2650 ккал в сутки в конце 1930-х и было обусловлено в основном ростом населения. Таким образом, в СССР наблюдались те же мальтузианские закономерности, что и в России XIX в. [10, С. 380-381]. Иначе оценивает дореволюционное потребление Б.Н. Миронов — 2952 ккал для крестьян и 2677 ккал для горожан [9, С. 352, 370]. Вопрос о калорийности питания поднимался также в зарубежной историографии: в 1895-1910 гг. она составляла 2100 ккал в день, перед Первой мировой войной — 2500 ккал, в 1929 г. — 2030 ккал, в конце

1930-х — 2900 ккал [1, С. 183-184]. Однако данные Аллена были оспорены в отечественной историографии и требуют корректировок [10, С. 60, 349-350]. Существенные расхождения в приведенных данных объясняется тем, что авторы использовали в своих работах разные методы. Также материалы бюджетных обследований о потреблении рабочих в 1932-1935 гг. приводятся в работе Е.А. Осокиной [12, С. 401], но автором не предпринята попытка оценки калорийности питания.

Данные бюджетных обследований перечисляют расширенную номенклатуру продуктов питания: мука ржаная и пшеничная, хлеб ржаной и пшеничный, крупа и бобовые, макароны, картофель, овощи, бахчевые, фрукты и ягоды, молоко (в литрах), масло животное, прочие молочные продукты, мясо (с подразделением на говядину, баранину, свинину и колбасные изделия), сало, рыба, масло растительное и маргарин, сахар, кондитерские изделия, яйца (в штуках) [14, Л. 11], [15, Л. 46]. Приводятся данные о потреблении вина, спиртоводочных изделий и пива в литрах. Перечень продуктов питания нуждался в группировке, то есть в пересчете в исходный продукт с опорой на применяемые ЦСУ коэффициенты: для пересчета ржаной муки в хлеб 1,4; пшеничной муки - 1,3; молочных продуктов (кроме масла) в молоко - 9 [15, Л. 46]. Группы овощей и бахчевых были объединены, молоко и яйца пересчитаны в килограммы (для молока коэффициент 1,03; вес 1 яйца принят за 50 г); кондитерские изделия пересчитаны в чистый сахар по коэффициенту 0,75. Необходимо было также вычесть из данных % несъедобной части («отбросы»): для крупы и бобовых - 10%, для картофеля - 25%, овощей и бахчевых - 15%, фруктов и ягод - 10%, мяса - 15%, рыбы - 35%, яиц - 12%. Также в РГАЭ удалось обнаружить материалы о потреблении продуктов питания в семьях инженерно-технических работников (ИТР) и служащих [15, Л. 47-48].

В данных бюджетных обследований 1930-х гг. нет указаний на калорийность. Известно, что при расчете калорийности в 1920-е гг. применялись таблицы калорийности, разработанные ЦСУ [11]. Эти данные до сих пор используются в работах историков [10, С. 21-22], однако они были пересмотрены уже в начале 1930-х и в научной литературе отмечался факт невозможности их применения для расчетов [2, С. 6]. Нами за основу были взяты другие данные о калорийности продуктов, учитывающие количество «усвояемых элементов и их калорийность» в чистом продукте, то есть в продукте «без отбросов и отходов» [2, С. 11, 13, 15, 17, 19, 21, 23, 28, 29, 31].

С опорой на эти данные была рассчитана калорийность питания рабочих (1932-1942 гг.), ИТР, служащих (1934-1940 гг.) и колхозников (1933-1934 гг.). Полученные результаты были объединены с расчетами других историков за более ранние периоды и статистическими материалами за 1920-е гг. Это позволило составить сравнительные таблицы калорийности питания за

длительный период времени, охватывающий около 40 лет.

Таблица 1. Количество усваиваемых калорий на 100 г чистого продукта.

Мука ржаная	299,4	Молоко	65,5
Мука пшеничная	328,8	Мясо	201
Крупа и бобовые	311,6	Сало	829
Макароны	346,2	Рыба	198,6
Картофель	83,6	Масло растительное	865,8
Овощи и бахчевые	22,9	Сахар	388,6
Фрукты и ягоды	45,5	Яйца	159,1
Масло животное	787,4		

Источник: Составлено автором на основании [2, С. 11, 13, 15, 17, 19, 21, 23, 28, 29, 31].

Нередко в литературе среднестатистические показатели потребления при применении специальных коэффициентов пересчета приводятся в расчете на взрослого трудоспособного мужчину (для исследуемого периода, как правило, 16-59 лет), так называемого полного едока или полного потребителя. В специальной литературе разрабатывались подобные коэффициенты, исходя из тяжести труда различных профессий. Выделялось, как правило, 4 профессиональные группы. Служащие различных учреждений, инженеры, врачи, педагоги ученые и др. относились к 1 группе, которой требовалось 3000–3200 ккал в день. Лица, занимающиеся физическим трудом средней тяжести (большинство рабочих), относились к 3 группе (4000 ккал). Сельскохозяйственным рабочим, к которым относятся и колхозники, в сутки требовалось около 4000-4100 [5, С. 239], [24, С. 36] калорий для поддержания пищевого статуса, а при выполнении определенного вида работ (пахота плугом, косьба косой, вязка снопов, скирдование, посадка овощей и т.п.) 4500-4600 калорий [24, С. 36].

Коэффициентом пересчета потребления продуктов питания из среднестатистического показателя для 1 группы (ИТР и служащие) является 1,08; для рабочих (преимущественно 3 группа) — 1,44 [17, С. 24]. В соответствии с этими коэффициентами была установлена калорийность питания рабочих, ИТР и служащих в 1930-е гг. Результаты расчетов представлены в таблице. Для расчета дореволюционного потребления на полного едока также применялся коэффициент 1,44; калорийность питания за 1920-е гг. в статистических сборниках ЦСУ уже приводилась в пересчете на полного потребителя, поэтому данные взяты без изменений.

Таблица 2. Калорийность питания населения (ккал на 1 полного едока в день).

Год		Рабочие	ИТР	Служащие	Крестьяне/ Колхозники
Аллен, 1895–1914		3024–3600			
Миронов, 1900–1916		3748*			4133**
Нефедов, 1901–1914		3168–3312			
1918/1919	март–апрель	2268	...	2439	...
	июль	2517	...	2553	...
1919/1920	декабрь	2840	...	2739	...
	январь–февраль	...	...	...	3594***
1920/1921	май	2786	...	2513	...
	октябрь	2783	...	2679	...
	ноябрь	...	...	...	3493***
	февраль	...	...	...	3285***
1921/1922	апрель	2391	...	2357	...
	сентябрь	2621	...	2498	...
	октябрь	...	...	...	3294***
	февраль	2461	...	2481	2811***
1922/1923	лето	...	...	...	1903***
	октябрь	3193	...	2968	3875***
1923/1924	февраль	3247	...	3071	3769***
	февраль	3330	...	3096	3985***
1924/1925	июнь	...	...	...	4122***
	октябрь	3422	...	3160	4246***
	февраль	3273	...	3065	4004***
1925/1926	июнь	3353	...	3152	4026***
	октябрь	3444	...	3193	4151***
	февраль	3445	...	3229	4119***
1926/1927	октябрь	3460	...	3281	4231***
	февраль	3397	...	3228	4075***
1927/1928	октябрь	3448	...	3246	4184***
1932		3130	...	...	...
1933		3126	...	...	2783
1934		3447	2811	2212	3186
1935		3646	2880	...	...

1936	3831	2845	...	...
1937	3889	2867	...	3640
1938	3871	2862	...	3754
1939	3789	2901	2596	3669
1940	3726	2825	2518	3534
1941	3605	...	...	...
1942	3295	...	...	...
Норма потребления	3600–4000	3000–3200	3000–3200	4000–4100

* Для городского населения

** 1896–1915 гг.

*** Сельское население

Источник: Составлено автором на основании [2, С. 183-184], [5, С. 239], [9, С. 351, 370], [10, С. 337], [14, Л. 115], [15, Л. 46-48], [16, Л. 90], [17, С. 24], [19, С. 43, 46-47, 55, 67, 79, 103], [20, С. 45, 73], [21, С. 62, 63, 64, 72], [22, С. 848-849, 854-855], [24, С. 36].

Из данной таблицы, раскрывающей динамику потребления и калорийности продуктов питания, можно сделать несколько выводов.

Калорийность питания рабочих стремилась к увеличению в течение 1920-1930-х гг. Адекватным (то есть достаточным по калорийности) питание рабочих стало только во второй половине 1930-х гг. По сравнению с дореволюционным периодом существенного увеличения калорийности не наблюдалось. Ситуация начала меняться лишь после проведения коллективизации, которая привела к перераспределению ресурсов между крестьянством и государством в пользу последнего [10, С. 379].

Наглядно подтвердилась мысль о том, что именно крестьянство заплатило за проведение индустриализации, причем уровень потребления колхозников в конце 1930-х даже близко не приближался к калорийности времен нэпа. В результате проведенных в стране преобразований сложилась ситуация, при которой колхозное крестьянство всегда недоедало. По сравнению со временами голода 1932-1933 гг. питание крестьян, конечно, улучшилось, но в предвоенные годы уже никогда не достигало показателей времен нэпа и, если взять за основу данные Б.Н. Миронова, дореволюционного периода. Если же сравнить потребление крестьян с дореволюционным потреблением по данным Аллена и Нефедова, то прогресс за 20-30 лет не будет слишком впечатляющим. Е.А. Осокина справедливо говорит об относительности улучшения потребления к концу 1930-х: «когда люди, жившие в то время, говорят о благополучии и даже предвоенном изобилии, то сравнивают положение не с <...> потребительским рынком цар-

ской России и даже не с рынком периода нэпа, а с голодом и нищетой начала 1930-х» [12, С. 329]. Это утверждение очень точно описывает положение колхозного крестьянства. Однако оно не совсем применимо для оценки уровня питания рабочих, поскольку их потребление возросло, хотя влияние кризиса 1932–1933 гг. имело место.

Ситуация с питанием ИТР и служащих складывалась примерно тем же образом, что и с крестьянством. В 1920-е гг., когда ЦСУ наладило исследования бюджетов служащих, их потребление непрерывно возросло (с 2500 ккал в сутки в 1918/1919 гг. до 3200 ккал в 1927 г.). В конце периода нэпа служащие получали достаточное по калорийности питание, однако ситуация изменилась в 1930-е, когда потребление служащих резко сократилось и питание стало отличаться недостаточной калорийностью. Положение ИТР было более стабильным, поскольку калорийность их питания была выше и стабильнее, хотя и недостаточной. На рубеже 1920-1930-х гг. произошло изменение иерархии потребления, которое заключалось в перераспределении продовольственных ресурсов из деревни в город и улучшении питания рабочих, что отвечало социальной политике советского государства и потребностям индустриализации. До конца 1920-х гг. наблюдался порядок, сложившийся еще в дореволюционной России: питание в деревне отличалось большей калорийностью, а в городе было более-менее однородно.

Важно отметить, что в отношении крестьянства давно принят тезис о том, что оно «заплатило» за индустриализацию, однако приведенные данные говорят также о том, что одними из «плательщиков» было также население городов, не относящееся к рабочим (т.е. ИТР и в большей степени служащие). К служащим относились работники, занятые преимущественно нефизическим, умственным трудом (врачи, учителя, педагоги, библиотекари и т.д.). Вывод о неудовлетворительном питании служащих подтверждается источниками личного происхождения. А.Г. Маньков, работавший в 1934 г. библиотекарем, отмечал в дневнике, что наиболее частыми продуктами питания в рационе его семьи были щи, «гнилая свежая картошка», огурцы, а про недостаток мяса было сказано так: «хочешь, субчик, мяса — пососи собственный палец. Он тоже из мяса!» [6, С. 158].

Таким образом, за 20 лет, прошедших после революции 1917 г. не было достигнуто каких-либо важных изменений в качестве питания населения. Калорийность увеличилась только у рабочих промышленности, у крестьянства и служащих она росла в течение 1920-х гг., но значительно снизилась в 1930-е в связи с проведением коллективизации и индустриализации. Одним из важных изменений после проведения коллективизации стало изменение структуры потребления хлебных продуктов и существенное увеличение доли пшеничного хлеба в рационе рабочих. Государство смогло

обеспечить «авангард» общества — рабочий класс необходимым количеством продуктов питания, калорийность которых стала отвечать потребностям организма. Одновременно с этим происходило уменьшение калорийности питания крестьян и служащих. Можно заключить, что советское общество было социально неоднородным и в 1920-х гг. (сельское население питалось лучше, чем городское), и в 1930-х, когда ситуация с потреблением изменилась на 180° (рабочие стали питаться лучше крестьянства и служащих, которым не хватало калорийности питания для выполнения работы). Существенного прогресса в увеличении калорийности за 20 лет, прошедших после революции, не наблюдается.

Библиографический список:

1. Аллен Р.С. От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции / пер. с англ. Е. Володиной. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 390 с.
2. Булавинцов А.И. Пищевые продукты СССР (таблицы химического состава и калорийности) с приложением таблицы замен продовольственных продуктов / с предисловием проф. Г.С. Беленького; Ленинградский научно-исследовательский институт общественного питания. 2-е изд., испр. – Л.: обл. отдел изд-ва «За пищевую индустрию», 1933. 35 с.
3. Вербицкая О.М. Население российской деревни в 1939-1959 гг.: проблемы демографического развития. – М.: ИРИ, 2002. 318 с.
4. Клинова М.А. Уровень жизни городского населения РСФСР (1946–1991 гг.) в отечественной историографии. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2014. 353 с.
5. Кузнецова Н.П., Кириченко Н.Я. Об определении научно обоснованных потребностей населения в продуктах питания // Методологические вопросы изучения уровня жизни трудящихся / ред. И.Ю. Писарев. Вып. 2. – М.: Соцэкгиз, 1962. С. 238-260.
6. Маньков А.Г. Дневники тридцатых годов. – СПб.: Издательство «Европейский Дом», 2001. 320 с.
7. Матюха И.Я. Статистика бюджетов населения. – Статистика, 1967. 248 с.
8. Матюха И.Я. Выборочные обследования питания населения. Ч. 1. / ЦСУ при Совете Министров СССР. Международный семинар для стипендиатов ФАО на тему «Методы расчетов потребления пищевых продуктов в домашнем хозяйстве». Июль-август 1969 г. – М.: 1969. 32 с.
9. Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Весь Мир, 2012. 844 с.
10. Нефедов С.А. Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900-1940 годах. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 432 с.
11. Труды Центрального статистического управления / Подотдел нормативных изысканий в области сельского хозяйства. Т. XXII. Вып. 1 / Нормальный состав и пищевое значение продовольственных продуктов. – М.: 1925. 44, 162 с.
12. Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. 424 с.
13. Российский государственный архив экономики (далее – РГЭАЭ). Ф. 1562. Оп. 3. Д. 776.
14. РГЭАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 1445.
15. РГЭАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 1119.
16. РГЭАЭ. Ф. 1562. Оп. 77. Д. 5а.
17. Руководство по изучению питания и здоровья населения / под ред. чл. кор. АМН СССР проф. А.А. Покровского. – М.: Медицина, 1964. 280 с.
18. Селюнин В.И., Ханин Г.И. Лукавая цифра // Новый мир. 1987. № 2. С. 181-201.
19. Труды Центрального статистического управления / Отдел статистики потребления. Т. XXX. Вып. 1 / Состояние питания городского населения СССР 1919-1924 г.: (по данным периодических обследований питания населения, производимых Отделом Статистики Потребления ЦСУ). – М.: ЦСУ, 1926. 274 с.
20. Труды Центрального статистического управления / Отдел баланса сельского хозяйства. Т. XXX. Вып. 5 / Состояние питания городского населения СССР в 1925-26 сельскохозяйственном году: (по предварительным данным обследований питания городского населения, произведенных Отделом Статистики Потребления ЦСУ в октябре 1925 года и феврале 1926 года). – М.: 1927. 93 с.
21. Труды Центрального статистического управления / Секция баланса сельского хозяйства. Т. XXX. Вып. 2 / Состояние питания сельского населения СССР. 1920-1924 гг.: (по данным периодических обследований)

- дований питания населения, произведенных б. Отделом Статистики Потребления ЦСУ). – М.: 1928. 174 с.
22. Статистический справочник СССР за 1928 / Центральное статистическое управление. – М.: Статистическое издательство ЦСУ СССР, 1929. VI. 958 с.
23. Твердюкова Е.Д. Материалы бюджетных обследований рабочих и служащих в СССР в 1930-е годы: вопросы источниковедческого анализа // Россия в XX веке: проблемы политической, экономической и социальной истории: Сб. статей / под ред. М.В. Ходякова. – СПб.: 2008. С. 359-371.
24. Шнирлин Ю.Л. Научно обоснованные нормы потребления. – М.: Высш. школа, 1961. 78 с.

Reference

- Allen R.S. From farm to factory: a new interpretation of the Soviet industrial revolution / trans. from English by E. Volodina. – M.: Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2013. 390 p.
- Bulavintsov A.I. Food products of the USSR (tables of chemical composition and calorific content) with an appendix of a table of substitutions of food products / with a preface by prof. G.S. Belenky; Leningrad Research Institute of Public Catering. 2nd ed., corrected. – L.: regional department of the publishing house "For the food industry", 1933. 35 p.
- Verbitskaya O.M. Population of the Russian village in 1939-1959: problems of demographic development. – M.: IRI, 2002. 318 p.
- Klinova M.A. Standard of Living of the Urban Population of the RSFSR (1946–1991) in Russian Historiography. – Yekaterinburg: Publishing House of the Ural State Economic University, 2014. 353 p.
- Kuznetsova N.P., Kirichenko N.Ya. On Determining Scientifically Substantiated Needs of the Population for Food Products // Methodological Issues in Studying the Standard of Living of Workers / ed. I.Yu. Pisarev. Issue 2. – Moscow: Sotsekgiz, 1962. P. 238-260.
- Mankov A.G. Diaries of the Thirties. – St. Petersburg: European House Publishing House, 2001. 320 p.
- Matyukha I.Ya. Statistics of Population Budgets. – Statistics, 1967. 248 p.
- Matyukha I.Ya. Sample surveys of population nutrition. Part 1. / Central Statistical Office under the Council of Ministers of the USSR. International seminar for FAO fellows on the topic "Methods of calculating food consumption in the household". July-August 1969. – M.: 1969. 32 p.
- Mironov B.N. Population welfare and revolutions in imperial Russia: XVIII – early XX centuries. 2nd ed., corrected. and add. – M.: Ves Mir, 2012. 844 p.
- Nefedov S.A. Standard of living of the population and agrarian development of Russia in 1900-1940. – M.: Publishing house "Delo" RANEP, 2020. 432 p.
- Works of the Central Statistical Office / Subdepartment of regulatory research in the field of agriculture. Vol. XXII. Iss. 1 / Normal composition and nutritional value of food products. – M.: 1925. 44, 162 p.
- Osokina E. Behind the facade of "Stalin's abundance": Distribution and market in supplying the population during the years of industrialization. 1927-1941. – M.: New Literary Review, 2022. 424 p.
- Russian State Archive of Economics (hereinafter - RGAE). F. 1562. Op. 3. D. 776.
- RGAE. F. 1562. Op. 15. D. 1445.
- RGAE. F. 1562. Op. 15. D. 1119.
- RGAE. F. 1562. Op. 77. D. 5a.
- Guide to the Study of Nutrition and Health of the Population / edited by Corresponding Member of the USSR Academy of Medical Sciences, prof. A. A. Pokrovsky. – M.: Meditsina, 1964. 280 p.
- Selyunin V.I., Khanin G.I. The Crafty Number // Novy Mir. 1987. № 2. P. 181-201.
- Works of the Central Statistical Administration / Department of Consumption Statistics. Vol. XXX. Issue 1 / Nutritional Status of the Urban Population of the USSR in 1919-1924: (based on data from periodic surveys of population nutrition conducted by the Department of Consumption Statistics of the Central Statistical Administration). – M.: TsSU, 1926. 274 p.
- Works of the Central Statistical Administration / Department of Agricultural Balance. Vol. XXX. Issue 5 / The nutritional status of the urban population of the USSR in the 1925-26 agricultural year: (based on preliminary data from surveys of the nutrition of the urban population, conducted by the Department of Consumption Statistics of the Central Statistical Administration in October 1925 and February 1926). – M.: 1927. 93 p.
- Works of the Central Statistical Administration / Section of the balance of agriculture. Vol. XXX. Issue. 2 / The nutritional status of the rural population of the USSR. 1920-1924: (based on data from periodic surveys of the nutrition of the population, conducted by the former Department of Consumption Statistics of the Central Statistical Administration). – M.: 1928. 174 p.
- Statistical Handbook of the USSR for 1928 / Central Statistical Administration. – M.: Statistical Publishing House of the Central Statistical Administration of the USSR, 1929. VI. 958 p.
- Tverdyukova E.D. Materials of budget surveys of workers and employees in the USSR in the 1930s: issues of source analysis // Russia in the 20th century: problems of political, economic and social history: Collection of articles / edited by M.V. Khodyakov. – St. Petersburg: 2008. P. 359-371.
- Shnirlin Yu.L. Scientifically substantiated consumption standards. - Moscow: Higher. school, 1961. 78 p.

Ли Цзэлинь

Маистр. Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова.

Русская журналистика эпохи декабристского движения*

Аннотация. В данной статье анализируется такой интересный и малоизученный период в истории русской журналистики, как издательская деятельность участников декабристского движения, передовые идеи которых облекались в форму журнальной публицистики. В статье раскрывается структура и содержание четырех журналов, создаваемых будущими декабристами, - «Соревнователя просвещения и благотворения», «Невского зрителя», «Мнемозины» и «Полярной звезды». Автор статьи приходит к выводу, что все эти журналы пропагандировали революционно-освободительную программу декабристов и сочувствующих им литературных деятелей той эпохи. Отличительной чертой этих четырех журналов является упор на национальную литературу России, насыщенную высоким гражданским пафосом, а также на острую критику само держания и политического режима.

Ключевые слова: декабристы, издательская деятельность декабристов, тайные общества, цензура, альманах «Полярная звезда».

Li Zelin

Master. Lomonosov Moscow State University.

Russian journalism of the Decembrist movement era

Abstract. This article analyzes such an interesting and little-studied period in the history of Russian journalism as the publishing activity of the Decembrists' movement participants, whose advanced ideas were put in the form of journalistic journalism. The article reveals the structure and content of four journals created by the future Decembrists - "Competitor of Enlightenment and Beneficence", "Nevsky Spectator", "Mnemosina" and "Polar Star". The author of the article concludes that all these journals promoted the revolutionary and liberation program of the Decembrists and the literary figures of that epoch sympathetic to them. The distinctive feature of these four journals is the emphasis on the national literature of Russia, saturated with high civil pathos, as well as a sharp criticism of the self-power and political regime.

Key words: Decembrists, Decembrists' publishing activities, secret societies, censorship, Polar Star almanac.

---

* © Ли Цзэлинь, 2024.

Процесс социально-политического переустройства Российской империи прошел ряд этапов и периодов развития. На наш взгляд, особое место в этом процессе занимает движение декабристов, «политические идеи и революционное мировоззрение которых были направлены на коренное преобразование общества, что нашло отражение в разработанных ими программных документах и в выпускаемых ими памфлетах, листовках, журналах» [3, с. 81].

О декабристах, как отмечает Г. Олтаржевский, написаны сотни исторических монографий, изданы тысячи литературных произведений и целые тома исследований, в которых подробно и поэтапно описан ход событий, произошедших на Сенатской площади Санкт-Петербурга 14 (26) декабря 1825 года. Когда был снят гриф «секретно» со многих документов того времени, были опубликованы материалы следствия, раскрывшие нам с неожиданной стороны участников декабристского движения, а чуть позже — воспоминания тех, кому удалось вернуться с сибирской ссылки» [4]. Но чем дальше мы погружаемся в историю декабристского движения, тем больше нас интересуют некоторые аспекты жизни и деятельности этих «первых русских революционеров», как называли их советские историки, хотя в дореволюционной России, а именно — в кругах приближенных к самодержавной власти, за ними закрепилась слава «заговорщиков», желавших смерти императору и мечтавших скинуть оковы рабства с русского народа.

Важной особенностью декабристского движения было то, что его участники частью организованной революционной борьбы стали рассматривать слово. В созданных ими тайных обществах («Союза благоденствия», «Союза спасения»), как и в легальных литературных объединениях («Арзамас», «Зеленая лампа») журналистика играла существенную роль, наряду с литературной деятельностью.

Следует отметить, что после Отечественной войны 1812 года развитие периодической печати в России было крайне неблагоприятным. Хотя и наметились некоторые подвижки в области журнально-издательской деятельности, но по сравнению с первым десятилетием XIX века, когда в стране функционировало около 77 периодических изданий, состояние журналистики было весьма плачевным. В первую очередь, активизировалась цензура. За благонадежностью и «нравственностью» выходящих в свет газетах и журналах следила полиция. Но, несмотря на реакцию, только в одном Петербурге выходило 30 новых изданий, некоторые из которых оставили яркий след в истории журналистики. Среди них — «Дух журналов, или Собрание всего, что есть лучшего и любопытнейшего во всех других журналах, по части истории политики, государственного хозяйства, литературы, разных искусств, сельского домоводства и проч.» и «Вестник Европы», стоявшие на либерально-дворянских позициях, литературный журнал «Отечественные записки», исторический и политический журнал

«Сын Отечества», газета «Русский инвалид», на страницах которых находили яркое выражение идеи гражданского патриотизма. С началом деятельности будущих декабристов началось передовое направление в развитии русской журналистики.

Мысль о выпуске передового по тем временам издания родилась у К.Ф. Рылеева и братьев Бестужевых. В журнале под названием «Зимцерла» они планировали создать такие отделы, как «Отечественная и иностранная история», «Военные и гражданские науки», «Литературная критика», «Проза и поэзия». К сожалению, выпуск этого издания цензурным комитетом, напуганным широтой вопросов, которые собирался освещать А. Бестужев, а также молодостью и, как сказали в комитете, неопытностью издателя (на самом деле, петербургской полиции были хорошо известны его «свободолюбивые» взгляды), не был одобрен, но уже сама программа этого грандиозного по своим масштабам, хоть и неосуществившегося, замысла впечатляет [1].

Журналистская деятельность будущих декабристов начинается с организации в 1816 году группой прогрессивно настроенных поэтов и писателей в «Вольного общества соревнователей просвещения и благотворения», позже переименованного в «Вольное общество любителей русской словесности». В качестве своей главной задачи «Вольное общество» ставило «порождение охоты к взаимному сообщению полезных мыслей, познанию гражданских обязанностей и любви к Отечеству». Подобная задача в полной мере была реализована в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения», который стал выходить с 1818 года [1].

Тематика вышеупомянутого журнала была довольно разнообразна: заметки по истории России, биографии знаменитых граждан Российской империи, географические очерки (описание стран, земель и народов), описание изобретений и открытий, статьи по древней и новой словесности. Последнему направлению журнал «Соревнователь» отводил много места: в нем печатались поэтические произведения К.Ф. Рылеева, В.К. Кюхельбекера, Ф. Глинки, А. Бестужева и других представителей передовых литературных кругов России. Вместе с тем журнал старался воспитывать своих читателей, публикуя статьи о героическом прошлом русского народа, в первую очередь приводя примеры из недавней истории (страницы Отечественной войны 1812 года регулярно комментировались редколлегией издания и сторонними журналистами — поэтами и писателями) [2].

Члены «Вольного общества» стремились придать «Соревнователю» энциклопедический характер. Публикуя разнообразные по форме и содержанию материалы, которые распределялись по четырем постоянным разделам («Науки и художества», «Изящная проза», «Стихотворения», «Смесь»), они надеялись увлечь читателя, но получалось у них плохо. И в результате тираж журнала не превышал 500 экземпляров. По мнению Л.И. Рублевой,

«успе_ху «Соревнователя» мешало отсутствие политической информации и меньшее, по сравнению, например, с «Сыном Отечества», внимание к вопросам литературной критики» [5, с. 203]. Но, на самом деле, это не совсем так. Так, в восьмой книге журнала была напечатана интересная статья под названием «Сравнение старой истории и новой», отражающая политические взгляды декабристов. Конечно, информация автора статьи была завуалирована. Размышляя о переворотах и революциях, которых в мировой истории было немало, автор статьи связывает с экономическим и политическим положением в современной ему России, делая вывод, что рано или поздно в России произойдет революция, которая изменит «жизнь к лучшему».

Общественно-политические идеалы декабристов достаточно ярко отразились и в другом издании «Вольного общества», которое называлось «Невский зритель». По своему содержанию, а также по значению затрагиваемых журналом проблем «Невский зритель» ближе к «Соревнователю». В каждом его номере обязательно была опубликована историко-политическая статья, хотя «из-за цензуры статьи писались не о России, а применительно к ней» [Есин, с. 28], печатались в «Соревнователе» и статьи на экономическую тематику, в которых «в завуалированной форме говорилось о необходимости освобождения крестьян, выдвигалось требование развития образования, поддержки отечественной торговли и промышленности» [2, с. 28-29].

Идеи гражданского патриотизма на страницах журнала облекались в поэтическую форму, предоставляя слово А.С. Пушкину, К.Ф. Рылеву, В.К. Кюхельбекеру. Но вместе с тем в журнале достаточно отчетливо звучат и конституционно-монархические мотивы. В ряде статей явственно проскальзывает попытка доказать, что конституционная монархия является едва ли не лучшим порядком для России. Эта мысль проскальзывает в статьях, авторами которых являются представители умеренного крыла декабристов, среди которых был, например Никита Муравьев [5].

В 1824 году В.К. Кюхельбекер и А.И. Одоевский начали выпуск еще одного журнала - «Мнемозина», целью которого было, как отмечали издатели в анонсе, «удовлетворение разнообразным вкусом читателей». Издатели также подчеркивали, что в журнале будут выходить только оригинальные произведения, а не переводы. Кроме литературных новинок и литературно-критических статей, «Мнемозина» печатала статьи философской проблематики. Так, на страницах журнала печатались рассуждения на тему немецкой классической философии [1].

За два года до декабрьского восстания, в 1823 году, К.Ф. Рылеев и А. Бестужев приступили к изданию ежегодного литературно-художественного и общественно-политического альманаха «Полярная звезда», который считается самым лучшим и самобытным журналом декабристов.

Выпуск альманаха не являлся простым возвращением к практике конца XVIII века, когда было особенно распространено издание таких ежегодников. В «Полярной звезде», кроме литературных и литературно-критических материалов, публиковались статьи на историческую тематику, большое внимание уделялось публицистике. «Полярная звезда», как и другие издания декабристов, распространяла и популяризировала революционные идеи, будила общественную мысль, звала к свободе, призывала к неповиновению властям. Учитывая политический подтекст, который мог привести к закрытию журнала, издатели стали выпускать его «карманный» формат в одну восьмую листа.

Уже первая книжка альманаха имела огромный успех, что привело издателей к финансовому благополучию и позволило им заплатить гонорары авторам журнала (публицисты и литераторы, писавшие для «Соревнователя» и «Невского зрителя», зачастую работали бесплатно) [2].

Именно «Полярная звезда» впервые нашла такую удачную форму литературно-критической статьи, как ежегодное обозрение. Альманах обычно открывался обзорной статьей Александра Бестужева, которая давала оценку развития русской литературы за последний год, определяла все новые тенденции развития литературного творчества, намечала пути его дальнейшего движения [1]. Примечательно то, что читатели могли в такого рода обзорах найти многозначительные намеки, связанные с деятельностью тайных обществ, с началом революционного движения, организатором которого были декабристы [2].

Как литературный орган, «Полярная звезда», прежде всего, утверждала национальный характер русской литературы. На страницах издания почти не встречается переводов модных зарубежных романов, которыми пестрела вся дворянская периодика того времени. Альманах отдает предпочтение произведениям русских поэтов и писателей — А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, И.А. Крылова, В.А. Жуковского, А.А. Бестужева-Марлинского. Так, например, в «Полярной звезде» печатаются отрывки из поэм А.С. Пушкина «Цыганы» и «Братья-разбойники», исторические романы А.А. Бестужева-Марлинского «Роман и Ольга», «Изменник» и др. [1].

В свет вышло три выпуска «Полярной звезды» - за 1823, 1824 и 1825 годы. Накануне событий 14 декабря 1825 года к печати был подготовлен новый, четвертый, выпуск альманаха под несколько измененным названием - «Звездочка», в который вошли третья глава «Евгения Онегина» и повесть А.А. Бестужева «Кровь за кровь», а также новые стихотворения Н.М. Языкова. Однако, «звездочке» не суждено было порадовать своих читателей. События на Сенатской площади, закончившиеся кровавой расправой над участниками декабристского движения, привели к печальному концу издательскую деятельность декабристов, хотя впоследствии благородные

традиции декабристской «Полярной звезды» нашли свое отражение в первом издании вольной русской прессы за рубежом — в «Полярной звезде» А.И. Герцена и Н.П. Огарева.

Итак, в ходе подготовки к восстанию против самодержавной власти декабристы разработали целую сеть периодических изданий. Чтобы тот или иной журнал дошел до читателей, они использовали в своей публицистике исторические параллели, умело выбирали завуалированные формы подачи материала, что помогало им заострить внимание на общественно-политических вопросах своего времени. Журнально-издательская деятельность декабристов сыграла большую роль в распространении революционных идей среди передовых кругов дворянского общества, а также среди некоторых офицеров русской армии и флота.

Библиографический список:

1. Дацюк Б.Д. Журналистика времени декабристов. (1813-1825 гг.): стенограмма лекции. – М.: Издательство Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б), 1948. 16 с.
2. Есин Б.И. История русской журналистики XIX века. – М.: Издательство МГУ; «Печатные традиции», 2008. 304 с.
3. Завражин А.В. Движение декабристов и его влияние на политическое переустройство России // Вестник военного университета. 2007. № 3 (11). С. 81-89.
4. Олтаржевский Г. «Отчизны внемлем призыванье»: декабристы как зеркало русской истории // Известия. 2020. 26 декабря.
5. Рублева Л.И. История отечественной журналистики XVIII-XIX веков. – Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2012. 328 с.
6. Байханов И.Б. Формирование цифровых компетенций в условиях трансформации образовательных систем // Миссия конфессий, 2021. Т. 10. № 7 (56). С. 705-712.
7. Байханов И.Б. Геополитическая культура: как корабль ты назовешь // Миссия конфессий. 2021. Т. 10. № 5 (54). С. 519-524.
8. Байханов И.Б. Интернет, выборы и формирование электоральной культуры // Этносоциум и межнациональная культура, 2013. № 5 (59). С. 101-107.
9. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Роль некоммерческих организаций в укреплении здравоохранения и обеспечении доступности медицинской помощи // Культура Мира. 2024. Т. 12. № 37 (2). С. 14-23.
10. Рябова Е.Л. К вопросу о единстве образования и воспитания: институциональный дискурс // Казачество. 2023. № 66 (1). С. 11-18.
11. Рябова Е.Л. К юбилею известного ученого, преподавателя Надежды Ултургашевой // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 6 (168). С. 57-61.
12. Щупленков Н.О., Рябова Е.Л. Роль фактора времени в политической культуре // Культура Мира. 2022. Т. 10. № 26 (1). С. 75-86.
13. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геопсихология и геополитика цветных линий // Казачество. 2022. № 59 (2). С. 9-18.
14. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Чумаки и казаки: опыт сравнительного исследования // Казачество. 2022. № 62 (5). С. 42-50.
15. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экономическое, политическое и кросс-культурное значение отелей // Альманах Крым. 2022. № 31. С. 61-72.
16. Рябова Е.И., Рябова Е.Л. Дихотомия культуры: конфликт ценностей экологии и экономики // Альманах Крым. 2022. № 32. С. 11-19.
17. Кантаева О.В., Рябова Е.Л. Региональные аспекты реализации государственных инициатив по стимулированию активного долголетия и физической активности пожилых граждан // Альманах Крым. 2022. № 32. С. 42-51.
18. Бирюков С.В., Рябова Е.Л. Феномен лидерства в контексте современных кризисов и вызовов // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 1 (151). С. 9-19.
19. Байханов И.Б. Государственная политика как фактор развития национальной образовательной системы: базовые аспекты // Этносоциум и межнациональная культура, 2020. № 1 (139). С. 69-76.
20. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. 80-лет парад на красной площади: историко-культурный и геополитический смыслы парадов // Казачество. 2021. № 57 (7). С. 9-18.
21. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитические смыслы закрытых границ: размышления в связи с каранти-

ном // Альманах Крым. 2020. № 20. С. 11-22.

22. Рыбаков С.В., Рябова Е.Л. К вопросу об инновационном компоненте молодежной политике в Российской Федерации // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 11 (137). С. 44.

23. Сулейманова Ш.С., Рябова Е.Л. Интернет-коммуникации - современный инструмент диалога // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 3 (129). С. 9-25.

24. Байханов И.Б. Молодежь в цифровом мире: самооценка сформированности цифровых компетенций абитуриентов московских вузов // Миссия конфессий, 2021. Т. 10. № 6 (55). С. 615-623.

25. Сулейманова Ш.С., Рябова Е.Л. Интернет-коммуникации - современный инструмент диалога // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 3 (129). С. 9-25.

Reference

1. Datsyuk B.D. Journalism during the Decembrists' time. (1813-1825): lecture transcript. – M.: Publishing House of the Higher Party School under the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), 1948. 16 p.
2. Esin B.I. History of Russian journalism of the 19th century. – M.: Moscow State University Publishing House; "Printed Traditions", 2008. 304 p.
3. Zavrzhin A.V. The Decembrist movement and its influence on the political reorganization of Russia // Bulletin of the Military University. 2007. № 3 (11). P. 81-89.
4. Oltarzhovsky G. "We heed the call of the Fatherland": the Decembrists as a mirror of Russian history // Izvestia. 2020. December 26.
5. Rubleva L.I. History of Russian journalism in the 18th-19th centuries. – Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin State University Publishing House, 2012. 328 p.
6. Baykhanov I.B. Formation of digital competencies in the context of transformation of educational systems // Mission of confessions, 2021. Vol. 10. № 7 (56). P. 705-712.
7. Baykhanov I.B. Geopolitical culture: as you name the ship // Mission of confessions. 2021. Vol. 10. № 5 (54). P. 519-524.
8. Baykhanov I.B. Internet, elections and formation of electoral culture // Ethnosociety and interethnic culture, 2013. № 5 (59). P. 101-107.
9. Ryabova E.L., Chapkin N.S. The role of non-profit organizations in strengthening health care and ensuring access to medical care // Cultural World. 2024. Vol. 12. № 37 (2). P. 14-23.
10. Ryabova E.L. On the issue of the unity of education and upbringing: institutional discourse // Cossacks. 2023. № 66 (1). P. 11-18.
11. Ryabova E.L. On the anniversary of the famous scientist, teacher Nadezhda Ulturgasheva // Ethnosociety and interethnic culture. 2022. № 6 (168). P. 57-61.
12. Shchuplenkov N.O., Ryabova E.L. The role of the time factor in political culture // Culture of the World. 2022. Vol. 10. № 26 (1). P. 75-86.
13. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopsychology and geopolitics of color lines // Cossacks. 2022. № 59 (2). P. 9-18.
14. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Chumaks and Cossacks: an experience of comparative research // Cossacks. 2022. № 62 (5). P. 42-50.
15. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Economic, political and cross-cultural significance of hotels // Almanac Crimea. 2022. № 31. P. 61-72.
16. Ryabova E.L., Ryabova E.L. Dichotomy of culture: conflict of values of ecology and economics // Almanac Crimea. 2022. № 32. P. 11-19.
17. Kantaeva O.V., Ryabova E.L. Regional aspects of the implementation of state initiatives to stimulate active longevity and physical activity of older citizens // Almanac Crimea. 2022. № 32. P. 42-51.
18. Biryukov S.V., Ryabova E.L. The Phenomenon of Leadership in the Context of Modern Crises and Challenges // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2021. № 1 (151). P. 9-19.
19. Bayhanov I.B. State Policy as a Factor in the Development of the National Educational System: Basic Aspects // Ethnosociety and Interethnic Culture, 2020. № 1 (139). P. 69-76.
20. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. 80 years of the parade on Red Square: historical, cultural and geopolitical meanings of parades // Cossacks. 2021. № 57 (7). P. 9-18.
21. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitical meanings of closed borders: reflections in connection with quarantine // Almanac Crimea. 2020. № 20. P. 11-22.
22. Rybakov S.V., Ryabova E.L. On the issue of the innovative component of youth policy in the Russian Federation // Ethnosociety and interethnic culture. 2019. № 11 (137). P. 44.
23. Suleimanova Sh.S., Ryabova E.L. Internet communications - a modern tool for dialogue // Ethnosociety and interethnic culture. 2019. № 3 (129). P. 9-25.
24. Bayhanov I.B. Young People in the Digital World: Self-Assessment of the Formation of Digital Competencies of Applicants to Moscow Universities // Mission of Confessions, 2021. Vol. 10. № 6 (55). P. 615-623.
25. Suleimanova Sh.S., Ryabova E.L. Internet communications - a modern tool for dialogue // Ethnosociety and interethnic culture. 2019. № 3 (129). P. 9-25.

Муков М.И.

Аспирант, Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», г. Нальчик.

**Опыт сохранения родного языка
в абазинской диаспоре Турции***

Аннотация. В статье предпринята попытка раскрыть факторы сохранения родного языка абазинами, живущими в Турции. Абазины, обосновавшиеся в Турции, в основном, в результате массового исхода по итогам Кавказской войны 1817-1864 гг., сумели сохранить национальную идентичность и один из её маркеров – родной язык, что подтверждается российскими, абхазскими и турецкими исследователями. Различные факторы повлияли на чистоту родного языка и степень его использования, однако его роль остается очень значимой для абазинского народа.

Курс Турции на евроинтеграцию, который привёл власти к пониманию необходимости признать кавказские народы «поимённо», Грузино-абхазская война 1992-1993 годов и последовавшее международное признание государства Абхазия явились катализатором роста этнического самосознания, определившим выход из черкесских (северокавказских) организаций Турции представителей отдельных народов, и последующее создание этнических общественных структур, в том числе – абазинских. Последнее, кроме прочего, привело к активизации деятельности, направленной на сохранение и развитие родного – абазинского – языка.

Ключевые слова: Абаза, абазины, Абхазфед, Алашара, диаспора, дернек, Каф-фед, Турция, язык.

Mukov M.I.

Graduate Student, Federal State Budgetary Scientific Institution "Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Russia, Nalchik.

**Experience of preserving the native language
in the Abaza diaspora in Turkey**

Abstract. The article attempts to reveal the factors of preserving the native language of the Abazins living in Turkey. The Abazins, who settled in Turkey mainly as a result of

---

* © Муков М.И., 2024.

the mass exodus following the Caucasian War of 1817-1864, managed to preserve their national identity and one of its markers - their native language, which is confirmed by Russian, Abkhaz and Turkish researchers. Various factors influenced the purity of the native language and the degree of its use, nevertheless its role remains very significant for the Abazin people.

Turkey's course towards European integration, which led the authorities to understand the need to recognize the Caucasian peoples "by name", the Georgian-Abkhazian War of 1992-1993 and the subsequent international recognition of the state of Abkhazia were a catalyst for the growth of ethnic self-awareness, which determined the exit of representatives of individual peoples from the Circassian (North Caucasian) organizations in Turkey, and the subsequent creation of ethnic public structures, including Abazin ones. Among other things, this led to the intensification of activities aimed at preserving and developing the native Abaza language.

Key words: Abaza, Abazins, Abkhazfed, Alashara, Diaspora, Dernek, Kaffed, Türkiye, Language.

Введение

Национальный язык относится к одному из важнейших этномаркирующих признаков любого народа. Сохранение и укрепление его функции играет важную роль для народа не зависимо от места его постоянного проживания. Языковая проблема является одним из ключевых этнических маркеров, так как вместе с его исчезновением начинает вырождаться и культура, и традиции, и обычаи народа. 21 век послужил ускорению этих процессов и в настоящее время к вырождающимся языкам по данным Юнеско отнесены многие народы России и в их числе все народы Северного Кавказа, проживающие на своей исторической Родине [1, с. 137]. Не удивительно, что такая проблема возникла у народов, проживающих за пределами исконной Родины.

В настоящей статье речь пойдет о языке малочисленного абазинского народа [2, с. 7] где будет показано, что делается для сохранения родного (абазинского) языка в условиях диаспоры в Турции, где под диаспорой понимается организованная институционально совокупность этнофоров, обладающих актуализированной этнокультурной идентичностью, имеющая за пределами страны проживания свое национальное государство (или претензии на его формирование), систему внутренних и внешних связей, направленных на сохранение своей идентичности, поддержание контактов со страной исхода, «исторической родиной» [3, с. 357].

Несмотря на актуальность, тема абазинского языка не нашла должного освещения в научных исследованиях современников. К изучению проблем языка обращались Албогачиева М.С.-Г., Кармова М.Р., Пазов С.У., Харатова М.Г. и др. Однако, в этих работах нет углубленного анализа языковых

процессов, которые происходили в абазинской диаспоре Турции.

Ввиду отсутствия подобных работ, автором была предпринята попытка провести собственное исследование для выявления ключевых проблем функционирования родного языка у зарубежных абазин.

Во время работы использованы методы научного анализа и синтеза, позволяющие показать процессы повлиявшие на изменение функционирования языка и мероприятия, направленные на сохранение абазинского языка.

Основная часть

Затрагивая тему абазинской диаспоры важно отметить, что в Турции всех переселенцев из Северного Кавказа называют черкесами [4, с. 90] (этот тезис подтверждают и турецкие исследователи - Алан Абрек Кочкар, Джархит Аслан, Эмир Фатих Акбулат и др.), а абазин и абхазы, которые «... исторически совсем недавно были одним народом...», традиционно именуется турками одним общим термином абазы [5, с. 28]. Таким образом, мы сталкиваемся с проблемой, связанной с этничностью этих народов. Ввиду этого, примеры и выводы, содержащиеся в различных источниках и относящиеся к черкесской и абхазской диаспорам, могут быть применены и к диаспоре абазинской. Формирование абазинской диаспоры в Турции происходило в результате переселения. Для мухаджиров переселение стало большим испытанием. Многие погибли во время переселения от голода и болезней. Однако, эти испытания были не единственными выпавшими на их долю. Парадоксальность ситуации заключается в том, что, если на родине представителей кавказских народов, возможно, ждало уничтожение физическое, то в Турции в течение долгого времени происходило уничтожение духовное, через фактический запрет на всё «родное», в том числе – язык, как основу национальной идентичности. Законы, принимаемые турецкими властями, способствовали уничтожению языков национальных меньшинств. Хронология сложных отношений турецкого государства к вопросу сохранения родных языков национальных меньшинств определяют несколько дат [7, с. 87]:

- до 1908 года любая культурно-просветительская деятельность в среде северокавказских диаспор пресекалась турецкими властями;
- 1908 г. - победа младотурецкой революции 1908 г. сделала возможным создание обществ и школ для национальных меньшинств;
- 1923 г. - Лозаннский мирный договор лишил мусульманские национальные меньшинства Турции культурных прав, включая и возможность изучения родных языков;
- 1982 г. – Конституция страны закрепила положение, что никакой язык, кроме турецкого, не должен преподаваться в качестве родного языка

турецким гражданам в любых образовательных учебных заведениях;

– 1999 г. – путь на евроинтеграцию Турции отменил запрет на использование родных языков. Для того, чтобы обойти конституционный запрет на преподавание любых языков кроме турецкого в качестве родного языка учащихся, языки национальных меньшинств стали называться «...разные языки и диалекты турецких граждан, используемые ими традиционно в повседневной жизни». Такая перефразировка позволила расширить использование языков национальных меньшинств в различных передачах на кино и радио:

– с декабря 2002 г. на государственном радио и телевидении были решены передачи на родных языках национальных меньшинств, но только в рубриках новостей, музыки и культуры, без образовательных и детских передач;

– с января 2004 г. вещание на языках национальных меньшинств решено на частных телевизионных каналах (без показа детских мультфильмов и образовательных программ);

– в 2010 -2013 годах в трёх университетах регионов, где компактно сосредоточено население из числа выходцев из Северного Кавказа, открыто обучение на «черкесских» языка, в том числе – на абхазском (Босфорский университет в Стамбуле);

– в 2012 г. введены уроки родного языка в государственных школах по выбору учащихся (два часа в день в течении четырёх лет).

Получив определённые преференции для сохранения национальных языков, научная элита стала организовывать различные мероприятия, направленные на укрепление национальных языков. Одним из первых и значимых мероприятий того периода можно назвать Международную конференцию «Языки, находящиеся под угрозой исчезновения: Положение абхазского и адыгейского языков», организованная КАФФЕД (Федерация кавказских культурных центров) и состоявшаяся 1 июля 2006 года в Анкаре. В последующий период подобные мероприятия стали проводиться регулярно с определенной периодичностью, что послужило укреплению позиций абазинского языка. В этом ключе стала развиваться и Федерация кавказских обществ в Анкаре. В рамках проекта Европейского Союза они организовали курсы обучения преподавателей национальных языков. А в 2019 г. АНО «Международное объединение содействия развитию абазинского - абхазского этноса «Алашара» (АНО «Алашара») организовала для жителей абазинского села Акпынар (Локт) в Турции занятия по родному языку, командировав в качестве преподавателя Заура Лиева – ведущего телепрограммы на абазинском языке на ГТРК «Карачаево-Черкесия» снабдив его авторскими методическими пособиями, разработанными экспертами и сотрудниками «Алашары».

Следует отметить, что не все исследователи абсолютизируют роль языка в сохранении национальной самоидентичности: так, если Е.М. Недопекина [8, 150] указывает на исключительную, принципиальную значимость языка в образовании диаспоры, объединении ее членов, сохранении связи с исторической родиной, то Е.А. Кондрашкина считает, что «...несмотря на то, что язык является одним из базовых элементов этнической внешней идентификации и внутренней самоидентификации, он не всегда служит критерием этнической принадлежности, а исчезновение языка из самосознания человека еще не означает изменение его этнокультурных установок...» [9, с. 71]. На сохранение и развитие родного языка в диаспоре, его витальность, влияют множество факторов, среди которых исследователи выделяют, следующие:

1) численность диаспоры

Данный фактор характеризуют следующие показатели: абхазо-абазинская диаспора в Турции оценивается в 400 тысяч человек (2012 г.) [10], при этом количество абазин, проживающих в Турции, оценивается от 12 тысяч человек (2014 г.) [11, с. 147] до 400 тысяч человек [6, с. 25] (по данным, полученным от абазин Турции – информаторов автора статьи).

Качественным показателем для данного фактора выступает демографическая мощность языка, т.е. соотношение числа владеющих этим языком с числом членов соответствующей этнической группы [12]. Информация на этот счёт, содержащаяся в различных турецких источниках, очень противоречива: так, из одних материалов, основывающихся на данных Переписи населения Турции 1965 года, следует, что в 1965 году в Турции проживало 4,5 тысяч человек, назвавших абазинский язык родным (сравните с заявленной численностью «турецких» абазин от 12 до 400 тысяч человек), а в других турецких источниках, с отсылкой на проведенные полевые исследования, утверждается, что 58,2% «турецких» абазин могут понимать родной язык и говорить на нём (типичный носитель языка – «возрастной» абазин, проживающий в селе, с преимущественным абазинским населением), но если говорить о перспективе сохранения языка, то экспертные оценки, имеют, в основном, негативную коннотацию:

«...мои ровесники ... стали забывать язык. Сейчас многие из них понимают речь абазы, но изъясниться им уже сложно...» (Акусба А., глава АБХАЗФЕД (Федерация абхазских культурных центров) в Турции в 2019-2021 гг.) [13, с. 616];

«...в Турецкой Республике остались, может быть, последние поколения, полноценно владеющие абхазским языком и знающие фольклор...» (З.Д. Джапуа, фольклорист-кавказовед, президент Академии Наук Абхазии) [14];

«...через 15-20 лет на нем (на родном языке) будут говорить только пожилые люди, а еще через поколение он исчезнет окончательно...» (Топчу

(Папшу) М., Университет Окан, Стамбул) [7, с. 87].

Из всего многообразия приведённых суждений с очевидностью следует, что, как и другие языки северокавказских народов в Турции, абазинский язык постепенно теряет свои позиции, становясь уделом старших поколений и оставаясь жизнеспособным только в быту.

2) тип расселения, степень компактности проживания членов этнической группы и длительность проживания вне исконной территории

Данный фактор характеризуют исследования В.А. Чирикба, который в результате полевых экспедиций установил, что на территории Турции существуют 65 сёл, где живут абазины - носители языка, а всего абхазо-абазинских сёл – 228, расположенных в 20 провинциях государства [15, с. 440]. Необходимо отметить, что автор настоящей статьи, во время своей работы в Турции в 1995 - 2007 годы и в последующие посещения, до 2021 года включительно, дополнил список В.А. Чирикба ещё пятью абхазо-абазинскими поселениями, доведя, таким образом, их количество до 233, причём 80 из них – абазинские.

На сегодняшний день не вызывает сомнения, что компактное и обособленное проживание абхазов и абазин в Турции сыграло значительную роль в сохранении идентичности и, в первую очередь, родного языка: «... гомогенное проживание абхазов и абазин законсервировало этнические традиции, язык, фольклор, разновидность танцевальной культуры народов...» [16, с. 27]. Так, автор статьи установил, что абазины, проживающие в разных провинциях, смогли сохранить абазинский язык на уровне диалектов – ашхарского и тапантского [6, с. 25]. При этом была подтверждена закономерность, что чем больше село, чем выше степень гомогенности национального состава, тем выше языковый уровень, тем ниже граница свободного использования родного языка.

Итак, компактное проживание представителей одной этнической группы в условиях села обеспечивает положительные условия для сохранения родного языка, но миграция сельского населения в города, вкупе с другими факторами глобализации, обесценивает указанное преимущество.

3) уровень функционального и внутривидового развития языка, наличие письменности

Данный фактор характеризуется примерами сохранения и использования и развития родного языка в условиях иноязычного окружения.

Так, З.Д. Джапуа отмечает [14], что абхазы, живущие в Турции, сохранили произведения всех жанров абхазского фольклора.

Абазинский язык в Турции стал в последние десятилетия языком литературным, языком науки и образования – на родном языке пишут историк Оздемир Озбай, политолог и кавказовед Мухиттин Юнал, поэт Сефер Ажиба, адвокат и культурный деятель Орхан Боран и другие. В Турции издаются

ся пособия, призванные способствовать обучению абазинскому языку как на курсах, так и в школах.

Таким образом, несмотря на продолжающиеся процессы трансформации и деформации, абазинский язык не только сохранился, как язык устного общения, но и обрёл письменность, получил «точки роста» в литературе, науке и образовании.

4) количество коммуникативных сфер, в которых используется язык диаспоры (коммуникативная мощьность языка диаспоры)

Коммуникативную мощьность языка абхазо-абазинской диаспоры в Турции можно проиллюстрировать практикой деятельности общественных объединений и культурных центров – «дернек», работающих на их основе.

Ещё в 1912 г. абазы и черкесы в Стамбуле учредили Абхазо-черкесский комитет культурно-просветительского значения, целями которого было создание алфавитов, учебников, сбор этнографического материала, организация традиционных молений и т.п. К достижениям Комитета относится открытие в Стамбуле школы для абазы и черкесских детей [14].

В настоящее время общественной организацией, членами которой являются представители всех этнических групп выходцев с Кавказа, является Федерация Кавказских культурных центров (КАФФЕД), основанная в 2003 году, в состав которой вошли более 40 организаций [10]. Абхазы и абазы также являлись членами КАФФЕД, но проявляли определённую автономию: так, в Стамбуле и в Дюздже активно действовали независимые культурные центры абазы [13, с. 616].

В августе 2008 года инициативной группой, представляющих меньшую часть абазы дернеков, входящих в КАФФЕД, было принято решение создать собственную, абхазо-абазинскую организацию, и 4 февраля 2010 г. дернеками, вышедшими из состава КАФФЕД, было объявлено о создании общественной организации АБХАЗФЕД, в состав которой на сегодняшний день входят 17 дернеков [17, с. 28]. В планах АБХАЗФЕД – доведение количества абазы дернеков до не менее двадцати, по всей Турции, в том числе на востоке страны и на черноморском ее побережье [13, с. 616].

Членом АБХАЗФЕДА является «Кавказское Абхазское культурное общество», основанное в 1967 г. в целях организации культурно-просветительской работы с абхазами и абазинами, проживающими в Стамбуле: при организации работают курсы родного языка для детей, а начиная с 2004 года, Общество направляет группы молодежи и детей в Абхазию для изучения родного языка, обычаев и традиций. Культурные общества абазы действуют также в Анкаре, Бурсе, Болу и Дюздже.

На сегодня АБХАЗФЕД объединяет в Турции более 15 тысяч социально активных представителей абхазо-абазинского народа [17, с. 28], всячески старающихся сохранить родной язык и этническую идентичность

и осознающих глобальность вышеизложенных проблем. В этих условиях культурные центры, являющиеся местом неформального общения местного сообщества, школой, где проводятся занятия по родному языку и студией, обучающей национальным танцам и т.п., стали инструментом, позволяющим сохранять традиционную культуру народов абазы в иноэтническом окружении.

Важной коммуникативной сферой, в которых используется язык диаспоры, выступает брак. Известно, что турецкие абазы в большей своей части заключают браки среди представителей абхазов и абазин, а также убыхов и черкесов, говорящих на языках абхазо-адыгской языковой семьи, что создаёт условия для сохранения родного языка, этнических традиций, национального этикета и т.д.

Оценивая коммуникативные возможности интернета, некоторые авторы считают, что широкое использование родных языков в виртуальном пространстве также может сыграть существенную роль в развитии контактов между абазинами и абхазами всего мира, а также - в сохранении языка и культуры народов (см. М. С.-Г. Албогачиева [18] и М.Р. Кармова [19]). Как пример интернет-площадки, обеспечивающей коммуникацию абазин, проживающих в различных странах, следует назвать портал Всемирного абхазо-абазинского конгресса (ВААК) [20], публикующий материалы на абазинском, абхазском, английском, русском и турецком языках, а также – старую (многоязычную) версию сайта АНО «Международное объединение содействия развитию абазинско - абхазского этноса «Алашара» [21]. В самой же Турции в апреле 2017 г. объявил о начале своей работы интернет-канал Arga TV, вещающий на абазинском языке в формате 24/7 (программы ориентированы как на детскую, так и на взрослую аудиторию).

Таким образом, коммуникативная сфера применения абазинского языка проявляется как в традиционных формах – неформальных общественных объединениях на низовом уровне (дернеки) и в институте традиционной семьи, так и в формах современных – юридически оформленных ассоциациях, объединяющих низовые структуры, и в интернете.

5) конфессиональные характеристики диаспоры

Считается, что у мусульманских народов, для которых характерны традиции большой семьи, компактное расселение, часто отмечается более высокий уровень знания родного языка [22].

6) иные факторы витальности родных языков в условиях диаспоры

Е.А. Кондрашкина [9, с.70], по результатам изучения финно-горской диаспоры в России, выделяет факторы сохранения родного языка в диаспоре: СМИ на родном языке диаспоры; контакты с покинутой родиной в виде ее посещения.

Т.Г. Айба [16, с. 28] обратила внимание, что для членов абхазо-абазин-

ской диаспоры в Европе фактором к изучению языка, истории, культуры и традиций своего народа явились события грузино-абхазской войны 1992-1993 гг., происходившей на исторической родине.

И.Н. Белых [23] отмечает, что сохранение или утрата родных языков зависят от комплекса социолингвистических факторов, которые можно представить в виде ряда дихотомий социолингвистического характера.

Активность абазин Турции в сфере сохранения родного языка, поддержанная национальными и международными общественными объединениями, позволяет с оптимизмом смотреть в будущее сохранения и развития как абазин, так и народа Абаза в целом.

Заключение

Подводя итоги, констатируем, что абазины в Турции смогли сохранить родной язык. Можно предположить, что факторы, исторически повлиявшие на сохранение родного языка абазинами на чужбине и оказывающие влияние сегодня многообразны, проявляются в результате различных причин и в разное время раскрывают себя по-разному. Так,

– компактное расселение абазин после перемещения в Турцию, определившее необходимость совместных действия по освоению новых территорий, выстраивание социальных и экономических взаимоотношений в властями и соседями, желание сохранить культурную обособленность и этническую чистоту, несомненно сыграли определяющую роль в сохранении родного языка в прошлом, а сейчас обеспечивают возможность его бытового использования;

– государственная политика Турции долгое время являлась деструктивным фактором сохранения родных языков национальных меньшинств, в том числе - абазинского, но сегодня показывает реальные формы государственной поддержки их сохранения и развития;

– политическая активность переселенцев, ранее ярко раскрывающаяся в деятельности «кавказских» общественных организаций, направленной на защиту политических прав «черкесов», всегда сопровождалась деятельностью культурной, что сегодня, когда очевидны усилия по выделению и созданию этнических, в том числе – абазинских, общественных структур, проявляется в усилиях именно в сфере сохранения родного языка.

Очевидным является и то, что абазинский язык в Турции не только сохраняется, но и имеет «точки роста»: на абазинском языке издаются произведения абазинских писателей и поэтов, абазинский язык используется в образовании и науке, на абазинском языке ведется теле- и радиовещание, абазинский язык используется в глобальной сети интернет.

Сохранение и развитие абазинского языка в условиях диаспоры, как в Турции, так и в других странах, во всём многообразии методов, путей и

форм, представляется перспективной для науки темой и ждёт своих исследователей.

Библиографический список:

1. Албогачиева М.С.-Г. Язык как атрибут власти в контексте ингушско-русского билингвизма // Символы, атрибуты и образы власти. Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2014. С. 137-146.
2. Коренные малочисленные народы России: этнокультурные проекции / А.В. Головнев, М.С.Г. Албогачиева, С.Ю. Белорусова [и др.]; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. – СПб.: МАЭ РАН, 2022. 200 с.
3. Авдашкин А.А. Феномен диаспоры: методологические основы научного исследования // Вестник ЧелГУ. 2015. № 2 (357). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-diaspory-metodologicheskie-osnovy-nauchnogo-issledovaniya> (Дата обращения: 18.07.2024).
4. Цибенко В.В. Консолидация черкесов Турции по родовому признаку: пример ассоциации культуры и солидарности семьи Дзыбэ // Кунсткамера, 2019. № 2 (4). С. 89-96.
5. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975. 526 с.
6. Абдулаева М.И. Эмиграция горцев Восточного Кавказа в Турцию во второй половине XIX - начале XX в. (компаративный анализ) // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2020. № 79. С. 24-31.
7. Мукоев М.И. Проблема абазинской диаспоры и пути её разрешения // Кавказ: перекресток культур. Вып.3. – СПб.: МАЭ РАН, 2021. С. 85-93.
8. Толчу Папшу М. Состояние и перспективы изучения родного языка в черкесской диаспоре Турции // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. 2017. № 12 (36). С. 147-153.
9. Недопекина Е.М. Место и роль языка в образовании диаспор // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семантика. Семантика. 2011. № 1. С. 67-74.
10. Кондрашкина Е.А. Функционирование языка в условиях диаспоры. // URL: https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2009_01/2.pdf (Дата обращения: 18.07.2024).
11. Кушхабиев А.В. Проблемы становления и политизации деятельности черкесских общественных организаций в Турции // Известия КБНЦ РАН. 2012. № 2-2. С. 145-151.
12. Малые языки России. Проект Института языкознания РАН // URL: <https://minlang.iling-ran.ru/lang/abazinskiy-yazyk> (Дата обращения: 20.09.2024).
13. Виноградов В.А. Языковая ситуация // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 616-617.
14. Глава Абхазфед в Турции Атанур Акусба: вопрос стоит о сохранении нации. // URL: <https://www.abaza.org/glava-abkhazfed-v-turtsii-atanur-akusba-vopros-stoit-o-sokhraneni-natsii> (дата обращения: 20.09.2024).
15. Джанауа З. Д. Фольклорное знание абхазской диаспоры Турции: история и практика полевых исследований // Сборник научных статей «Всероссийский конгресс фольклористов». 2019. № 4. С. 439-457.
16. Чирикба В.А. Расселение абхазов и абазин в Турции // Джигетийский сборник. Вопросы этнокультурной истории Западной Абхазии или Джигетий. – Москва, 2012. Вып. 1. С. 22-96.
17. Айба Т.Г. Абхазские и абазинские культурные центры в Турции и на Ближнем Востоке // Казачество. 2022. № 65 (8). С. 27-36.
18. Атанур Акусба переизбран председателем Абхазфед в Турции (публикация от 17.11.2019). // URL: <https://www.abaza.org/atanur-akusba-pereizbran-predsedelem-abkhazfed-v-turtsii> (Дата обращения: 20.09.2024).
19. Албогачиева М.С.-Г. Опыт сохранения традиционной культуры абазинского народа // Этнография. 2022. № 3 (17). С. 33-48.
20. Кармова М.Р. Роль диаспоры в формировании этнического сознания малочисленных этносов (на примере абазинского народа) // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2019. № 2 (30). С. 100-106.
21. Всемирный абхазо-абазинский конгресс // URL: <https://abaza.org> (Дата обращения: 20.09.2024).
22. Страна Абаза // URL: <http://old.alashara.org> (Дата обращения: 20.09.2024).
23. Биткеева А.Н. Языковая адаптация диаспоры: стратегии и перспективы развития // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2018. № 3. С. 57-81.
24. Бельх И.Н. Диаспорный язык как объект социолингвистического исследования // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2019. № 4 (50). С. 172-179.

Reference

1. Albogachieva M.S.-G. Language as an attribute of power in the context of Ingush-Russian bilingualism // Symbols, attributes and images of power. St. Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography

- (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, 2014. P. 137-146.
2. Indigenous peoples of Russia: ethnocultural projections / A.V. Golovnev, M.S.G. Albogachieva, S.Yu. Belorussova [et al.]; Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences. – St. Petersburg: MAE RAS, 2022. 200 p.
  3. Avdashkin A.A. The phenomenon of diaspora: methodological foundations of scientific research // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. № 2 (357). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-diaspory-metodologicheskie-osnovy-nauchnogo-issledovaniya> (18.07.2024).
  4. Tsibenko V.V. Consolidation of the Circassians of Turkey by Genealogy: An Example of the Association of Culture and Solidarity of the Dzybe Family // Kunstkamera, 2019. № 2 (4). P. 89-96.
  5. Dzidzaria G.A. Mukhadzhirstvo and Problems of the History of Abkhazia of the 19th Century. Sukhumi, 1975. 526 p.
  6. Abdulaeva M.I. Emigration of the Highlanders of the Eastern Caucasus to Turkey in the Second Half of the 19th - Early 20th Century (Comparative Analysis) // Bulletin of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2020. № 79. P. 24-31.
  7. Mukov M.I. The problem of the Abaza diaspora and ways to resolve it // The Caucasus: Crossroads of Cultures. Issue 3. – St. Petersburg: MAE RAS, 2021. P. 85-93.
  8. Topchu Papshu M. The state and prospects of studying the native language in the Circassian diaspora in Turkey // Bulletin of Science of the Adyghe Republican Institute of Humanitarian Research named after T.M. Kerashev. 2017. № 12 (36). P. 147-153.
  9. Nedopekina E.M. The place and role of language in the formation of diasporas // Bulletin of RUDN University. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics. 2011. № 1. P. 67-74.
  10. Kondrashkina E.A. Functioning of language in the context of diaspora. // URL: https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2009_01/2.pdf (18.07.2024).
  11. Kushkhabiev A.V. Problems of formation and politicization of the activities of Circassian public organizations in Turkey // Bulletin of the KBNC RAS. 2012. № 2-2. P. 145-151.
  12. Minor languages of Russia. Project of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences // URL: <https://minlang.iling-ran.ru/lang/abazinskiy-yazyk> (20.09.2024).
  13. Vinogradov V.A. Language situation // Linguistic Encyclopedic Dictionary. – M.: Soviet Encyclopedia, 1990. P. 616-617.
  14. Head of the Abkhazfed in Turkey Atanur Akusba: the question is about preserving the nation. // URL: <https://www.abaza.org/glava-abkhazfed-v-turtsii-atanur-akusba-vopros-stoit-o-sokhraneni-natsii> (09.20.2024).
  15. Japua Z.D. Folklore knowledge of the Abkhaz diaspora in Turkey: history and practice of field research // Collection of scientific articles "All-Russian Congress of Folklorists". 2019. № 4. P. 439-457.
  16. Chirikba V.A. Settlement of Abkhazians and Abazins in Turkey // Dzhigetsky Sbornik. Issues of the Ethnocultural History of Western Abkhazia or Dzhigetia. – Moscow, 2012. Issue 1. P. 22-96.
  17. Aiba T.G. Abkhaz and Abaza Cultural Centers in Turkey and the Middle East // Cossacks. 2022. № 65 (8). P. 27-36.
  18. Atanur Akusba re-elected chairman of the Abkhazfed in Turkey (publication dated 11/17/2019). // URL: <https://www.abaza.org/atanur-akusba-pereizbran-predsedatelem-abkhazfed-v-turtsii> (09.20.2024).
  19. Albogachieva M.S.-G. Experience of preserving the traditional culture of the Abaza people // Ethnography. 2022. № 3 (17). P. 33-48.
  20. Karmova M.R. The role of the diaspora in the formation of ethnic consciousness of small ethnic groups (on the example of the Abaza people) // Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series: Philosophical Sciences. 2019. № 2 (30). P. 100-106.
  21. World Abaza-Abaza Congress // URL: <https://abaza.org> (20.09.2024).
  22. Country Abaza // URL: <http://old.alashara.org> (20.09.2024).
  23. Bitkeeva A.N. Language adaptation of the diaspora: strategies and development prospects // Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research. 2018. № 3. P. 57-81.
  24. Belykh I.N. Diaspora language as an object of sociolinguistic research // Bulletin of KSPU named after V.P. Astafiev. 2019. № 4 (50). P. 172-179.

Гелаева З.А.

Кандидат исторических наук, доцент. ФГОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова», ведущий научный сотрудник, Академия наук Чеченской республики.

Притеречье – зона чечено-русских добрососедских отношений в XVIII-XIX вв.*

Аннотация. В России, в силу того, что это-многонациональная страна, тема межнациональных отношений сохраняет свою актуальность не только в прошлом, но и в настоящем. Очень важно для сохранения мира и стабильности в многонациональных регионах страны опираться на положительные примеры прошлого, когда народы вне зависимости от проводимой властями политики сами строили свои отношения на основе жизнеутверждающих народных обычаев и традиций, которые они проносили через века. В статье показана роль чеченского Притеречья как зоны дружеских, добрососедских отношений между чеченцами и казаками, где происходило экономическое, культурное взаимообогащение и взаимовлияние соседних народов, которых разделял Терек. В своей статье мы поставили цель- показать складывание чечено-казачьего народонаселения Притеречья, примеры из истории отношений чеченцев и казаков, как народы Притеречья, опираясь на традиции куначества, гостеприимства уживались в дружбе и добрососедстве. Анализ использованных источников и литературы привел нас к выводу, что чеченцы и казаки, проживая по соседству, взаимно влияли, находясь в этнокультурных, торговых взаимоотношениях и. тд. При исследовании данной проблемы мы руководствовались методологией исторической науки, принципами объективности, историзма.

Ключевые слова: Притеречье, надтеречные чеченцы, казаки, станицы, куначество, добрососедские отношения.

Gelaeva Z.A.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Chechen State University named after A.A. Kadyrov, leading research fellow, Academy of Sciences of the Chechen Republic.

Priterechye is a zone of Chechen-Russian good-neighborly relations in the 18th-19th centuries

Abstract. In Russia, due to the fact that it is a multinational country, the topic of inter-

---

* © Гелаева З.А., 2024.

ethnic relations remains relevant not only in the past, but also in the present. It is very important to maintain peace and stability in the multinational regions of the country to rely on positive examples of the past, when peoples, regardless of the policies pursued by the authorities, themselves built their relations on the basis of life-affirming folk customs and traditions that they carried through the centuries. The article shows the role of the Chechen Priterechye region as a zone of friendly, good neighborly relations between Chechens and Cossacks, where economic, cultural mutual enrichment and mutual influence of neighboring peoples shared by the Terek took place. In our article, we set a goal to show the formation of the Chechen-Cossack population of the Terek region, examples from the history of relations between Chechens and Cossacks, how the peoples of the Terek region, relying on the traditions of kunakism and hospitality, coexisted in friendship and good neighborliness. Analysis of the sources and literature used led us to the conclusion that the Chechens and Cossacks, living in the neighborhood, mutually influenced each other and were in ethnocultural, trade relations, etc. When studying this problem, we were guided by the methods of historical science, the principles of objectivity, and historicism.

Key words: Pretereche, upper-twilight Chechens, Cossacks, villages, kunachestvo, good-neighborly relations.

Чеченское Притеречье Чеченской Республики располагается на Терском хребте и включает в себя по правобережью чеченские селения, а по левобережью казачьи станицы. Надтеречные или притеречные чеченцы издавна граничили с казачьими станицами по Тереку. После татаро-монгольского нашествия происходит переселение удалых русских разбойников, по некоторым сведениям, на Кавказ.

Как отмечает ряд исследователей, казаки появились на Терек не позднее второй половины XVI века, известные под именем «терских». Свободный дух кавказского края был известен далеко за его пределами. Так переселялись сюда, пишут исследователи XIX века эти удалые люди «часть, опасаясь за разбои, причиненные на Волге и служившие к уничтожению торговли, восстановленной в царствование Иоана Васильевича Грозного, с Персиею, ушла с Ермаком в Сибирь. Другие же из них, с главным своим атаманом, удалились по Каспийскому морю к Кавказским горам; там, получив в преступлении своем прощение от государя, переведены они на Терек и прозвались гребенскими казаками» [11, с. 141].

Даже в XIX веке по поводу переселения казаков на Кавказ исследователи выражали разные мнения. Так в основном одни считали, что «по одному — они в половине XVII века самовольно перешли с Дона на Терек. Участвуя в донском бунте, произведенном происками Марины, жены Лжедмитрия и Заруцкого, они бежали за р. Сунжу, а потом прибегнули к милосердию императора Петра Великого и по Высочайшей воле переселены были на левый берег р. Терека, в 1711 г.». По другому мнению — «это была часть шайки, разбойничавшей по Волге в XVI столетии» [15, с. 373]. Есть предположе-

ние, что первые казаки в чеченском Притеречье селились среди чеченцев. И естественно, знали чеченский язык, перенимали форму одежды, особенности чеченского быта. И хотя казаки находились в такой территориальной близости к чеченцам и фактически натурализовались в Чечне однако же они не ассимилировали и как утверждал военный историк В.А. Потто, «сохранили язык и веру». И по-видимому, именно с целью самосохранения обосновались отдельно от автохтонного населения на правом берегу Терека, но потом как пишет автор XVIII века «Петр Великий, узнав, что они служат притоном беглецам и разбойникам, приказал переселить их на левый берег Терека». Это был, видимо, 1711 год. Затем, заложенная в 1735 году, крепость Кизляр на р. Терек послужила первым звеном Кавказской военной линии, а поселенные здесь казаки под названием Кизлярского войска, а также размещенные в станицах по р. Тереку Терское семейное войско. Терской линией Россия обозначила как бы этнограницы на территории Чечни между чеченцами и казаками. Чеченские земли по Тереку с которых автохтонное население, отчасти уничтоженное Золотой ордой, попеременно переходили из рук в руки. Россия, освободившись от ига золотоордынцев стала контролировать все побережье Терека, с которого чеченцы были вытеснены татаро-монгольским нашествием.

Разумеется, среди чеченцев оставалось желание вернуться на насильственно оставленные плодородные земли на равнине. И как только возможность такая выпала, с конца XIVвека чеченцы стали возвращаться на равнину. К берегам Терека вследствие незащищенности и отдаленности от гор долго не решались. Видя, что укрупняющиеся казачьи поселения так же занимаются мирной хозяйственной деятельностью и с которыми в целом с момента их появления в XVIвеке на Тереке были дружественные отношения, чеченцы в XVIII в. возвращаются к берегам Терека «ближайшее же к русским пределам чеченское население, сознавая всю опасность открытой вражды с русскими и ценя выгоды своего положения, старалось, по-видимому, сохранять мир. Они весьма хорошо понимали, что плодородная плоскость, удовлетворявшая их потребности, несмотря на густые, почти непроходимые леса, ее покрывавшие, в зимнее время вполне доступна вторжениям русских войск, они ясно видели, что не по силам для них бороться с могущественным соседом, а потому опасались открыто нарушать мирные отношения и даже носили название мирных» [22, с. 124].

Река Терек в XVIII веке становится условной границей между чеченским и русским населением Чечни, которую они при необходимости переходили, вступая в торговые экономические отношения. Как пишет Е.Н. Кушева, «во второй половине XVI—XVIII веков казачьи городки имелись по Тереку, Сунже-Быстрой (видимо, р. Аргун), Белой (Гумс, Хулхулау?), Черной, Гремячей. В низовьях Сунжи казаки охраняли Османовский перевоз —

важный стратегический пункт». Известный кавказовед, утверждает: «Неосомненно, отношения казачества и чеченцев в этот период были мирными, иначе казаки при своей малочисленности (в каждом городке жили примерно 30 человек) не могли бы там спокойно проживать» [19, с. 260].

Бывало так, что «молодец-казак щеголял знанием татарского языка... щегольство в одежде состояло в подражании чеченской. Лучшее оружие добывалось у горцев; лучшие лошади покупались или крались у них же...» [20, с. 213].

В XIX веке царская власть попыталась использовать казаков в войне против чеченцев. Однако, даже в ходе войны обе стороны оставались верны обычаям куначества, гостеприимства. Часто беглый русский находил приют у чеченцев, и казаки спасали чеченцев от неминуемой гибели. Лучшие традиции чеченцев идеализировались не только казаками, которые знали чеченцев веками, но и даже воюющей стороной. Как пишет один из участников этой войны, «кавказские горцы, оставаясь дикими, были настолько привлекательными, что многие и притом образованные, и родовитые русские впоследствии, во время великой Кавказской войны, сводили куначество с горцами, ставили себе их за идеал и старались во многом им подражать, копируя их костюм, поступь, манеры и внутреннюю жизнь». Автор этих строк также признается, что «русское сердце не горит ненавистью к кавказскому горцу, защищавшему свою Родину, свою свободу» [2, с. 29].

Однако ход истории определялся не только принципами гуманности и высоких нравственных начал, но и интересами государств, которые активно включились в борьбу за Кавказ. И в этой борьбе с Османской империей и Персией Россия, пытаясь укрепиться на территории Чечни, завоеванию которой придавалось большое значение, принимало все меры к тому, чтобы заселить русскими переселенцами эту территорию.

С расселением по Тереку казаки занимались мирным трудом, то есть земледелием и скотоводством. Было здесь развито виноградарство и овощеводство. Также было развито у терских казаков шелководство, рыболовство, особенно было развито виноградарство.

В 1786 году учреждена Кавказская губерния, состоявшая из двух областей: Астраханской и Кавказской. С этого времени весь основной штаб по управлению и покорению края основывался на Кавказской военной линии, и казаки, все время пополняемые за счет переселения с внутренних губерний России, составляли основную опорную силу власти.

Л.Н. Толстой, знавший и изучавший быт казаков и чеченцев, у него был друг чеченец Садо Мисербиев из Надтеречного селения Старый-Юрт, в своей повести «Казаки», изображая обстановку казачьего дома, писал: «Вся противоположная двери стена была убрана по азиатскому обычаю свернутыми пуховиками, одеялами и подушками, развешанной вычищенной по-

судой и оружием». По свидетельству Л.Н. Толстого, «живя между чеченцами, казаки породнились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни, нравы горцев» [9, с. 27].

Взаимоотношения казаков и чеченцев подкреплялись обычаем куначества, существовавшим практически у всех кавказских народов. Первым, кто описал этот обычай был Л.Н. Толстой. В дневнике за 1852 год он записал, что для того, чтобы стать кунаком, то есть другом, по обычаю нужно обменяться подарками и затем принять пищу в доме кунака. После этой нехитрой процедуры становятся друзьями «на живот и на смерть». Л.Н. Толстой сообщил, как он стал кунаком чеченца Садо Мисербиева, который пригласил его к себе, угостил и попросил выбрать в подарок, что ему понравится. И видя растерянность Л.Н. Толстого, Садо «прямо принудил его взять шашку, стоимость которой оценивалась примерно в 100 рублей серебром. Ответный подарок (музыкальная шкатулка) восхитил юного чеченца» [4, с. 95].

Население Притеречья чеченцы и казаки поддерживали тесные торговые отношения. Особенно тесные торговые связи надтеречные чеченцы имели с ближайшими к ним казаками из станиц, расположенных по левому берегу Терека. Они на паромных переправах переходили с товаром через Терек и эти взаимосвязи были настолько тесными, что жители чеченских сел и казачьих станиц знали друг друга по именам и в лицо.

Кизляр в этот период являлся важным экономическим и торговым центром на Северном Кавказе, помимо того, что он имел стратегическое значение в политике России на Кавказе. Естественно, равнинные земли давали возможность для развития производительных сил и не только сельскохозяйственного производства. Для развития различного вида ремесел и для обмена ремесленных изделий на меновых ярмарках на базарах Кизляра имелись благоприятные условия. В Кизляр надтеречные чеченцы возили на продажу ремесленные изделия. Как отмечал военный историк XIX века Н.Ф. Дубровин, «чеченцы надтеречные и сунженские до 1840 года вели значительную торговлю лесом. Они приготавливали в течение зимы плоты строевого и дровяного леса, и в половодье сплавляли их по Сунже и далее по Тереку до Кизляра, где их собиралось ежегодно довольно значительное количество (до 600 плотов). Другой вид промышленности были обручи, бочарные доски, таркалы (колья, к которым привязывают виноградные лозы), доставляемые также в Кизляр, богатый своими виноградными садами» [12]. В Кизляр съезжалось разноязычное население Кавказа, Закавказья, в том числе и притеречные чеченцы и казаки. Чеченцы покупали соль, различные сельскохозяйственные орудия и вывозили хлеб, рис, ремесленные изделия, виноград, лес и т.д. После разорения чеченских селений и известного всеобщего восстания в Чечне в 1840 г. инфраструктура Надтеречья с разрешением расселения вновь по Тереку была восстановле-

на в кратчайший срок. Были восстановлены торговые, экономические отношения чеченцев с соседними народами. По-прежнему основной статьей в торговле чеченцев оставались продукты земледелия и животноводства, домашнего промысла и ремесла, виноград, рыба. В 40-50-х годах XIX века население Надтеречья постепенно приспособляло свое хозяйство к потребностям российской промышленности, втягивалось во всероссийский рынок. Съезжая на Кизлярский рынок или на ярмарки в Науре, Моздоке надтеречные чеченцы приобретали соль, спички, ситец, кумач, шали, шелковые платки, бумагу, мыло и др. В Чечню через Кизляр поступали товары не только русского и северокавказского производства, но и турецкие, персидские и западноевропейские. Развитие торговых отношений сближало народы Кавказа. Моздок, Кизляр торговые центры того времени способствовали процессу сближения людей еще вчера с оружием в руках, стоявших друг против друга. «Кизляр превосходит (30-е гг. XIX века) прочие города Кавказской области обширностью своей торговли, которую он ведет с губерниями: Астраханской, Нижегородской, Екатеринославской, Харьковской, Курской, с обеими столицами, с горскими и закавказскими народами» [13, с. 159] — отмечает Е.И. Иноземцева.

Благодаря обычаю куначества, надтеречные чеченцы могли держать в казачьих станицах торговые лавки и, напротив, казаки могли назвать им своего кунака, и никто не мог воспрепятствовать его проходу с товаром в любое притеречное чеченское селение. В свою очередь, чеченцы в большом количестве приезжали на ежегодные и еженедельные базары и там вступали в торговые взаимоотношения с кумыками, аварцами, армянами, грузинами. С кунаками временно могли поменяться детьми, обычно сыновьями.

С присоединением края к Российской империи чеченцы, естественно, понимали значимость знания русского языка. Они отдавали детей в станичные школы для обучения русскому языку. Особенно это проявлялось в надтеречных селениях. Так, первый чеченец, российский военный, на русском языке написавший работу о чеченцах, Умалат Лаудаев [16] в детстве учился русскому языку в Наурской станице. Ныне практически каждый историк, исследующий дореволюционную историю чеченцев, как бы в обязательном порядке использует работу У. Лаудаева «Чеченское племя». Хотя прошедший жесткую цензуру того времени его труд во многом грешит неточностями, но тем не менее он внес большой вклад он в отечественное кавказоведение. Куначество закрепило имевшиеся на практике тесные экономические и культурные связи между соседними народами. Этот обычай способствовал сближению народов Кавказа и, напротив, как совершенно справедливо заметила исследователь Н.Н. Великая, «они (обычаи) способствовали сохранению самобытности и культуры этнических групп, поддерживали внутри этнические связи... Однако действия властей по вытеснению

обычно-правовых норм приводили к ослаблению одного из фактов мира и спокойствия в регионе» [4, 114].

Во второй половине XIX века, проживавшие в Притеречье народы, ладили между собой, не питали неприязни друг к другу, не притязали на господство одних над другими. Основой для укрепления политических и культурных связей между терскими казаками и чеченцами являлась взаимотерпимость и взаимозаинтересованность между ними. Чеченцы оказали в определенной степени влияние на развитие материальной культуры русских переселенцев. Терские казаки переняли у чеченцев форму одежды, виды снаряжения и вооружения, о чем мы говорили выше. В свою очередь и притеречное русское население оказывало сильное влияние на материальную и духовную культуру коренного населения. Взаимовлияние и взаимотяготение было настолько сильным, что даже ход длительной Кавказской войны не мог их прервать.

Так, в специальном предписании генерала Гудовича было указано:

«Всех бегающих к чеченцам солдат, казаков и других людей не принимать» [1, с. 670]. Принимая все условия, предъявляемые к ним, чеченцы соглашались на все, кроме выдачи беглых солдат и казаков, значительная часть которых приняла ислам и осталась среди чеченцев. Этот процесс имел двусторонний характер. Чеченцы уходили от кровной мести в казачьи станицы и основывали новые казачьи фамилии. И, напротив, не желавшие воевать против чеченцев, переходили Терек, принимали ислам, обзаводились семьями и становились полноправными членами чеченских обществ.

Взаимосвязи с казаками способствовали тому, что притеречные чеченцы еще до окончания Кавказской войны входили в российскую систему гражданственности и управления. Здесь сформировался целый пласт российского офицерства и интеллигенции из числа чеченцев. Так, поручик С. Чуликов начинает свое прошение: «Родной отец мой бывшей русской службы поручик Чуликов...» [9, с. 179]. Аду Ваганов — полковник, Ганжуев Алхазур — поручик, Мустафинов Давлетмирза подполковник, Исаев Муса — поручик, Чуликов Улубий — майор, Курумов Касым — полковник, Саралиев Бача — подпоручик, У. Лаудаев — ротмистр и т.д. Наиболее яркая личность из сформировавшейся российской интеллигенции из числа чеченцев к — У. Лаудаев, обучавшийся русскому языку в станице у кунаков отца.

Эта прослойка первых российских офицеров из чеченцев сыграла разную роль в истории народа. Но с другой стороны, это были первые, кто поняли безысходность борьбы против огромной империи.

Под влиянием постоянного общения с иноязычными соседями в разговорной речи казаков стали появляться слова и целые выражения, которые были взяты из местного лексикона и придавали русскому языку некоторые особенности в его складе, содержании и произношении. В то же время че-

чеченцы также усваивали и перенимали в свой быт культуру казаков. Вместо очага они переняли тип более теплого строения жилища с русской печкой, нары заменили деревянной кроватью, вместо круглого столика с тремя ножками появился высокий стол. Многие казаки выезжали в надтеречные селения к богатым владельцам и состоятельным узденям, нанимались на работы, строили им дома, мельницы, конюшни, разводили сады, делали мебель. Описывая внешний вид казаков, О. Маркграф писал: «Внешний тип гребенцов весьма оригинален: темно-русые волосы с черными блестящими глазами, или черные волосы и голубые глаза; типичные черты чеченца смешиваются со скуластым типом ногайца или калмыка, заметна горская походка, стройность и гибкость и в то же время за этой прикрывкой в нем все еще ярко просвечивается коренной великоросс...» [17, с. 234].

В жилищах и бытовой обстановке были видны взаимовлияния соседних народов. Так, обычно казаки жили в больших срубленных домах и в них принимали гостей. Однако зимой в этих домах холодно, потому они продувались восточными ветрами, а топливо было дорогим. Обычно рядом с избой стоял саклеобразный домик казака, заимствованный у чеченцев. Его строили из дешевого, сподручного материала: длинный и низенький с плоскою крышей, он как бы ушел в землю, — требовал мало топлива и не продувался зимними ветрами прикаспийских степей. В нем помещалась зимой вся семья казака. Под покровом этой сакли она находилась, так сказать, в будничной обстановке. Как писал О. Маркграф, «большинство членов ея здесь и сидят-то по-чеченски, поджав под себя ноги, образов никаких не видно и из мебели в ходу чаще чеченская треногая скамеечка, нежели стул или русская скамья» [17, с. 235].

В свою очередь, чеченцы учились у русских строить новый для них тип домов, обрабатывать усовершенствованными сельскохозяйственными орудиями труда поля, выращивать овощи, разводить виноград и др. Очень важное значение в сближении народов в период Кавказской войны и после нее имело торговое взаимовыгодное сотрудничество. В 1811 г. были учреждены с этой целью первые меновые дворы на Кавказской военной линии. Со временем власти и расширяли, и усовершенствовали их функционирование. Меновые дворы были при карантинных заставах: Амир-Аджи-Юртовской, в Червленной и др. Именно сюда свозили свой товар надтеречные чеченцы. Чеченцы привозили на обмен следующие товары: кожи и шкуры, лошади, скот, овцы, бурки, войлоки, черкески, лес, масло коровье, медь и пр. Обмен производился на мануфактурные изделия, чугунные казаны, железо, холст, ситец, платки бумажные, атласные и шерстяные, сахар, чай, мыло, зеркала, сафьян, сундуки, масло, деревянную посуду и пр.

Как писал профессор Н.П. Гриценко, казаки — «в недавнем прошлом беглые и «гулящие» люди, бежавшие на юг от феодальной эксплуатации,

от жестоких притеснений бояр, дворян и царских воевод... однако «куда ни бежали русские люди без видимой государственной цели, за ними по пятам шло и русское царство. Казалось, что, укрываясь за Терек и даже за Сунжу, наши беглецы совсем ушли от глаз Московской Руси, а вышло так, что не сменилось у них еще первое поколение, как уже Терек и Сунжа вошли в пределы русского царства и наши переселенцы опять очутились на его рубежах» [8, с. 13].

На протяжении всей Кавказской войны, когда отношения между утверждавшейся в крае царской властью и местным населением переходили от войны к миру, от сражений до договоров, чеченцы всегда, в зависимости от создавшихся условий, в разное время требовали

Выполнения одного условия. Условие это было следующее. «Всех без изъятия российских подданных, как захваченных нами, так и бежавших, у нас теперь находящихся, обязуемся по чистой совести без малейшего промедления времени представить, кроме тех, кои назад 15-ть лет, считая с сего числа, у нас находятся, принявших мухамеданскую веру по обстоятельствам или принуждению и водворившихся уже между нас и имеющих семейства сим представляем это собственной их воле остаться у нас или возвратиться в недра своего отечества со всем своим семейством» [1, с. 668]. Характерно, что и позже, в 1829 году, когда чеченцы согласились принять подданство России, они поставили это условие одним из первых: «Не требуйте только выдачи от нас русских, которые приняли нашу веру» [8, с. 35].

Кавказ сложный регион, и интересный в своей сложности. Основные принципы выживания и нормального существования народы Кавказа видели в дружбе народов и на этой основе вырабатывали принципы совместного общежития разных народов, которые воплощались в традициях куначества, гостеприимства и добрососедства. Эти жизнеутверждающие традиции, которые народы Кавказа соблюдали, помогали им выжить и процветать в их историческом прошлом, несмотря на достаточно сложную историческую судьбу Кавказа. Народам в лице своих лучших представителей хватало мудрости и дальновидности пройти на идеях гуманизма и человечности вместе сложные и весьма запутанные периоды в историческом прошлом. И в этой связи очень важно вынести не только уроки из прошлого, чего нельзя допускать, но и сохранить лучшие традиции и обычаи, которые делали наши народы привлекательными даже для тех, кто в это время воевал с ними.

Библиографический список:

1. АКАК. Т. III. Тифлис, 1869.
2. Боевое прошлое Северного Кавказа II Кавказский вестник. Тифлис, 1900. № 3.
3. Ахмадов Я.З. Чечено-русские отношения в 18 веке. Грозный, 2019. Т. I.
4. Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. – Армавир, 2001.

5. Гапуров Ш.А. Российское общество и Чечня в XIX в. / Монография. Отв. ред. Э.Х. Хасмагоматов. – Грозный, 2024.
6. Гапуров Ш.А., Умаров Д.В. От военно-политического союза-к государственному единству (российско-чеченские отношения в XVI-XIX вв.: этапы и особенности) Грозный: Академия наук Чеченской Республики, 2024.
7. Гелаева З.А. Социально-экономическое и общественно-политическое развитие Надтеречной Чечни в 18-19 вв. – Махачкала, 2013.
8. Гриценко Н.П. Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. – Грозный, 1965.
9. Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX вв. – Грозный, 1961.
10. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е годы XIX века / составители: В.Г. Гаджиев, Х.Х. Рамазанов. – Махачкала, 1959.
11. Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к нему Черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию и о соседственных горских народах с 1816 по 1826 гг. – СПб.: 1829.
12. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. – СПб.: 1871. Т. I. Кн. I.
13. Иноземзева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в. – Махачкала, 2001.
14. Кавказский календарь на 1852 год. Тифлис, 1851.
15. Кавказский календарь на 1867 год. Тифлис, 1866.
16. Лаудаев У. Чеченское племя. Тифлис, 1872.
17. Маркграф О. Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. Владикавказ, 1881.
18. Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991.
19. Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI-XVII веков: Сб. документов. – М.: 1997.
20. Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1904. Т. III. Ч. I.
21. ЦГАРД Ф: 379. Д. 3064.
22. Шамиль и Чечня (автор неизв.) // Военный сборник. 1859. Т. IX.

Reference

1. АКАК. Vol. III. Tiflis, 1869.
2. The Military Past of the North Caucasus II Caucasian Bulletin. Tiflis, 1900. № 3.
3. Akhmadov Ya.Z. Chechen-Russian Relations in the 18th Century. Grozny, 2019. Vol. I.
4. Velikaya N.N. On the History of Relations between the Peoples of the Eastern Ciscaucasia in the 18th-19th Centuries. – Armavir, 2001.
5. Gapurov Sh.A. Russian Society and Chechnya in the 19th Century / Monograph. Ed. E.Kh. Khasmagomarov. – Grozny, 2024.
6. Gapurov Sh.A., Umarov D.V. From a military-political union to state unity (Russian-Chechen relations in the 16th-19th centuries: stages and features) Grozny: Academy of Sciences of the Chechen Republic, 2024.
7. Gelaeva Z.A. Socio-economic and socio-political development of Nadterechnaya Chechnya in the 18th-19th centuries. – Makhachkala, 2013.
8. Gritsenko N.P. From the history of economic ties and friendship of the Chechen-Ingush people with the great Russian people. – Grozny, 1965.
9. Gritsenko N.P. Socio-economic development of the Terek regions in the 18th - first half of the 19th centuries. – Grozny, 1961.
10. The movement of the highlanders of the North-East Caucasus in the 20-50s of the XIX century / compiled by: V.G. Gadzhiev, H.Kh. Ramazanov. – Makhachkala, 1959.
11. Debu I. About the Caucasian Line and the Black Sea Army Attached to It, or General Observations on the Settled Regiments Guarding the Caucasian Line and on the Neighboring Mountain Peoples from 1816 to 1826. – СПб.: 1829.
12. Dubrovin N.F. History of the War and Russian Domination in the Caucasus. – СПб.: 1871. Vol. I. Book I.
13. Inozemzeva E.I. Dagestan and Russia in the 18th - First Half of the 19th Century. – Makhachkala, 2001.
14. Caucasian Calendar for 1852. Tiflis, 1851.
15. Caucasian Calendar for 1867. Tiflis, 1866.
16. Laudaev U. Chechen tribe. Tiflis, 1872.
17. Markgraf O. Statistical monographs on the study of the stanitsa life of the Terek Cossack army. Vladikavkaz, 1881.
18. Omelchenko I.L. Terek Cossacks. Vladikavkaz, 1991.
19. Russian-Chechen relations. The second half of the 16th-17th centuries: Collection of documents. – Moscow: 1997.
20. Establishment of Russian rule in the Caucasus. Tiflis, 1904. Vol. III. Part I.
21. TsGARD F: 379. D. 3064.
22. Shamil and Chechnya (author unknown) // Military collection. 1859. Vol. IX.

Аннотации

Долгенко А.Н.

Косырева М.С.

Лыткина О.И.

Имплицитное выражение каузальности в русском языке

Определение каузативных связей свойственно человеческому сознанию, поэтому неудивительно, что язык как продукт человеческого разума отражает эти связи. Каузативные связи в языке могут выражаться не только эксплицитно, т.е. вербально, но и имплицитно, когда значение каузальности осложнено некаузальными семантическими отношениями: пояснительными, избирательными, условными и др. В связи с этим представляется важным описание маркеров имплицитного выражения каузальности, позволяющих понять реальное намерение субъекта.

Ключевые слова: русская грамматика, каузальность, маркеры имплицитной каузальности.

Мурашко С.Ф.

Рудакова С.В.

Косырева М.С.

Использование суггестивного метода в преподавании английского языка

Суггестивный метод (обучение с помощью внушения) дал новый импульс развитию методики обучения иностранному языку. Он исходил из того, что поскольку люди склонны к внушению, то позитивные внушения могут привести психику человека в расслабленное, а разум в активное состояние. Хорошее физическое и психическое состояние может позволить обучающимся в полной мере раскрыть свой потенциал и повысить эффективность изучения иностранного языка.

Ключевые слова: суггестопедия, суггестивный метод обучения, методы обучения иностранному языку.

Азина Т.И.

Стрижова Е.В.

Языковая подготовка специалистов таможенного дела – активизация возможностей

В статье речь идет о создании концептуально нового словаря для обучающихся таможенному делу в условиях интенсивного курса второго иностранного языка для профессиональных целей. Рассмотрены явления полной и частичной эквивалентности таможенных терминов на английском, немецком и французском языках, которые легли в основу словарной классификации данного электронного мультилингвального терминологического словаря в таможенной сфере.

Ключевые слова: второй иностранный язык для профессиональных целей, таможенные термины, полная и частичная эквивалентность, мультилингвальный терминологический словарь.

Баталов А.А.

Серезина М.К.

Ted Talks как база исследования вербальной лингвистической специфики ораторского мастерства

Статья посвящена исследованию особенностей речевого поведения спикеров англоязычных научно-популярных конференций фонда TED в контексте лингвистики. Рассматриваются экспрессивный языковой потенциал на лексико-грамматическом уровне и распространенные вербальные модели репрезентации авторского мнения в корреляции с такими экстралингвистическими признаками как речевой портрет адресанта сообщения и его коммуникативными целями как оратора. Основным направлением исследования является выявление типичных речевых лингвистических особенностей TED Talks как жанра публичных выступлений.

Ключевые слова: речевое поведение, экспрессивный языковой потенциал, вербальная модель, речевой портрет, оратор, коммуникативная цель, публичное выступление.

Вышегородцева М.С.**Влияние социальных сетей на молодежь**

В современном мире социальные сети играют важную роль в жизни молодежи, обеспечивая связи, обмен информацией и ресурсами, а также новые возможности для общения и самовыражения. Однако, они также оказывают негативное влияние на молодежь, включая зависимость, негативное влияние на самооценку и формирование неправильных ценностей. В данной статье исследуется влияние социальных сетей на формирование общественного мнения по социальному вопросу феминизма.

Ключевые слова: молодежь, социальные сети, эмоциональное состояние, положительное и отрицательное воздействие, феминизм.

Иванова А.П.**Речевая культура как ключевая компетенция экскурсоводов (гидов)**

В статье исследуется важность развития навыков культуры речи у экскурсоводов(гидов). Цель статьи состоит в исследовании и обсуждении роли и значимости культуры речи для профессиональной деятельности экскурсовода. В статье рассматриваются основные аспекты культуры речи, такие как языковые навыки, ораторское мастерство, умение адаптироваться к аудитории и эффективно передавать информацию. Анализируется влияние культуры речи на качество и восприятие экскурсий, а также предлагаются рекомендации и практические советы по развитию этой компетенции у экскурсоводов. В статье рассматриваются основные аспекты культуры речи, такие как грамматическая правильность, лексическое разнообразие, понятность и ясность высказываний, адекватность использования речевых средств в различных ситуациях. Также подчеркивается важность умения адаптировать свою речь под разные аудитории и культурные особенности туристов.

Предлагаются ряд рекомендаций и практических упражнений по развитию культуры речи у экскурсоводов, включая тренировки произношения, расширение словарного запаса, изучение стилистических особенностей языка и развитие навыков межкультурной коммуникации.

В заключение, в статье подчеркивается, что развитие культуры речи является неотъемлемым аспектом профессиональной подготовки экскурсоводов, обеспечивая им эффективное взаимодействие с туристами, повышение качества предоставляемых услуг и создание положительного имиджа как для самих экскурсоводов, так и для туристической индустрии в целом.

Ключевые слова: экскурсовод, устная речь, письменная речь, грамотность, логичность, синтаксические конструкции, лингвистический анализ текста, контрольный и индивидуальный тексты экскурсий, культура речи, экскурсионная аудитория.

Гольцов А.Н.**Проблема имперской интеграции во взаимоотношения Великобритании и доминионов в первые десятилетия XX века**

В начале XX века британская имперская система оказалась на перепутье. С одной стороны – рост экономической мощи колоний и доминионов неизбежно запускал центробежные процессы в Империи, с другой – не ослабевало желание метрополии как можно дольше сохранить status quo, затягивая предоставление колониальным владениям и доминионам политических прав и свобод. К началу Первой мировой войны различными политическими деятелями империи открыто высказывались мнения о переустройстве британского государства и создании такой политической системы, при которой колонии и доминионы будут обладать если не всеми правами независимого государства, то весьма широким набором полномочий, позволяющим вести самостоятельную внутреннюю и частично внешнюю политику. Дискуссия об учреждении так называемой Имперской федерации получила новый импульс. После Первой мировой войны, для победы в которой колонии и доминионы заплатили высокую цену, процесс их обособления стал неизбежным. С учетом заявленной темы, предметом исследования выступает процесс сепарации колониальных владений и доминионов, итогом которого явилась трансформация британской имперской системы в Британское Содруже-

ство. Отдельное внимание уделяется рассмотрению позиций политических и общественных деятелей и их влиянию на процесс преобразования Британской империи.

Ключевые слова: Британская империя, колониальная политика, интеграция, колонии, доминионы, Первая мировая война, Имперская федерация, Британское Содружество, Лига Наций, «Круглый стол», Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз.

Рябова Е.Л.

Терновая Л.О.

Острова и государственные границы: история, культура, столкновение цивилизаций

Материалы статьи существенно расширяют предметное поле лимнологии, включая в него не только геополитическую, но и цивилизационную проблематику, выбирая в качестве объекта анализа островную модель государственного развития. Данный исследовательский подход определен, во-первых, тем, что острова в разные эпохи и в различных концептуальных построениях выступали как своеобразная модель эффективного государственного управления и территория счастливой жизни. Во-вторых, в прошлом веке в геополитике остров четко обрисовался как элемент пространственной оси и средоточие поддерживающей ее мощи. В-третьих, самые разнообразные примеры существования на каком-либо острове двух государств или расположения на островной территории одного государства военной базы, принадлежащей другому государству, закладывают основания для перерастания пограничных проблем в цивилизационное противостояние.

Ключевые слова: государство, история, культура, цивилизация, лимнология, граница, остров, геополитика, военная база.

Пузанов В.Д.

Формирование Сибирского корпуса в 50-е гг. XVIII в.

К 1755 г. в Сибирской губернии находились Олонецкий, Вологодский и Луцкий драгунские полевые полки, и Сибирский и Новоучрежденный гарнизонные драгунские полки. Кроме того, в Сибирской губернии служили Тобольский, Енисейский, Якутский пехотные гарнизонные полки и Новоучрежденный пехотный гарнизонный батальон. Всего в 8 полках и батальоне служили 10 447 человек. 31 января 1755 г. бригадир Яков Павлуцкий в рапорте губернатору Сибири генерал-лейтенанту В.А. Мятлеву, предложил сменить Сибирский гарнизонный полк, который служил на Иртышской линии, армейским драгунским полком с Новой Ишимской линии. Бригадир И. Крафт – командир полевых полков и линий Сибири выступил с критикой этого плана и сообщил ценные данные о положении русских войск в Сибири.

Ключевые слова: линия, гарнизон губерния солдаты драгуны бригадир.

Рыжаков Д.Г.

Средняк К.В.

Зайцева Е.А.

Государственные и политические преступления в дореволюционной России: к вопросу о понятиях (по материалам российской историографии конца XIX – начала XXI вв.)

В предлагаемой статье показаны различия в историографической трактовке государственных и политических преступлений. Методология статьи основана на хронологическом исследовании соответствующих законодательных и мемуарных источников, а также специальной литературы, посвященной истории государственных преступлений. Делается вывод о необходимости дальнейшего исследования и возможности использования опыта прошлого в дальнейшей разработке судебно-правовых норм.

Ключевые слова: государственные преступления, политические преступления, историография, Российская империя, история России.

Хэ И

Политическая жизнь России в эпоху культурного кризиса (конец XIX – начало XX века)

В данной статье поднимается вопрос влияния культурного кризиса, охватившего Россию

в конце XIX и начале XX столетия, на политические события этого времени, закончившиеся первой русской революцией 1905-1907 годов. Автор статьи рассматривает предпосылки активизации революционного движения в начале XX века, соотношение политических сил в России того времени и роль творческой интеллигенции в процессе революционной борьбы. В статье делается вывод, что политические процессы, происходящие в российском обществе того периода, есть результат воздействия кризиса культуры, что стало мощным катализатором подъема революционного движения.

Ключевые слова: культура, кризис культуры, творческая интеллигенция, революционное движение, рабочий класс, крестьянство.

Берестеникова Е.А.

Кооперативное развитие в Дальневосточной Республике (1920-1922 гг.)

Реализация кооперативной модели в годы Гражданской войны и интервенции на российском Дальнем Востоке являлось показателем универсальности данной формы деятельности социальной направленности в сложный исторический период. В соответствии с буферными законами кооперативные организации в республике создавались и действовали в условиях образованной экономической модели ДВР, базирующейся на многоукладности экономики, а также включающий несколько форм собственности - государственную, частную и кооперативную. В Дальневосточной республике была создана особая экономическая модель, которая включала следующие элементы: государственная собственность на землю, недра, леса, воды; многообразие форм собственности - государственная, кооперативная, частная; многоукладность экономики; свобода производителей, предпринимательства и торговли; хозяйственная самостоятельность местных административных единиц. Кооперация, как важный компонент экономической жизни буферного государства, выполняла важную роль в основных направлениях экономической политики ДВР: сбор государственного налога потребительскими организациями, участие в мероприятиях по преодолению продовольственного кризиса. Такая картина сложилась в 1920-1922 гг., где кооперативные общества выполняли особую роль в развитии экономической жизни региона. В статье представлена характеристика основных направлений деятельности кооперации в Дальневосточной Республике.

Ключевые слова: кооперация, потребительские общества, промысловая кооперация, кредитная кооперация, сельскохозяйственная кооперация, кооперативная система, кооперативная модель.

Дудько А.Д.

Зарубежная историография общественно-политического развития западной беларуси в составе Польши (1921-1939 гг.): научно-культурные и университетские центры зарубежного белорусоведения

В статье рассматриваются место, удельный вес и степень разработанности вопроса общественно-политического развития Западной Беларуси в составе Польши (1921-1939) в белорусоведческих исследованиях научно-культурных институций Великобритании, ФРГ и Франции вт. пол. XX – нач. XXI вв. Определены факторы, оказавшие влияние на формирование традиций исторического западноевропейского белорусоведения. Обозначены ведущие научные институции и исследователи, в творческом наследии которых проблематика заняла определенное место.

Ключевые слова: историография, Западная Беларусь, зарубежное белорусоведение, центры западноевропейского белорусоведения, белорусская диаспора, ученые-слависты.

Зубов А.Ю.

Психологический портрет офицера Российского Императорского флота в период Русско-японской войны 1904-1905 гг.

В статье описываются некоторые события начала XX века, а точнее, военные действия между Россией и Японией в период 1904-1905 годов. В контексте исследования указанных событий автор дает оценку морально-делового, а также профессионального состояния императорского морского офицерского корпуса, одновременно с этим обращая внимание на лич-

ные качества некоторых офицеров, принявших участие в этой войне. В значительной степени автор старается подчеркнуть особенности индивидуального состояния морских офицеров, их качества, а также отдельные черты и свойства характера, проявленные в ходе ведения морских сражений. Автор, давая оценку положению и степени влияния таких офицеров на конкретные ситуации в сражениях, определяет причины их грамотных и самоотверженных действий, тем самым указывая на основные личностные психологические составляющие офицеров флота того временного периода.

Ключевые слова: война, Россия, Япония, морской корпус, честь, достоинство, история, императорский флот.

Курылев С.А.

«Большой скачок»? Трансформация питания населения в 1900-1930-е гг.

В статье рассматривается питание населения Российской империи и СССР в период 1900-1930-х гг. – один из традиционных показателей благосостояния населения. Для анализа привлечены материалы бюджетных обследований населения и расчеты калорийности, принятые российскими и зарубежными историками. Впервые вводятся в научный оборот данные о питании инженерно-технических работников (ИТР) и служащих из фондов Российского государственного архива экономики (РГАЭ). Рассчитана калорийность на полного потребителя (взрослого едока) для различных социальных групп с учетом особенностей их профессиональной деятельности. Полученные результаты отражают характер социально-экономических изменений, которые произошли в России в первой трети XX века. Калорийность питания рабочих в 1930-е гг. заметно возросла и в целом отвечала физиологическим потребностям полного потребителя. Питание служащих и колхозников, напротив, ухудшилось. Лучшая обеспеченность рабочих продуктами питания была достигнута за счет проведения коллективизации, в результате которой сократилось потребление не только сельского населения, но также и городского населения, не занятого физическим трудом. «Большой скачок» в СССР сопровождался строительством промышленных предприятий, повышением обороноспособности государства, однако заметных успехов в улучшении питания населения по сравнению с дореволюционным периодом достигнуто не было.

Ключевые слова: питание, калорийность, рабочие, колхозники, ИТР и служащие, уровень жизни в России и СССР, потребление, 1930-е, благосостояние.

Ли Цзэлинь

Русская журналистика эпохи декабристского движения

В данной статье анализируется такой интересный и малоизученный период в истории русской журналистики, как издательская деятельность участников декабристского движения, передовые идеи которых облекались в форму журнальной публицистики. В статье раскрывается структура и содержание четырех журналов, создаваемых будущими декабристами, - «Современателя просвещения и благотворения», «Невского зрителя», «Мнемозины» и «Полярной звезды». Автор статьи приходит к выводу, что все эти журналы пропагандировали революционно-освободительную программу декабристов и сочувствующих им литературных деятелей той эпохи. Отличительной чертой этих четырех журналов является упор на национальную литературу России, насыщенную высоким гражданским пафосом, а также на острую критику само держания и политического режима.

Ключевые слова: декабристы, издательская деятельность декабристов, тайные общества, цензура, альманах «Полярная звезда».

Муков М.И.

Опыт сохранения родного языка в абазинской диаспоре Турции

В статье предпринята попытка раскрыть факторы сохранения родного языка абазинами, живущими в Турции. Абазины, обосновавшиеся в Турции, в основном, в результате массового исхода по итогам Кавказской войны 1817-1864 гг., сумели сохранить национальную идентичность и один из её маркеров – родной язык, что подтверждается российскими, абхазскими и турецкими исследователями. Различные факторы повлияли на чистоту

родного языка и степень его использования, однако его роль остается очень значимой для абазинского народа.

Курс Турции на евроинтеграцию, который привёл власти к пониманию необходимости признать кавказские народы «поимённо», Грузино-абхазская война 1992-1993 годов и последовавшее международное признание государства Абхазия явились катализатором роста этнического самосознания, определившим выход из черкесских (северокавказских) организаций Турции представителей отдельных народов, и последующее создание этнических общественных структур, в том числе – абазинских. Последнее, кроме прочего, привело к активизации деятельности, направленной на сохранение и развитие родного – абазинского – языка.

Ключевые слова: Абаза, абазины, Абхазфед, Алашара, диаспора, дернек, Каффед, Турция, язык.

Глава 3.А.

Притеречье – зона чечено-русских добрососедских отношений в XVIII-XIX вв.

В России, в силу того, что это-многонациональная страна, тема межнациональных отношений сохраняет свою актуальность не только в прошлом, но и в настоящем. Очень важно для сохранения мира и стабильности в многонациональных регионах страны опираться на положительные примеры прошлого, когда народы вне зависимости от проводимой властями политики сами строили свои отношения на основе жизнеутверждающих народных обычаев и традиций, которые они пронесли через века. В статье показана роль чеченского Притеречья как зоны дружеских, добрососедских отношений между чеченцами и казаками, где происходило экономическое, культурное взаимообогащение и взаимовлияние соседних народов, которых разделял Терек. В своей статье мы поставили цель - показать складывание чечено-казачьего народонаселения Притеречья, примеры из истории отношений чеченцев и казаков, как народы Притеречья, опираясь на традиции куначества, гостеприимства уживались в дружбе и добрососедстве. Анализ использованных источников и литературы привел нас к выводу, что чеченцы и казаки, проживая по соседству, взаимно влияли, находясь в этнокультурных, торговых взаимоотношениях и. тд. При исследовании данной проблемы мы руководствовались методологией исторической науки, принципами объективности, историзма.

Ключевые слова: Притеречье, надтеречные чеченцы, казаки, станицы, куначество, добрососедские отношения.

Abstracts

Dolgenko A.N.

Kosyreva M.S.

Lytkina O.I.

Implicit expression of causality in Russian

Determination of causative relations is peculiar to human consciousness, so it is not surprising that language as a product of human mind reflects these relations. Causative relations in language can be expressed not only explicitly, i.e. verbally, but also implicitly, when the meaning of causality is complicated by non-causal semantic relations: expository, selective, conditional, etc. The definition of causality in the Russian language is not only explicit, i.e. verbal, but also implicit, when the meaning of causality is complicated by non-causal semantic relations. In this connection, it seems important to describe the markers of implicit expression of causality, which allow us to understand the real intention of the subject.

Key words: Russian grammar, causality, markers of implicit causality.

Murashko S.F.

Rudakova S.V.

Kosyreva M.S.

Use of the suggestive method in teaching English

The method of teaching by suggestion was proposed by psychotherapist G. Lozanov in the 1960s. It gave a new idea for the development of foreign language teaching. Suggestive method indicates that people are prone to suggestion, and positive suggestion can bring a person into a relaxed and the mind into an active state. A good physical and mental condition can enable learners to reach their full potential and enhance the effectiveness of foreign language learning.

Key words: suggestopedia, suggestive teaching method, methods of teaching foreign languages.

Anzina T.I.

Strizhova E.V.

Language training for customs specialists – enhancing capabilities

The article deals with the creation of a conceptually new dictionary for customs students in an intensive course of a second foreign language for professional purposes. The phenomena of full and partial equivalence of customs terms in English, German and French, which formed the basis for the dictionary classification of this electronic multilingual terminology dictionary in the customs sphere, are considered.

Key words: a second foreign language for professional purposes, customs terms, full and partial equivalence, multilingual terminology dictionary.

Batalov A.A.

Seregina M.K.

Ted Talks as a base for the study of the verbal linguistic specificity of public speaking

The article is devoted to the study of speech behaviour of speakers of popular science conferences in English of the TED Foundation from the point of view of linguistics. The main points under research are expressive linguistic potential at the lexical and grammatical levels and common verbal models of representation of the author's opinion in correlation with such extra-linguistic features as the speech portrait of the speaker and his communicative goals. The main focus of the research is to detect the typical speech linguistic features of TED Talks as a genre of public speaking.

Key words: speech behavior, expressive language potential, verbal model, speech portrait, speaker, communicative goals, public speaking.

Yshegorodtseva M.S.

The impact of social media on young people

In modern world, social networks play an important role in the lives of young people, providing connections, the exchange of information and resources, as well as new opportunities for commu-

nication and self-expression. However, they also have a negative impact on young people, including addiction, negative effects on self-esteem and the formation of incorrect values. This article examines the influence of social networks on the formation of public opinion on the social issue of feminism.

Key words: youth, social networks, emotional state, positive and negative impact, feminism.

Ivanova A.P.

Speech culture as a key competence of guides (guides)

The article examines the importance of developing the skills of speech culture among guides (guides). The purpose of the article is to study and discuss the role and significance of speech culture for the professional activity of a guide. The article discusses the main aspects of speech culture, such as language skills, oratorical skills, the ability to adapt to the audience and effectively transmit information. The influence of speech culture on the quality and perception of excursions is analyzed, and also offers recommendations and practical advice on the development of this competence among guides. The article examines the main aspects of speech culture, such as grammatical correctness, lexical diversity, intelligibility and clarity of statements, adequacy of the use of speech means in various situations. The importance of the ability to adapt one's speech to different audiences and cultural characteristics of tourists is also emphasized.

A number of recommendations and practical exercises for the development of speech culture among guides are offered, including pronunciation training, vocabulary expansion, study of stylistic features of the language and the development of intercultural communication skills.

In conclusion, the article emphasizes that the development of the culture of speech is an integral aspect of the professional training of guides, providing them with effective interaction with tourists, improving the quality of services provided and creating a positive image both for the guides themselves and for the tourism industry as a whole.

Key words: guide, oral speech, written speech, literacy, logic, syntactic constructions, linguistic analysis of the text, control and individual texts of excursions, culture of speech, excursion audience.

Goltsov A.N.

The problem of imperial integration in the relations between Great Britain and dominions in the first decades of the 20th century

At the beginning of the 20th century the British imperial system found itself at a crossroads. On the one hand, the growth of economic power of colonies and dominions inevitably triggered centrifugal processes in the Empire; on the other hand, the desire of the metropolis to preserve the status quo as long as possible, delaying the granting of political rights and freedoms to colonial possessions and dominions, did not abate. By the outbreak of the First World War, various political figures in the empire were openly expressing views on the restructuring of the British state and the creation of a political system in which the colonies and dominions would have, if not all the rights of an independent state, then a very wide range of powers, allowing them to pursue an independent domestic and partly foreign policy. The discussion on the establishment of a so-called Imperial Federation received a new impetus. After the First World War, for the victory in which the colonies and dominions paid a high price, the process of their isolation became inevitable. Given the stated theme, the subject of the study is the process of separation of colonial possessions and dominions, the outcome of which was the transformation of the British imperial system into the British Commonwealth. Special attention is paid to the consideration of positions of political and public figures and their influence on the process of transformation of the British Empire.

Key words: British Empire, colonial policy, integration, colonies, dominions, World War I, Imperial Federation, British Commonwealth, League of Nations, Round Table, Canada, Australia, New Zealand, South African Union.

Rybova E.L.

Ternovaya L.O.

Islands and state borders: history, culture, clash of civilizations

The materials of the article significantly expand the subject field of limology, including not only geopolitical, but also civilizational issues, choosing the island model of state development as the ob-

ject of analysis. This research approach is determined, firstly, by the fact that islands in different eras and in various conceptual constructions acted as a kind of model of effective public administration and a territory of a happy life. Secondly, in the last century, the island was clearly outlined in geopolitics as an element of the spatial axis and the concentration of the power supporting it. Thirdly, the most diverse examples of the existence of two states on an island or the location of a military base belonging to another state on the island territory of one state lay the foundations for the development of border problems into a civilizational confrontation.

Key words: state, history, culture, civilization, limology, border, island, geopolitics, military base.

Puzanov V.D.

Formation of the Siberian corps in the 50s XVIII century

By 1755 in Siberian Province there were Olonets, Vologda and Lutsk dragoon field regiments, and Siberian and Newly established garrison dragoon regiments. In addition, the Tobolsk, Yenisei, Yakutsk infantry garrison regiments and the Newly established infantry garrison battalion served in the Siberian province. In total, 10,447 men served in 8 regiments and a battalion. January 31, 1755 Brigadier Yakov Pavlutsky in a report to the Governor of Siberia Lieutenant-General V.A. Myatlev, proposed to replace the Siberian Garrison Regiment, which served on the Irtysh line, with an army dragoon regiment from the New Ishim line. Brigadier I. Kraft - commander of field regiments and lines of Siberia criticized this plan and reported valuable data on the situation of Russian troops in Siberia.

Key words: line, garrison gubernia soldiers dragoons brigadier.

Ryzhakov D.G.

Srednyak K.V.

Zaitseva E.A.

State and political crimes in pre-retvolutionary Russia: on the issue of concepts (according to the materials of the Russian historiography of late 19th - early 21th centuries)

The proposed article illustrates the differences in historiographical interpretations of the state and political crimes. The methodology of the article is based on a chronological study of relevant legislative and memoir sources, as well as specialized literature dedicated to the history of the state crimes. It concludes with the need for the further research and the using of the past experience to develop legal norms.

Key words: state crimes, political crimes, historiography, Russian Empire, history of Russia.

He Yi

Political life of Russia in the epoch of cultural crisis (late 19th - early 20th century)

This article raises the question of the influence of the cultural crisis that engulfed Russia in the late XIX and early XX century on the political events of that time, which ended with the first Russian revolution of 1905-1907. The author of the article considers the prerequisites for the activation of the revolutionary movement in the early twentieth century, the balance of political forces in Russia at that time and the role of the creative intelligentsia in the process of revolutionary struggle. The article concludes that the political processes taking place in the Russian society of that period are the result of the impact of the crisis of culture, which became a powerful catalyst for the rise of the revolutionary movement.

Key words: culture, crisis of culture, creative intelligentsia, revolutionary movement, working class, peasantry.

Berestennikova E.A.

Cooperative development in the Far Eastern Republic (1920-1922)

The implementation of the cooperative model during the Civil War and the intervention in the Russian Far East was an indicator of the universality of this form of social activity in a difficult historical period. In accordance with the buffer laws, cooperative organizations in the republic were created and operated under the conditions of an educated economic model of the DDA, based on a multicultural economy, as well as including several forms of ownership - public, private and

cooperative. A special economic model was created in the Far Eastern Republic, which included the following elements: state ownership of land, subsoil, forests, and waters; a variety of forms of ownership - state, cooperative, and private; a multicultural economy; freedom of producers, entrepreneurship, and trade; and economic independence of local administrative units. Cooperation, as an important component of the economic life of the buffer state, played an important role in the main directions of the economic policy of the DDA: collection of state tax by consumer organizations, participation in measures to overcome the food crisis. Such a picture developed in 1920-1922, where cooperative societies played a special role in the development of the economic life of the region. The article presents the characteristics of the main areas of cooperation in the Far Eastern Republic.

Key words: cooperation, consumer societies, commercial cooperation, credit cooperation, agricultural cooperation, cooperative system, cooperative model.

Dudzko A.D.

Foreign historiography of the issue of western Belarus development within Poland (1921-1939): scientific, cultural and university centres of foreign belarusian studies

The article examines the place, relative importance and the degree to which the history of socio-political life of Western Belarus within Poland (1921-1939) in the Belarusian studies of the scientific and cultural institutions in Great Britain, Germany and France in the sec. half of the XX - early XXI cen. is developed. The article identifies the factors that influenced the formation of the traditions of Belarusian studies in Western Europe. The leading scientific institutions and researchers, in the creative heritage of which the problem has been given a certain prominence, have been outlined.

Key words: historiography, Western Belarus, foreign Belarusian studies, centres of Western European Belarusian studies, Belarusian diaspora, Slavic scholars.

Zubov A.Yu.

Psychological portrait of an officer of the Russian Imperial Navy during the Russo-Japanese War of 1904-1905

The article describes some of the events of the early twentieth century, or rather, military operations between Russia and Japan in the period 1904-1905. In the context of the study of these events, the author assesses the moral, business and professional state of the imperial naval officer corps, while at the same time paying attention to the personal qualities of some officers who took part in this war. To a large extent, the author tries to emphasize the peculiarities of the individual condition of naval officers, their qualities, as well as individual traits and character traits manifested during the conduct of naval battles. The author, assessing the position and degree of influence of such officers on specific situations in battles, determines the reasons for their competent and selfless actions, thereby pointing out the main personal psychological components of the officers of the fleet of that time period.

Key words: war, Russia, Japan, naval corps, honor, dignity, history, imperial fleet.

Kurylev S.A.

“The big leap?” Transformation of the population’s nutrition in 1900-1930s

The article examines the nutrition of the population of the Russian Empire and the USSR in the period of 1900-1930s, which is one of the traditional indicators of the well-being of the population. For the analysis, the materials of budget surveys of the population and calculations of caloric content undertaken by Russian and foreign historians are used. For the first time, data on the nutrition of engineering and technical workers (ITR) and employees from the funds of the Russian State Archive of Economics (RSAE) are introduced into scientific circulation. The calorie content per full consumer (adult eater) for various social groups is calculated, taking into account the characteristics of their professional activities. The results reflect the nature of the socio-economic changes that took place in Russia in the first third of the 20th century.

Key words: nutrition, calorie content, workers, collective farmers, standard of living in Russia and the USSR, consumption, the 1930s, welfare.

*Li Zelin***Russian journalism of the Decembrist movement era**

This article analyzes such an interesting and little-studied period in the history of Russian journalism as the publishing activity of the Decembrists' movement participants, whose advanced ideas were put in the form of journalistic journalism. The article reveals the structure and content of four journals created by the future Decembrists - "Competitor of Enlightenment and Beneficence", "Nevsky Spectator", "Mnemosina" and "Polar Star". The author of the article concludes that all these journals promoted the revolutionary and liberation program of the Decembrists and the literary figures of that epoch sympathetic to them. The distinctive feature of these four journals is the emphasis on the national literature of Russia, saturated with high civil pathos, as well as a sharp criticism of the self-power and political regime.

Key words: Decembrists, Decembrists' publishing activities, secret societies, censorship, Polar Star almanac.

*Mukov M.I.***Experience of preserving the native language in the Abaza diaspora in Turkey**

The article attempts to reveal the factors of preserving the native language of the Abazins living in Turkey. The Abazins, who settled in Turkey mainly as a result of the mass exodus following the Caucasian War of 1817-1864, managed to preserve their national identity and one of its markers - their native language, which is confirmed by Russian, Abkhaz and Turkish researchers. Various factors influenced the purity of the native language and the degree of its use, nevertheless its role remains very significant for the Abazin people.

Turkey's course towards European integration, which led the authorities to understand the need to recognize the Caucasian peoples "by name", the Georgian-Abkhazian War of 1992-1993 and the subsequent international recognition of the state of Abkhazia were a catalyst for the growth of ethnic self-awareness, which determined the exit of representatives of individual peoples from the Circassian (North Caucasian) organizations in Turkey, and the subsequent creation of ethnic public structures, including Abazin ones. Among other things, this led to the intensification of activities aimed at preserving and developing the native Abaza language.

Key words: Abaza, Abazins, Abkhazfed, Alashara, Diaspora, Dernek, Kaffed, Türkiye, Language.

*Gelaeva Z.A.***Priterechye is a zone of Chechen-Russian good-neighborly relations in the 18th-19th centuries**

In Russia, due to the fact that it is a multinational country, the topic of interethnic relations remains relevant not only in the past, but also in the present. It is very important to maintain peace and stability in the multinational regions of the country to rely on positive examples of the past, when peoples, regardless of the policies pursued by the authorities, themselves built their relations on the basis of life-affirming folk customs and traditions that they carried through the centuries. The article shows the role of the Chechen Priterechye region as a zone of friendly, good neighborly relations between Chechens and Cossacks, where economic, cultural mutual enrichment and mutual influence of neighboring peoples shared by the Terek took place. In our article, we set a goal to show the formation of the Chechen-Cossack population of the Terek region, examples from the history of relations between Chechens and Cossacks, how the peoples of the Terek region, relying on the traditions of kunakism and hospitality, coexisted in friendship and good neighborliness. Analysis of the sources and literature used led us to the conclusion that the Chechens and Cossacks, living in the neighborhood, mutually influenced each other and were in ethnocultural, trade relations, etc. When studying this problem, we were guided by the methods of historical science, the principles of objectivity, and historicism.

Key words: Priterechye, upper-twilight Chechens, Cossacks, villages, kunachestvo, good-neighborly relations.

Авторы

Анзина Т.И. - кандидат педагогических наук, доцент. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Баталов А.А. - кандидат филологических наук, старший преподаватель, Институт иностранных языков, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Берестенникова Е.А. - кандидат исторических наук, доцент. Дальневосточный государственный медицинский университет, г. Хабаровск.

Вышегородцева М.С. - магистр. Российский государственный социальный университет.

Гелаева З.А. - кандидат исторических наук, доцент. ФГОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова», ведущий научный сотрудник, Академия наук Чеченской республики.

Гольцов А.Н. - аспирант. Институт истории и права Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского.

Долгенко А.Н. - заведующий кафедрой русского и иностранных языков, доктор филологических наук, доцент. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

Дудько А.Д. - кандидат исторических наук, доцент. Гродненский государственный университет имени Я. Купалы.

Зайцева Е.А. - кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой. Нижегородский государственный технический университет имени Р.Е. Алексева.

Зубов А.Ю. - старший преподаватель, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации имени Главного маршала авиации А.А. Новикова».

Иванова А.П. - ассистент. Институт языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации. ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», Якутск.

Косырева М.С. - доктор филологических наук, доцент. Новосибирский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии.

Курылев С.А. - аспирант. Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Лыткина О.И. - кандидат филологических наук, доцент. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

Ли Цзэлинь - магистр. Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова.

Муков М.И. - аспирант, Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский

научный центр Российской академии наук», г. Нальчик.

Мурашко С.Ф. - кандидат психологических наук, профессор, доцент. Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Пузанов В.Д. - доктор исторических наук, профессор. Шадринский государственный педагогический университет.

Рудакова С.В. - кандидат психологических наук, доцент. Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Рыжаков Д.Г. - кандидат исторических наук, доцент. Нижегородский государственный технический университет имени Р.Е. Алексева.

Рябова Е.Л. - доктор политических наук, главный редактор журнала «Этносоциум и межнациональная культура».

Серегина М.К. - магистрант. Институт иностранных языков, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Средняк К.В. - кандидат исторических наук, доцент. Нижегородский государственный технический университет имени Р.Е. Алексева.

Стрижова Е.В. - старший преподаватель, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Терновая Л.О. - доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет.

Хэ И - магистр. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Authors

Anzina T.I., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor. Plekhanov Russian University of Economics.

Batalov A.A., PhD, Assistant Professor. Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Berestennikova E.A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Far Eastern State Medical University, Khabarovsk.

Dolgenko A.N., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor. Head of the Department of Russian and Foreign Languages, A.Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Dudzko A.D., Candidate of History, Associate Professor, Yanka Kupala Grodno State University.

Gelaeva Z.A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Chechen State University named after A.A. Kadyrov, leading research fellow, Academy of Sciences of the Chechen Republic.

Goltsov A.N., Postgraduate student, Institute of History and Law, K.E. Tsiolkovsky Kaluga State University.

He Yi, Master. Lomonosov Moscow State University.

Ivanova A.P., Assistant. Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the North-East of the Russian Federation. Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov", Yakutsk.

Kosyreva M.S., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor. Order of Zhukov Novosibirsk Military National Guard Troops Institute.

Kurylev S.A., PhD student. St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

Li Zelin, Master. Lomonosov Moscow State University.

Lytkina O.I., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. A.Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Murashko S.F., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee.

Mukov M.I., Graduate Student, Federal State Budgetary Scientific Institution "Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Russia, Nalchik.

Puzanov V.D., Doctor of Historical Sciences, Professor. State Pedagogic University.

Rudakova S.V., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Docent. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee.

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Editor-in-Chief of the journal

“Ethnosociety and Interethnic Culture”.

Ryzhakov D.G., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Novgorod State Technical University name after R.E. Alekseev.

Seregina M.K., Master’s Degree Student. Institute of Foreign Languages, Peoples’ Friendship University of Russia.

Srednyak K.V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Novgorod State Technical University name after R.E. Alekseev.

Strizhova E.V., Senior lecturer of Plekhanov Russian University of Economics.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Highway State Technical University.

Vyshegorodtseva M.S., Master. Russian State Social University.

Zaitseva E.A., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor. Head of the Department of Public Relations, Marketing and Communication, Novgorod State Technical University name after R.E. Alekseev.

Zubov A.Yu., Senior Lecturer. St. Petersburg State University of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation A.A. Novikov.

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЭТНОСОЦИУМ»**
Журнал «ЭТНОСОЦИУМ и межнациональная культура»
входит в Перечень ВАК РФ

В составе редакционного совета ведущие государственные, общественные деятели, выдающиеся российские и зарубежные ученые. В работе журнала участвуют все регионы России, страны Латинской Америки, Китая, Европы. Журнал распространяется во всех органах государственной власти России (во всех регионах), в посольствах зарубежных стран и за рубежом.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОСУЩЕСТВЛЯЕТ:
создание, регистрацию, издание и продвижение журналов и альманахов; помощь во всех вопросах, в том числе в юридических, бухгалтерских, арендных, кадровых.
Редакционная подготовка
(литературное и техническое редактирование), дизайн.
Рецензенты и оппоненты, доктора наук и профессора.
Издаем книги, монографии, авторефераты, учебные пособия и др. на высоком уровне, нужным тиражом!

В процесс выпуска книги входит:

- * допечатная доработка (по желанию автора);
- * редактирование;
- * корректура;
- * подготовка электронного макета;
- * присвоение ISBN;
- * присвоение кодов УДК, ББК и авторского знака;
- * разработка дизайна обложки;
- * печать тиража (различными способами: офсет, цифра);
- * передача 16 экземпляров в Книжную палату;
- * рассылка готового тиража по территории РФ.

Все изданные нами книги проходят рецензирование и квалифицированную предпечатную подготовку.

www.etnosocium.ru
тел: +7 (495) 772-19-99
e-mail: etnosocium@mail.ru